

Три тысячи шагов по Арбату

Олег Гусев

Олег
Гусев

Три тысячи шагов
по Арбату

...Сергей искренне верил, что Арбат преобразает людей, доставая, бережно и трепетно, то самое лучшее, что скрыто под бронёй и чешуёй наших ошестившихся душ. Человек начинает светиться изнутри, попадая в лоно этой удивительной улицы...

Олег Григорьевич

Три тысячи шагов по Арбату

Москва
2010

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44
Г 85

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Гриसेвич О.П.
Г 85 Три тысячи шагов по Арбату – М.: ИПО «У Никитских
ворот», 2010. – 144 с.

ISBN 978-5-91366-170-8

Олег Грисевич, экспериментируя в своих рассказах с формой, переплетая между собой явь и сон, реальность и мистику, синтезируя модерн и классику, можно с уверенностью сказать, пишет сочные, живые рассказы. Рассказы интересные, на современные и вечные темы. Они будоражат воображение и будят фантазию. Интригующий сюжет; герои, которым сочувствуешь, сопереживаешь; точность описания и яркость действия. Захватывающие и трогательные картины московской, а в целом, просто человеческой жизни, с её тайнами и открытиями, радостью и горем, не оставят читателя равнодушным.

ISBN 978-5-91366-170-8

© Грисевич О.П., 2010
© ООО «МГО СП России», 2010
© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2010

ТРИ ТЫСЯЧИ ШАГОВ ПО АРБАТУ

Сергей встречался с Катей в начале Арбата у ресторана «Прага». Катя, естественно, как все девушки на свете, опаздывала. Почему как все? По крайней мере, я ещё не встречал девушек, приходящих вовремя, будь то первое свидание или обыденная встреча. Наверное, мне не везло, но сейчас речь не обо мне. Девушки любят, чтобы их ждали. Чтобы мы, мужчины, томились и лихорадили. Таким образом, они, милые женщины, ангельские создания, ещё до своего появления набирают очки в этом неравном поединке. В поединке под названием «любовь». Ты ждёшь, волнуешься, переминаясь с ноги на ногу на ледяном ветру, или заказываешь очередную порцию выпивки, сидя в ресторане. Потом ты суетишься, страдаешь. Затем негодуешь и про себя, а иногда и вслух, возмущаешься. И вот, когда ты готов покинуть свой пост, наконец появляется она, окутанная священным сиянием. Вокруг начинают петь райские птицы, затихают муссоны и распускаются орхидеи. А ты, уже забыв свои мучения, а иногда и решительные намерения, вплоть до разрыва так и не начавшихся отношений, готов немедленно бросить к её ногам весь земной шар с собой в придачу. В этом спектакле женщина всегда играет главную роль. Она примадонна. Она бо-

гиня. Успев только появиться и не проронив ни слова, она желаемая и любима во стократ больше, нежели накануне, в час расставания, час горький и трепетный. Дешёвый и старый как мир приём, – скажут многие. Возможно, но он работает, как швейцарские часы, – точно и безотказно.

Сергей знал, что Катя опоздает. Он успел за непродолжительное время их совместной жизни хорошо, как ему казалось, изучить её привычки. Молодой человек был слегка взволнован, но это было не из-за ожидания девушки. Внутренне он был готов, опять-таки, как ему казалось, к встрече и нелёгкому для себя разговору. Дело в том, что Сергея всегда охватывало приятное волнение перед прогулкой по Арбату. Это было как будто перед выходом в море. Ты пока в гавани, но морская даль уже взяла твою душу в солёный и сладостный плен. Ещё стоя на берегу, ты уже кружишь вместе с чайками над бирюзовыми волнами. Вот раздаётся команда: «Отдать якорь!», паруса наполнены свежим бризом, и – ты уже идёшь по волнам брусчатки мимо скал домов в море беззаботных гуляк, бородатых, как пираты, художников и просто красивых и добрых людей. Да-да, именно добрых. Сергей считал, что любой и каждый человек, попадая на Арбат, на эту улицу радости и умиротворения, менялся. Угрюмый становился весёлым, жадный – щедрым, зануда – живчиком, и так далее. Сергей искренне верил, что Арбат преображает людей, доставая, бережно и трепетно, то самое лучшее, что скрыто под бронёй и чешуёй наших ошетилившихся душ. Человек начинает светиться изнутри, попадая в лоно этой удивительной улицы. Он неспроста договорился встретиться с Катей именно здесь, в тайне надеясь, что Арбат поможет ему. Всем сердцем Сергей верил в это, но умом понимал, что шансов у него нет. Ещё вчера, при долгом и мучительном выяснении места встречи, Катя, как

всегда, иронично-убийственно комментировала его предложения: «Скворцов, Арбат тебе не поможет. Это будет наша последняя встреча. И точка. Пока ты вчера шатался по своему Арбату, я забрала свои оставшиеся вещи, и вообще, встречай меня на Тверской, около “Елисеевского”». Сергею Скворцову чудом удалось договориться о встрече на Арбате. Катя всегда называла его по фамилии – Скворцов, пытаясь выглядеть старше. Лишь когда она просила поцеловать себя, то складывала свои пухлые губки бантиком, закрывала глазки, вытягивала вперёд личико и детским голоском шептала: «Сержик, поцелуй, поцелуй меня». Катя Уфимцева в отличие от Сергея Скворцова, коренного москвича, приехала из глубинки нашей необъятной Родины. Москву она считала, как и миллионы других, городом больших возможностей и больших потребностей. Никакого романтизма – трезвый расчёт, в меру своего интеллекта и своей красоты. Сергей был для неё одной из ступенек. Но, как она признавалась подруге с Котельнической набережной, – а Катя умела дружить с нужными людьми, а нужные люди, как правило, живут в престижных местах и хороших домах, – ступенькой скользкой, и совсем не вверх, а вниз. «Но ведь надо же с чего-то начинать», – всегда оправдывалась Катенька перед нужными людьми. А Сергей был романтиком. Он родился и вырос в одном из арбатских переулков в типичной коммуналке. Жили они с мамой без отца, занимая небольшую комнатку рядом с кухней, но зато с балконом. В этих родных переулках обитала на подоконниках и фонарных столбах особая атмосфера. Этот воздух пьянил свободой, горьковатой поэзией с привкусом открытий вселенского масштаба. Он окутывал тебя и в коммунальной квартире из пяти комнат, в кухне с двумя плитами, в очереди по утрам в уборную, в кишке длинного и узкого коридора с развешанными по стене велосипедами, санка-

ми, корытами и прочей домашней утварью. Над всеми этими мелкими неудобствами и ненужными вещами брали верх и заряжали светлой энергией чувство доброты, веры в будущее, чувство взаимопомощи и единения, так и витавших по огромной квартире вместе с запахом кислых щей летом и ароматом мандаринов зимой.

– Ну что, Скворцов, опять размечтался? – зазвенел колокольчиком в солнечном апрельском воздухе до улыбки знакомый голосок.

– А, это ты наконец! – обрадовался Сергей и широко, по-детски заулыбался.

– Эх, Скворцов, Скворцов, ну, что это за встреча, – словно обидевшись, колокольчик лопнул и задрезжал, – а где цветы, где подарки? Ну ты и тютя.

– Я приготовил подарок, вернее даже сюрприз, – заговорщицки зашептал Сергей.

– Знаем мы все твои сюрпризы, – уже с нескрываемым раздражением иронизировала Катя, – оценил хотя бы новый мой наряд. И Катя, словно в танце, закружилась перед Сергеем, показывая новый синий плащик чуть выше колена и стройные ножки в итальянских фиолетовых сапожках.

– Вот, смотри, внимательно смотри, какую красоту теряешь, – опять зазвенела Катька, забыв, что вокруг снуют люди, а где-то глубоко под землёй мчатся поезда безотказного метро.

Катя кружилась вокруг себя, не замечая ничего и никого вокруг. Она распустила золотые волосы и смеялась, словно сама весна, сошедшая с неба на московские улицы. Сергей был романтиком, и именно в такие мгновения его горящая любовь вспыхивала ещё ярче. В такие мгновения Катя живая, настоящая совпадала с придуманным, нереальным образом девушки Серёжиной мечты. Это случалось, когда они в первые дни знакомства короткими летними ночами

забирались на крышу его дома и, смешно задрав головы, смотрели на близкие звёзды. Случалось, когда Катя переехала к нему в освободившуюся от соседки комнату, они целовались у окна, за которым вдруг пошёл крупными хлопьями первый снег. И Сергею казалось, что они с Катенькой летят где-то высоко-высоко над землёй. Он выключил свет, и комната наполнилась этими, крупными хлопьями и закружила их. Поцелуй, поцелуй, объятья, объятья... Потом они долго лежали на не расстеленной скрипучей кровати и, взявшись за руки, смотрели в потолок, на тени от фар проезжающих мимо дома машин. А снег всё кружил и кружил по притихшей комнате тёплыми тёмными пятнами.

– Рот прикрой, а то ворона залетит, – Катя резко прекратила кружиться. – Давай рванём за твоим сюрпризом. У меня времени в обрез. Уже, считай, Шурик ждёт.

– Да, конечно, идём, – по-деловому сухо пытался отвечать Серёжа, сгоняя с себя налёт мечтательности.

– Но учти, что гулять по твоему Арбату я согласилась только из-за твоей мамы. Очень вкусные у неё пироги с рыбой получались. Я даже рецепт записала, – она с лёгкостью взяла Сергея под руку, и они окунулись в море под названием Арбат.

С первых шагов по брусчатке Сергей начал считать про себя шаги. Он был твёрдо уверен, что, если они смогут пройти вместе три тысячи шагов по Арбату, а это как раз до Тропиленского переулка, где поворот к метро «Смоленская», то Катя его не бросит, не уйдёт к какому-то Шурику. Ведь странно, что за всё время их знакомства они так и не разу не прошли весь Арбат, в одну или в другую сторону. Сергей знал количество шагов, предстоящее им пройти, но думал, что нужно обязательно считать про себя, обязательно считать. А то чудо может не состояться. Арбат спосо-

бен изменить его возлюбленную Катю, выставить на первый план всё то, что он, Сергей, видит и ценит в ней. Арбат поможет ей понять, что деньги не самое главное в жизни, что есть ещё любовь и дружба. Поможет осознать, что выгода не на первом месте, а главное преданность и взаимопонимание. Арбат растолкует ей, конечно, самой красивой на свете, что кроме красоты внешней, дорогой одежды и украшений есть ещё красота внутренняя, духовность и чистота. Что жить богато и безбедно не есть сама цель, а лишь способ достичь внутренней гармонии с собой и окружающим миром.

– Слушай, только давай сразу договоримся, – прервала его размышления Катя, – давай без этих бесед о высоком и прекрасном. Хорошо? Давай просто прогуляемся перед обедом, меня Шурик в ресторане ждёт, помолчим. Так будет лучше, особенно для тебя, а то я развернусь и уйду.

Сергей согласно закивал головой. Да, так будет даже лучше. Семьдесят один, семьдесят два, семьдесят три. Чего говорить? Уже столько говорено-переговорено. Арбат всё сделает сам. Сделает лучше, даже опомнится, милая, не успеешь. Девяносто девять, сто.

– Слушай, Скворцов, а почему ты такой скучный? – Вдруг слегка подтолкнула плечом его Катя, – вон Шурик, анекдотами так и сыпет. Рассказал бы чего смешного, а то идём, как за гробом.

– Да, конечно, сейчас расскажу, – и Серёжа натянуто и принуждённо засмеялся, сам думая, как бы не сбиться со счёта, – сосед вчера рассказал. Смеялся весь вечер. Просто обхохочешься. Шурик тебе такого не расскажет.

– Ты мне Шурика не трогай, рассказывай давай.

– Сто сорок девять, сто пятьдесят...

– Что сто пятьдесят?

– Так это, анекдот такой... Значит... Анекдот... А, вот! Летят Василий Иванович с Петькой на самолёте. И

вдруг Василий Иванович как крикнет: «Петька, приборы!», а Петька ему в ответ: «Сто пятьдесят!», Василий Иванович ещё громче: «Что сто пятьдесят?», а Петька во всю глотку: «А что приборы!» – и Серёжа натужно рассмеялся неестественным, сдавленным голосом.

– Ну, Скворцов, это в твоём духе. Я этот анекдот ещё в школе слышала. – Катя остановилась и вырвала свою руку из-под руки Сергея, – да перестань ты ржать, как лошадь, на всю улицу! Люди уже вон смотрят!

– Двести тридцать три, – Сергей резко прекратил смеяться и остановился как вкопанный – да, точно, двести тридцать три.

– Что двести тридцать три?

– В анекдоте не сто пятьдесят, а двести тридцать три. Точно.

– Точно то, что ты того, – Катя покрутила пальцем у виска, – ладно, пойдём дальше, а то уже люди стали вокруг собираться. За клоунов нас принимают. – Она взяла его под руку, и они двинулись дальше.

Кате всегда было важно, как её принимают. Как на неё смотрят, что о ней думают, что говорят. Она любила быть в центре внимания, в эпицентре событий. Красота требует внимания, а Катя, несомненно, была красивой девушкой и искренне считала, что весь мир крутится только вокруг неё. И это не злостный умысел, не коварное убеждение, а всего лишь искреннее заблуждение. Но ведь, чем красивее цветок, тем быстрее его сорвут. Вот плата за красоту. Красота не способна управлять миром. Да, с её помощью можно добиваться каких-то своих мелких, эгоистичных целей. Но расплата в этом случае неминуема. Ведь красота должна сиять, указывая нам верный путь, быть нравственным ориентиром. Красота должна воспитывать, лечить и учить. Красота – это спасение, светоч нашей жизни. Кате были чужды подобные мысли. Каждое утро перед зеркалом, расчёсывая свои роскошные волосы, как у златовласки, она

упивалась своей красотой и властью над мужчинами. А, следовательно, и над миром. Нет, думала она, миром правит не сила, а красота. Моя красота. Один мой недовольный взгляд, один поворот головы, и может начаться война и извержение вулкана. Она, конечно, никогда не была наивной девочкой, но уже давно пора бросать этого тюфяка Скворцова. Он в жизни ничего не добьётся. Вечно без денег, занимается чёрти чем – специалист по озеленению города. Это разве профессия? Он помог ей осмотреться, освоиться в Москве, и на том спасибо. Да, и мама его много ценных советов за этот, почти год, дала. Одни кулинарные рецепты чего стоят. А мужчины, особенно при деньгах, любят вкусно покушать. Хотя стоять у плиты она не собирается, но при случае может пригодиться. Да, кстати, подружка с Фрунзенской набережной пообещала познакомить её с очень перспективным Шуриком. Своя квартира, машина, на газовой трубе сидит. Так что, пока он свободен, нужно ковать своё счастье.

– Скворцов, ну и где же твой сюрприз? А то мой Шурик такой нетерпеливый, – после долгого молчания спросила Катя. Серёжа успел досчитать уже до тысячи и разменял вторую. Катя же в это время с интересом разглядывала прохожих, пытаясь разгадать по одежде и лицу, кто иностранец, а кто наш, родной.

– Уже скоро, сейчас только до Вахтанговского театра дойдём.

– Так это ты меня в театр напоследок решил сводить? Нет, я же тебе всегда говорила, я театр не люблю.

– Для театра вообще-то рановато.

– Знаю, знаю, не учи. Кстати, чтобы ты не дулся особенно, – начала бойко упрекать Катя, – за всё время нашей совместной жизни ты меня так никуда, кроме своих чокнутых друзей и своего театра, не водил. А мне не нравится. Сидишь, засыпаешь, пока они там

кривляются на сцене. А Шурик уже обещал меня вывезти на море. Что молчишь, нечего сказать. Так-то!

Серёжа решил промолчать, не вспоминая, что приглашал Катю и в Третьяковку, и на фотовыставку. Но она отказалась, сказав, что фотовыставка – это скука смертная, а в музее у неё болят ноги. Половина пути была пройдена. Вот и здание театра имени Вахтангова, окутанное аплодисментами и овациями.

– Катенька, я подготовил тебе сюрприз, – прервал молчание Сергей, – сейчас мы подойдём к художнику, и он нарисует наш совместный портрет.

– К какому ещё художнику, – удивилась Катя, – и, Скворцов, не называй меня Катенькой.

– К бородатому, – и он указал пальцем на художника с большой, как лопата, бородой, сидящего напротив театра, – он очень хорошо рисует; я, Катенька, специально наблюдал. Применял метод сравнения, как ты учила. У него за три часа – три человека, а у того, что в очках, видишь?

– Лысый, который рядом?

– Да-да, лысый, так у него всего один, – торжествуя закончил Сергей.

– Сколько раз я тебе говорила, я не люблю бороды.

– Хорошо, – охотно уступил Сергей, – пойдём к лысому.

– Скворцов, ты больной и не лечишься? – Катя смотрела на него с сожалением, как на трёхногую собаку. – Скворцов, очнись, какой лысый, какие портреты? Я уйду от тебя, я уже ушла.

– Но я подумал, может, ты передумаешь, – потупив голову, мямлил Сергей, – я подумал, может, мы пройдемся по Арбату, всё выясним, художник напишет наш портрет, мы повесим его над кроватью и, может, начнём всё заново. А? Катенька...

– И зачем я согласилась с тобой встречаться! – злилась Катя, – а вдруг сейчас мой Шурик уйдёт! К

чёрту тебя и твои пироги! – Катя решительно двинулась в сторону Большого Николопесковского переулка. Сергей ринулся за ней и схватил её за руку. Тут уже было не до счёта шагов. Хотя он упорно верил, что надо только пройти вместе эти три тысячи шагов.

– Но я же люблю тебя! – закричал он.

– А я тебя нет, – спокойно отвечала она, – руку отпусти, больно.

– Ты просто не понимаешь, ты тоже любишь меня! – уже в отчаянии кричал он, – ты мне нужна, нужна!

– А ты мне не нужен, – совершенно спокойно говорила она, – да и понимаю я побольше твоего, хоть и младше.

– Ладно, ладно, Катенька, ты не сердись, – казалось, что, ещё чуть-чуть, и Сергей заплачет, – не надо никакого портрета. Это я так, сюрприз хотел устроить. Пойдём, просто дойдём до конца Арбата, и всё наладится. Всё будет хорошо...

– Никуда я с тобой не пойду! Сумасшедший какой-то. – Катя оглядывалась по сторонам, как бы выискивая такси, – Шурик уже, наверное, нервничает. Нельзя так парня мариновать, а то соскочит.

Сергей чувствовал, как у него из-под ног уходит земля. Весь мир рушился. Арбатские дома стали проваливаться под землю, люди исчезли, небо почернело.

– Слушай, Сквиорцов, ты хотел там что-то нарисовать?

– Да, – не сразу ответил он, – наш совместный портрет, ну, хотя бы твой. На память.

– А сколько это стоит?

– Тысячу рублей...

– Так вот, дай-ка, Сквиорцов, эту тысячу рублей мне на такси, а на память я вышлю тебе свою фотографию. Договорились? – она действительно потом выслала Сергею свою фотографию. Ей льстило, что её боготворят и любят на расстоянии.

Сергей машинально достал деньги и протянул их Кате. Она быстро взяла их. Зажмурила глаза, втянула губки, сложив их бантиком, и прошептала:

– Сержик, поцелуй меня на прощание.

Но Серёжа не слышал и не видел её. Он стоял, как будто в пустыне. И никого вокруг не было – ни Кати, ни Арбата – никого. Неизвестно, как долго это продолжалось. Но вдруг до него стали доноситься звук. Эта была гитара и чей-то знакомый с детства хриплый голос, звучащий тогда почти из каждого окна в их переулке. Он пошёл на этот голос. Сначала робко и неуверенно, но потом он ускорил шаг и продолжил свой счёт. Одна тысяча семьсот, одна тысяча семьсот один. И вот постепенно перед ним стали появляться люди, а вокруг возникать знакомые дома. И вот он снова на брусчатке. Чтобы пройти свои три тысячи шагов по Арбату.

БУТЫЛКА ПОРТВЕЙНА

— Да как же ты не поймёшь, дубина ты стоеросовая! — возмущался, но без злобы, а так, больше для виду, Филя.

— Да не верю я в это, — с ленцой отвечал ему Фома, закуривая очередную папиросу.

— А ты пойми сначала, а когда поймёшь, тогда и поверишь, как миленький поверишь! — всё настаивал неугомонный Филя.

— Давай, может, лучше про рыбалку, там, или о бабах, — скучающим голосом просил Фома, но сегодня Филимон был настроен решительно.

— Нет! — отрезал Филя. — Бабы подождут, а это вопрос жизни и смерти, — тут он немножечко запнулся, порадовавшись своим словам. — Жизни и смерти, понимаешь, а не вопрос рыбалки с бабами... — но дальше слов не находилось, и Филя нарочито профессорски закашлялся, прикрывая пальцами рот. И чтобы смочить горло, он плеснул немного портвейна в стакан и выпил крепенькое мелкими глотками. Фома тоже налил себе, выпил одним махом, цокнул языком от удовольствия и сладко выдохнул. Однако, встретившись глазами с решительным взглядом Филимона, опять помрачнел и, взяв пепельницу, встал с табуретки и сделал шаг к окну. Уже стемнело. На

улице шёл дождь, через открытую форточку слышался его глухой шум. Приятелям следовало бы открыть не только форточку, но и окно, потому что от папиросного дыма маленькая кухня напоминала турецкую парную или поле боя. Но не только окно, но даже и дверь была закрыта, чтобы в комнаты дым не пошёл. Фома и Филимон были отрезаны от окружающего мира кухонной дверью с толстым шершавым стеклом. Геометрия кухни проста. А суть обстановки – ещё проще. Холодильник, плита, стол. Вот три кита, на которых держится любая кухня. Всё остальное – дело вкуса и ... ещё раз вкуса. Основные события происходили, конечно же, за столом. Всё было достойно и убедительно. Три бутылки розового портвейна, одна уже пустая, поджидала своих сестёр под столом. «Покойника со стола», – любил приговаривать Филимон. Вторая выпита наполовину, ну а, глядя на третью, душа наполнялась спокойствием и радостью за счастливое будущее. Кильки в томате – непревзойдённая закуска не только по цене, но и по благотворному воздействию на организм вперемешку со спиртным. Колбаска любительская, этот нежный жирок в упругом батоне, была нарезана хоккейными шайбами. Фома не любил особенно церемониться. Чёрный хлеб, очищенная луковица, разрезанная пополам, соль в солонке. Два гранёных стакана, две вилки. Фоме вилки пачкать не хотелось, но кильки руками – это слишком. Можно было бы их консервным или обычным ножом на хлеб, да перед приятелем неудобно. Он и колбасу, гляди, на хлеб вилкой кладёт. Всё это богатство размещалось по старой привычке на газете «Советский спорт» за август 91 года, пожелтевшей и ломкой. Стол был накрыт столь нелюбимой Фомой клеёнкой в красный горошек. Как отмечалось выше, всё и происходило за этим четвероногим другом. Да и негде было происходить, так как, если бы пришёл ещё и Колян из

второго подъезда, то сидеть бы пришлось ему на этом же столе, сложив ноги опять же по-турецки. Кухня была катастрофически мала. Мала до невозможности, мала до ломоты в суставах и першения в горле. Но это была отдельная частная кухня. «Собственная кухня. Моя!» – так любил говаривать Фома, нарочито растягивая каждое слово. А это, согласитесь, не мало. Иногда Фома называл её клетушкой, наскакивая ляжкой на угол стола, но любил сиживать именно там, на собственной кухне, а не в комнатах. Курить в комнатах жена запрещала, мол, спать невозможно. И после коротких распрей они договорились: Фома курит на кухне, закрывая дверь, но открывая форточку, а Людка, жена его, значит, в постели перед сном не читает, а то у Фомы весь сон выветривается. Был у них в квартире и балкон, но, как казалось Фоме, держался он на честном слове, и выходить на него Фома не любил – боялся. Но виду не показывал. «Да что я на этом балконе не видал!» – отмахивался он от гонящей его на воздух супружницы. Так вот сегодня приятели выкурили уже целую пачку и начали вторую. На кухне, а вернее в клетушке, можно было вешать не только топор, но и молот с наковальней. Фома докурил папиросу, выдохнул остатки дыма в форточку, туда же бросив окурочек, и опять присел на табурет, жалобно скрипнувший под массой седока. Он разлил содержимое второй бутылки по стаканам.

– Покойника... – начал было Филимон.

– Знаю, знаю, со стола, – продолжил Фома. – Ну, поехали! – и, стукнув гранёный о собрата, вылил его содержимое в себя.

– Будь здоров, Фома, – откликнулся его приятель и, последовав примеру Фомы, мелкими глотками всосал розовое.

Фома получил своё прозвище от фамилии Фомичёв, и с детства все звали его Фома с ударением имен-

но на первый слог. Да и имя своё – «Аркадий» – Фома не любил. Считал его интеллигентским и каким-то цирковым. Интеллигентов он тоже не любил. Считал их людьми мягкотелыми и не способными на решительные действия и большие дела.

– Это всё интеллигенты чёртовы Россию продали, что тогда, что сейчас, – частенько гремел Фома, сидя перед телевизором. Был он высокого роста, крупного сложения – широкая кость, с годами потучневший и малость обрзгший.

– Ты бы хоть гирю свою поподбрасывал, – пилила его Людка, – а то скоро совсем жиром заплывёшь!

– Повыбрасываю, повыбрасываю, – отвечал Фома, – а то только и спотыкаюсь по ночам об гирю эту. – Работал Фома завскладом в одной шараге на окраине Москвы. Работа – не бей лежачего. Жизнью был, в общем, доволен, только интеллигенцию всё крыл, поднимая кверху свои маленькие маслянистые глазки. – Их бы взять, – и он хватал себя огромной пятернёй за бетонный подбородок, – и в кучу дерьма, чтобы узнали, каково нам живётся!

– Да что ты всё к этим очкарикам цепляешься? – защищала интеллигенцию жена его, Людка. – Им тоже сейчас не сахар, вон книжки да ложки свои продают на улицах. От стыда готовы под асфальт провалиться. А никто ничего у них не берёт, и жалко больных, и помочь нечем. У самих всё в обрез.

– Нечего жалеть их, – наседал Фома, – нас вон никто не жалеет!

– Тебя-то чего жалеть! Во, – и Людка разводила руки во всю ширину, – как на базе своей отожрался! – Жалкий мой, – резала по живому Людка. Фома обиженно умолкал, свою благоверную он немножко побаивался и ценил. Людка была женщиной деревенской, полной, с васильковыми добрыми глазами. Но если что, могла и сковородкой огреть. Работала она фасов-

щицей на мясоперерабатывающем комбинате. Сосиски у них в доме были всегда, но Фома их терпеть не мог, называл крысками в целлофане, однако уплетал каждый день, обильно поливая кетчупом этот мясной суррогат. Вот и сегодня, придя с работы, Фома борщ есть не стал, а собирался отварить целую гору сосисок, – Людка была во вторую смену. Только он выдавил кровавый холмик кетчупа на тарелку – кетчуп он любил приготовить заранее – как в дверь позвонили. Два коротких, будто извиняющихся звонка. Обычно так звонил Филимон, сосед по площадке. Фома распахнул дверь, и точно, на пороге стоял Филимон, глаза его горели. Филимон был полная противоположность основательному Фоме. Невысокий, костлявый, лицо вытянутое, с острой бородкой, как наконечник тонкого лица. Фамилия его была Нечаев, а звали его действительно Филимон.

– Наградили родичи меня, – часто потрескивал Филимон, – удружили с имечком. – И, как ни старался он, чтобы звали его Нечай или по отчеству – Иванович, все упорно звали его Филимоном, или ещё хуже – Филей. На Филю он старался не откликаться, и лишь когда совсем доставали, бил себя в грудь кулаком и вскрикивал: «Филимон, Филимон я!» Глаза его напоминали затухающий костёр, но способный разгореться в любую секунду. И именно так и было сегодня.

– Разговор, говоришь, серьёзный, – процедил Фома. – Ну, тогда беги в магазин.

– Денег маловато, – стал заискивать Филимон, – ты же знаешь, я временно безработный.

– Знаю, знаю, что ты вечно безработный, – пожурил его Фома, но денег добавил. Филимон поразительно быстро вернулся из магазина и, убедившись, что супружница на работе, с порога начал:

– Я потрясён, потрясён до глубины души! Это просто невероятно! На меня навалилось озарение! –

чуть ли не кричал Филимон, снимая стоптанные во-
внутрь рыжие сандалии. Фома же кривил лицо и от-
махивался от собутыльника, как от назойливой мухи:

– Да погоди ты подпрыгивать! Сейчас крыски из-
за тебя переварятся. Во, гляди, чуть не сгорели! Вода
вся выкипела.

Надо сказать, что, отваривая сосиски, Фома на-
ливал воды совсем чуть-чуть. Не то чтобы ему было
жалко жековской ржавой водицы, а то, что, чем
меньше воды, тем быстрее она закипала. Фома был
рассудителен. И вдобавок любил ещё для виду на-
пустить на себя немного ленцы, для солидности, как
ему казалось. Выключив газ и вывалив на тарелку
разбухшие и местами лопнувшие сосиски, он про-
должал поучать:

– Ты не суетись, не мельчи, – назидал Фома
Филю, – нельзя с порога о главном, нужно сначала
так, вскользь – о погоде, о природе. А то и слушать
тебя никто и не станет. У всех своих проблем по гор-
ло. – И Фома характерным пиратским жестом пере-
резал себе ладонью толстую шею. Сбив таким обра-
зом наступательный порыв Филимона, но, войдя во
вкус, Фома, расставляя закуску, продолжал поучать
нерадивого сотоварища. Иногда Филимон пытался
перехватить инициативу, вставляя не к месту всякие
словечки, возмущался и даже пытался запеть что-то
наподобие молитвы. Но каждый раз Фома умело пре-
секал попытки Фили перейти к столь волновавшему
его вопросу. В таком дружелюбном противостоянии
друзья опорожнили две бутылки и явно не собира-
лись останавливаться на достигнутом. И, чем больше
хмелел Фома, тем больше он обсасывал свою люби-
мую тему:

– Вот, рассуди, придёшь ты, к примеру, ко мне на
базу. И нужен тебе позарез товар редкий. И у меня он
есть, конечно. И станешь ты мельчить, лепетать там

что-то. В общем, нести несурязицу несусветную. Ещё, не дай Бог, и заикаться начнёшь! И что я скажу тебе. Да и любой на моём месте скажет. И покрепче ещё скажет. А шёл бы ты куда подальше, Филя, отсюда. А почему? Потому что значимости, веса нет в тебе. Не уважаешь ты себя, брат, не уважаешь. А коль себя не уважаешь, то другой, да ещё и рангом повыше, и подавно тебя за моль пальтовою считает. И всякий, пусть и хуже тебя, но с наглинкой, прихлопнуть тебя норовит, – уже гремел Фома. – А как надобно поступать, спросишь ты? – хотя уже несколько растерянный Филя не произнёс ни слова, вопрошал у кого-то в холодильнике Фома. – А я скажу тебе как! Во-первых, сделай вид, что тебе ничего от меня и не нужно совсем. Нет, горчицы нет! – с недовольством заключил Фома и захлопнул дверку холодильника, обклеенную переводными картинками, как чемодан бывалого путешественника. – Потом постарайся меня разговорить. Это значит – не сам говори, как ты любишь, а сделай так, чтобы я говорил. А сам слушай, да и вопросыки вставляй. Да и невзначай, возьми да и предложи выпить по граммულке. – Фома лукаво улыбнулся и вскрыл третий портвешок. – А дальше уже дело техники. Под винишко, под закусочку, под сигареточку все дела и делаются. Ты вот думаешь, что у них там, наверху, – и Фома показал стаканом в потолок, – по-другому делается? Как бы не так! Это они для таких, как ты, по телеку распинаются. А все делишки свои в буфете под икорочку чёрную обтяпывают. – Фома глубоко вздохнул, видно вспомнив про чёрную икорочку, и налил почти по целому стакану портвейна. – И главное, всё это не спеша, солидно, как там у этого... у Пушкина – с чувством, с толком, с расстановкой. И всякий тебе не откажет. А пороется в закромах Родины и скажет: есть, Филимон Филимонович!

– Иванович, – робко поправил его Филя.

– Иванович! – передразнил его Фома, кого стесняешься? А! – Фома махнул рукой и, не чокаясь, заглотив тёплый «алжирский» портвейн.

– Вот ты сейчас складно говоришь, не спору, – мягко запрягал Филимон. – Тяжело возразить. Но это здесь такой закон. А там, – Филя многозначительно поднял длинный указательный палец над головой и несколько раз тыкнул им в абажур, как бы пытаясь его нанизать на свой обломанный ноготь, – там всё будет совсем по-другому. Там вся эта икорочка да водочка уже не пройдёт. – Филимон говорил спокойно, делая паузу после каждого слова. И каждая новая фраза, словно свая, вбивалась в собеседника. Да, Филимон запрягал медленно да мягко, а ехать собирался с ветерком. Портвейн сделал свое дело крепко, по-русски, на совесть.

– Там, – чуть раскачиваясь на хлипком табурете, вещал Филимон, – не будут разбираться, Иванович ты или не Иванович! Там сразу – раз, просветят тебя, два – за шкуру и куда тебе положено! Кому в рай, а кому и в ад! – понизив голос до небывалой отметки, явил истину Филя. – И Бога все мне не упоминать! – сбившись уже на фальцет, запоздало возмутился Филимон. Далее он схватил свой стакан и, обхватив его двумя руками, залпом выпил. С непривычки от такого способа приёма внутрь спиртного у Филя выступили слёзы на глазах. Он отёр их рукой и почти немым голосом проартикулировал: – И точка.

Фома от удивления укусил пустую вилку. Сосиску он съел минутой ранее и хотел подцепить ещё одну, но, заслушавшись Филимона, так и куснул пустую вилку, клацнув о металл зубами.

– Ё-маё! – То ли от боли, то ли от неожиданности краткого, но весьма содержательного монолога Филя ругнулся Фома. Филя же, схватив сосиску и прочистив горло с криком: «На волю!» – открыв дверь и

пробежав через две смежные комнаты, с шумом распахнул балкон. Дождь почти прекратился, воздух был наполнен озоном и без четверти одиннадцати часами. Филимон выпрыгнул на балкон и, схватившись одной рукой за перила, попытался лечь на перила спиной. Тем самым обезопасив себя от падения с четвёртого этажа и предоставляя себе возможность посмотреть вверх. Вверху над ним нависал балкон. Тогда Филимон выкрутился ещё сильнее и на несколько секунд увидел тёмное небо. Несколько капель дождя упало на него с этого тёмного неба, голова закружилась, как в детстве на карусели, и, чтобы не лишиться чувств, Филя раскрутился в обратную сторону и мягко, словно дождевая капля, сполз по ограждению балкона на его холодный мокрый пол. Всё это произошло в считанные секунды, и, когда до балкона добрался Фома, по пути споткнувшись о пудовую гирию, Филя уже сидел на полу и, тихонько всхлипывая, грыз сосиску.

– Давно пора её выкинуть, на хрен! – потирая ушибленную ногу, скрежетал Фома.

– Правильно, собакам, – шмыгнул носом Филя и броском из-за головы выкинул остатки сосиски на улицу, – они голодные, бездомные...

– Да гирию, проклятую, выкинуть, сосиски я и сам съем, – Фома смачно плюнул вслед за сосиской через весь балкон, намереваясь на неё попасть. И тем самым доказать, что остатки сосиски его, Фомины, и что собакам нечего на них пасть клыкозубую разевать.

– Хочешь, я выкину, – заинтересованно предложил Филя. – Хотя ещё одно доброе дело напоследок сделаю...

– Людка осерчает, не надо, – ещё порывивая от постепенно затухающей боли, отрезал Фома. – Хватит, наделал делов уже. Чуть без ноги меня не оставил. А кому же я нужен одноногий!

– Вон, Джон Сильвер, пират такой известный, я ещё с детства помню, так он одноногим был. И боялись его все пуще любого двуногого. Он костылём, знаешь, как мог огреть...

– Сейчас я тебя огрею, да не костылем, а гирей этой, да по бороде козлиной! Ишь, костыли мне выдать решил!

– Огрей, огрей, Фомушка, огрей, прошу, огрей дурака набитого!

– Да что это с тобой? – вдруг опешил Фома. – Ты что, перепил, вроде и третью ещё не покатили? То разговоры заводишь странные... Ад какой-то, рай какой-то приплетаешь. То сосисками разбрасываешься, то гирей огреть просишь, а она всё-таки шестнадцать кг будет.

– Поэтому и прошу, – вздохнул Филимон, – оно вернее будет, – и выдохнул Филимон.

– Ты, это, совсем, братец, сбрендил. И выпили вроде не так много, а башку тебе о как снесло.

– Да нет, тверёзый я, как лист берёзовый, тверёз.

– Так что тогда с тобой, вконец замучил!

– А вот что, – Филимон понизил голос, как бы открывая своему собутыльнику большую тайну, – ты же знаешь, я пока, то есть временно безработный...

– На эти слова Фома лишь презрительно хмыкнул. – Временно, – продолжал Филя, – и время у меня есть. Время подумать, поразмышлять...

– Ещё один интеллигент нашёлся, – еле слышно процедил Фома.

– Есть пока ещё время. И долго я так думал, то на диване лёжа думал, то на стуле, то к обоям в цветочек прислонясь, даже в сортире думал. Но не думалось мне ни о чём. Всё как-то путалось, перемешивалось в голове. Чехарда одна была, а не мыслительный процесс. Но вот сегодня утром меня как будто осенило. Как гирей по башке. Вот есть я сегодня, Филимон

Иванович, есть. Безработный гражданин, прыщ на теле государства, вошь кровососущая на голове общества. И раздавить меня жалко, да и жизнь моя никчёмная никому не нужна. И весь я живой, теплокровный. И всё во мне худо-бедно работает, журчит, переливается, клетки отмирают и рождаются заново, волосы выпадают, зубы гниют, пальцы шевелятся, плюнуть без посторонней помощи пока могу. И значит, весь я вроде живой и чувствующий. Сигарету закурил – чувствую, в лёгкие дымок пошёл, пивка выпил – в сортир сбегал. А водочки выпил, так и бывшую свою, Лидку, недобрым словом вспомнил. Сука, всю жизнь загубила. И вот он я, сижу в своих четырёх стенах и весь мир что есть силы матом крою. Только тихо, чтобы соседи милицию не вызвали. Сквозь зубы. А сыграю я в ящик. Вот возьму себе и откину коньки...

– Так ты ж ещё вроде как того – не старый... – опешил Фома от такого заявления.

– Старый, новый! Там разбирать не будут. Посмотрят на жизнь твою никчемную, ненужную и глупую. Да и прекратят весь этот цирк на проволоке.

– Кто? – не понял Фома. – У нас вроде теперь просто так в расход не пускают, – с сомнением продолжал он. – У нас демократия, вроде бы, свободная страна, что хочу, то и ворочу, как в Америке! – чуть не крикнул осмелевший Фома.

– Какая ещё Америка, нет никакой Америки. Земля вообще заканчивается за продуктовым магазином на Ленинском проспекте.

От такого открытия Фома открыл рот и, как загипнотизированный, позабыв свой страх, ступил на балкон и присел рядом с Филимоном. – Как нет Америки? – выдохнул Фома. – Что, и Китая нет?

– Ничего нет. Ни-че-го. Вот помру я, и ты порёшь, и что, там тебе будет Китай? Миллиарды китайцев за тобой бегать будут и продавать тебе кеды?

Или я в Голливуд для телика сниматься там поеду? Нет, дружище, ничего там этого не будет. И магазина с портвейном и шпротами не будет тоже.

– А что же тогда будет, Филенька..? – не на шутку испугавшись, заскулил Фома.

– А, испугался, то-то, я тебе весь вечер об этом твержу. А ты всё про закрома Родины мне мозги положишь. А будет тебе там не Китай с Америкой, а ад и рай будет. Или туда, или сюда. Но скорее туда. Нечего рай коптить смрадом своим. Душой своей пропащей, чёрной – нечего ангельские крылья марать. Всё равно не отбелиться. Хоть лебедя съешь – белее не станешь. И дорога тебе, Фомочка, прямёхонькая, в ад. Ну а в приесподне с тобой церемониться не станут. Там всё попробуешь и пройдёшь. И железо калёное, и лёд арктический. И жар огненный, и холод лютый. И если не безнадежен ты, если хоть чуть-чуть, хоть на дне, есть в тебе капля светлого, хоть грамм праведного, да что там праведного, хоть намёк на раскаянье, на покаяние, то могут тебя и перевести в рай. Или что-то похожее на рай, только чуть похуже. А если ты чёрен и душу продал свою, то гореть тебе, Фомушка, в пламени вечно и не сгореть никогда! – Закончив этот монолог, Филя приблизил своё лицо к лицу Фомы и, как бы просвечивая, вперился глазами в его глаза. Фоме показалось, что в глазах Филимона пляшет огонь, и тело его обдало жаром, как от печки. Фома икнул, чуть отодвинулся от раскалённого Филимона и заискивающе спросил:

– А может, ещё можно что-то исправить? Здесь исправить. Чтобы сразу в рай или туда, где чуть хуже? Без ада, можно?

– Без ада нельзя, – отрезал Филя. – И исправить здесь уже ничего не получится. Можно только ещё больше дров наломать. И тогда, точно, вечно коптиться будем. Лучше побыстрее туда, авось и пронесёт. В аду слегка перекантуемся, а потом, может, в рай и

проскочим. С тобой, Фома, точно в рай прошмыгнем, без мыла пролезем. Так что давай сначала ты меня, а потом я тебя.

– Чего я тебя? – недопонял Фома.

– Ну, гирей по башке. Сначала ты меня, а потом я тебя...

– Сейчас я вас обоих гирей по башке! – над приятелями раздался громкий женский голос. В первую секунду им показалось, что небеса над ними разверзлись и настал страшный суд. – Вот они где, голуби, воркуют! – а это всего лишь вернулась с работы супружница Фомы, Людка, баба решительная и с юмором. При виде Людки Фома вскочил на ноги, мотнул головой, пытаясь избавиться от страшных мыслей и переключиться на бытовой уровень.

– Ишь, надрался как! Гривой аж машет, жеребец орловский! – язвила Людка. – Устроили на кухне мне розлив молдавских вин.

– Да мы по чуть-чуть с Филей, – оправдывался Фома, – его на работу взяли, хорошую, рядом с домом, – безбожно врал Фома, – так мы и решили sprysnut' это дело...

– Sprysnut' они решили, а кто всю квартиру прокурил?! Я сколько раз тебе говорила, чтобы на балконе курил или дверь на кухне закрывал! Нет чтобы ужин приготовить, да жену с работы ждать, залил лыч свой бесстыжий! – всё гремела усталая баба.

– Так я и ждал, крысок отварил и ждал тебя. А это всё он! – и Фома ткнул пальцем на Филимона. А тот как будто и не слышал ничего. Сидел, не сдвинувшись ни на сантиметр, и шевелил губами, закатывая глаза кверху. – Он это всё, Филька, сбил меня с панталыку. Давай выпьем и выпьем – не отвертишься! – ябедничал Фома, сдавая товарища с потрохами.

– Ага, насильно в рот вливал, – не поверила Людка. Но на Филимона ополчилась. – Ишь, расселся,

зенки залил и бормочет. А ну, давай домой топай, да пойло своё с собой прихвати! На этих словах Фома недовольно вздохнул, но перечить не стал. Фома знал – это бесполезно. А то можно и сковородкой получить. Филимон же, с трудом поднявшись, как лунатик, прошёл через комнаты, зацепившись ногой за чёрный арбуз гири, на кухню. Взял недопитую бутылку портвейна и, не обращая внимания на красноречивую мимику Фомы, мол, извини, друг, но иначе нельзя, дошёл до двери и, взяв сандалии в руки, обернулся. Как бы в последний раз оглядывая место, куда больше не вернётся. Фома торопливо открыл дверь. – Ты не сердчай, Филя, сам видишь, Людка серьёзно настроена. А ты говоришь – ад. Вот он, настоящий ад, ад кромешный, – уже шептал в ухо уходящему Филимону поддатый собутыльник.

– Ты там чего застрял?! – раздался голос супружницы. Или помощь нужна, – кряхтела Людка, снимая кофту через голову, в спальне. Так я сейчас придам ускорение!

– Иду, иду! – крикнул Фома. – Ну, давай, Филя. И не думай много на ночь, лучше вон портвейна бахни, – и он, взяв бутылку из рук Филимона, сделал большой глоток. – Ну, бывай, – Фома сунул бутылку обратно в руку Филе и, слегка его подтолкнув на лестничную клетку, нарочито громко захлопнул дверь. – Всё, выпроводил!

Исполнив свой супружеский долг, Фома быстро уснул. Спал он беспокойно. Ворочался, и то раскрывался, то натягивал одеяло на себя. Во сне он что-то бормотал и тихонько всхлипывал. Под утро он проснулся с больной головой. Шершавый, как напильник, язык еле ворочался во рту. Он встал и прошлёпал босыми ногами на кухню. Открыл кран с холодной водой и подставил под спасительную струю сухие толстые губы. Утолив жажду, он зашёл в туалет и,

почти не попадая в унитаз, с вздохами и кряхтением облегчил мочевой пузырь. Войдя в спальню, он включил свет и хотел было начать собираться на работу. Служба начиналась рано, но заспанный голос жены принёс ему благую весть:

– Фомка, ты что это свет включаешь, сегодня же суббота. Давай ко мне под бочок. – Это известие обрадовало Фому настолько, что он, забыв погасить свет, нырнул под одеяло. Спыхватившись, он выскочил из кровати, нажал на выключатель, погрузив сонную обшарпанную комнату во тьму, и, уже не торопясь, удобно устроился на кровати.

«Вот это я понимаю, вот это рай, настоящий», – про себя думал Фома, положив свою ладонь на большую грудь супружницы. – Вот он, рай долгожданный, – уже прошептал Фома с улыбкой на устах и уснул как младенец.

Филимона обнаружили не сразу. Через неделю в милицию позвонили его соседи, рассказав, что из квартиры Филимона идёт неприятный запах, да что-то не видно его давно, а уезжать он никуда не собирался. Милиция, взломав дверь, нашла Филимона Ивановича лежащим на полу, в засохшей луже крови. Вены его были перерезаны. А в его правой руке был зажат осколок горлышка от бутылки портвейна.

Между небом и землёй

I

Я даже примерно не могу сказать, сколько мы были в дороге, прежде чем остановиться, – казалось, что время замерло.

– Ну, вот и приехали, – подытожил водитель, как бы ставя точку в конце пути. Не заглушив мотора, он ловко выпрыгнул из машины, тем самым приглашая меня последовать его примеру, и, ещё раз вдохнув осенний с горчинкой воздух, куда-то вдаль выпустил слова: – Ну вот и приехали.

– Да-а-а... – растянул я с небольшим опозданием. В тёплый салон ворвался промозглый ветерок впере-мешку с птичьим гомоном и надвигающимися сумерками.

– Да-а-а-а... – ещё больше и так короткое слово растянул я, глядя не то вперёд, не то в сторону. Как оказалось позже, я смотрел в зеркало заднего вида, но это ничего не меняло. Я было в третий раз хотел процедить своё коронное «Да», как в салон вернулся водитель, вернее его лицо. – Ну, что сидим? – не то с одобрением, не то с недовольством воспроизвело это лицо. Выходить почему-то не хотелось.

– Значит, испугался? – как-то даже по-отечески, добавляя к своему лицу и остальное всё тело своё, пробасил шофёр.

– Не-е-т... – по привычке протянул я, выходя из оцепенения.

– Это тебя от дороги укачало.

– Нет, то есть да. Наверное.

– Ну, так я говорю: приехали.

– А вы, вы уверены?

– Я-то? Я часто сюда езжу. Вернее отвожу.

– А назад?

– Что назад?

– Назад отвозите?

– Сейчас всё сам поймёшь.

– Но я живу не здесь...

– Скоро ты будешь дома.

Во время этого диалога я, как казалось, не моргая, смотрел в зеркало заднего вида, и не менялось вот что – пейзаж. В таком необыкновенном месте я был впервые. Да, пейзаж был. Пейзаж просто был. То есть нельзя сказать, что справа был лес, впереди виднелась деревенька, а слева – смутные очертания трактора «Беларусь». Да, конечно, были два человека в машине. А вокруг просто ничего. То есть мир был. А точнее, было небо и земля, и всё. Просто земля и небо. – Тебе что-то в глаз попало? – вернул меня к разговору Михаил Гаврилович.

– Разве?

– Да ты моргаешь как заводной!

– Стоп! Стоп!!

– Так я и говорю: приехали.

2

В то утро я вышел на работу, как обычно в... хотя какая разница во сколько, главное, как обычно. До этого я как обычно проснулся, умылся, оделся и так далее.

Всё, как всегда, до тошноты. Однако, после того как я привычно, стараясь не шуметь, вышел из сонной ещё квартиры, всё пошло не как обычно. А даже совсем не обычно и весьма странно! Я вызвал лифт – живу на третьем, а ежду на лифте – мне показалось, что за моей спиной кто-то есть. Я резко обернулся, пытаюсь глазами выловить незнакомца, но поймал лишь пустоту лестничной клетки ... Далее обычно я встречал на первом этаже почтальона, суровую женщину в годах. Так вот, в то злосчастное утро, выйдя из лифта на первом этаже, вместо женщины, привычно бросающей по ящикам нехитрую прессу, я обнаружил подозрительного мужика, не то в телогрейке – темно у нас в подъезде – не то в мешковатой куртке. Для нового почтальона ему явно не хватало большой сумки через плечо. Да и занимался он странным делом – пытался разглядеть цифры на почтовых ящиках, цифры в большинстве своём полузакрытые. Может, тренируется, подумал я.

– Восемьдесят пятая в этом подъезде? – не глядя на меня, неожиданно выдавил субъект. А, ищет нужную квартиру, – дошло до меня. Конечно, табличек с номерами на подъезде у нас давно нет.

– В следующем, – отбрехнулся я.

Проигнорировав моё ценное замечание, странный тип двинулся не на улицу, а ко мне навстречу. В чёрной шапочке, высокого роста, он мягко прошёл мимо меня, причём лица его я не разглядел, да и цветом моих глаз этот тип не интересовался. На улице я моментально забыл эту встречу. Двор встретил меня свежим воздухом, а я ему ответил бодрым шагом. Но секундоchку. Моё внимание привлекла «дама с собачкой». Ничего необычного, если не считать, что не та дама и не та собачка. Вместо тёти Шуры с четвёртого этажа, дымя сигареткой, стервозного вида, выхаживала дамочка из первого подъезда. Кажется, они переехали в наш дом – обыкновенная многоквартирная коробка на юго-

западе Москвы – этим летом. Так вот, эта белокурая, а скорее крашеная, стервочка выгуливала своего добермана. Хотя, вернее, доберман выгуливал свою нерадивую хозяйку. С трудом удерживая поводок, она пыталась привить хоть какие-то навыки воспитания: – Генриетта, фу! Генриетта, рядом, Генриетта, фу, я кому сказала!! – явно эти команды не производили ни малейшего впечатления на дородную суку. То ли дело водолаз по кличке Гера с четвёртого этажа. Умнейший и добрейшей пёс. Лохматый, огромный, катающий зимой детишек на санках четвероногий друг. Я всегда хотел иметь собаку, но у нас не было даже кота. Животных мы любим, а держать негде – такие вот отговорки. Я остановился, предавшись размышлениям о братьях меньших, даже мечтательно поднял голову вверх. Небо было низким, серым, с прожилками синевы и мутными облачками. Осеннее небо.

Небо и земля. Земля и небо. Твердь и эфир. На небе Бог, на земле люди. Между землёй и небом птицы – пернатые и стальные, облака и ангелы. Небо смотрит на землю, земля смотрит в небо. Бог в небе смотрит на людей и видит их. Люди смотрят в небо и не видят Бога. И ангелы им не видны. А вот облака и птиц видят многие люди. Бог слышит людей. Слышат ли люди Бога? Может, те, в стальных птицах? Они ближе к Богу. Да, они ближе, чем ближе, тем страшнее; чем страшнее, тем больше думаешь о Боге. Сближает ли это людей и Бога? Наверное. А птицы пернатые не думают о Боге, потому что Бог у них внутри – они твари Божьи. И человек – тварь Божья. Но нет ему рая на земле, а есть рай на небе. Там, в отчётливой сини, в такой далёкой и такой близкой вышине. Земля и небо. Кстати об ангелах. Думается, что они живут

в облаках и тучах. Скорбные и светлые. А когда небо чистое, ангелы разговаривают с Богом. Люди чаще пытаются говорить с Богом в стальных птицах, понимая, что они твари Божьи, и страх их велик. Увы, думы эти посещают не всех. И уж совсем немногие смотрят с замиранием сердца на вольных птиц, устремляясь вместе с ними туда, в щемящую небесную даль. На мгновение отрываясь от земли и приближаясь к небу. Но прежде чем попасть на небо, мы попадаем в землю. Вернее, тело попадает в землю, а душа воспаряет на небо, мимо птиц, ангелов и облаков... Станные мысли, как будто не мои. А кто-то мне их на ухо сейчас нашёптывает.

4

По небу, проклёвываясь из облаков, летел самолёт. Его появление вернуло меня к действительности. Опустив голову, я чуть было не вскрикнул от неожиданности. Скаля огромные клыки и чуть дрожа всем телом, передо мной как из-под земли возникла мощная и явно не дружелюбная Генриетта. Её поводок валялся на земле, хозяйки рядом не было. Мои движения головы вправо и влево были восприняты собакой как попытка к бегству. Она капельку присела на задние лапы, как бы готовясь к прыжку, и угрожающе зарычала. Я вообще-то собак не боюсь, однако вид, чувствую, у меня был растерянным. Поворотами головы я выяснил, что крашеной дамочки поблизости нет, да и вообще вокруг никого не было. Прямо мистика какая-то! Я было протянул руку, чтобы погладить эту сучку.

– Хорошая, хорошая!

– Гав! Гав! – в ответ пронеслось по двору.

– Не понял? – одёргивая руку, спросил я.

– Гав! Гав! Гав!! – ещё более грозно ответила Генриетта.

– Я вообще-то на работу сейчас опоздаю, – стал кланяться я.

– Стой на месте! – отрезала собака.

– На помощь, – слабо простонало моё существо.

Собака говорит человеческим голосом! Уж часом не сплю ли я? Щипать себя я не стал, однако покашлял, выпучив глаза.

– Стойте на месте! Стойте на месте, молодой человек! – донеслось откуда-то издалека, – Генриетта, фу! На всех парах из-за угла дома летела хозяйка псины, растрёпанная и запыхавшаяся.

– Она у меня вообще не кусается. Хорошая, хорошая девочка! – взяв в руки поводок, приговаривала дамочка, – кто не слушает маму, а? Пойдём, пойдём, моя сладкая.

Потеряв всякий интерес ко мне, доберманша покорно пошла рядом с хозяйкой. Очевидно, на мою персону дамочке было начхать, главное собака не пострадала, а я со своей стороны совсем оторопел после встречи с говорящей собакой. Помотал головой, как бы стряхнув только что происшедшее. – Послышалось, – вслух выдохнул я. Через полминуты, окончательно придя в себя, я в воздух закричал: – Намордник одевать надо! – и уже не так бодро зашагал дальше. К автобусной остановке. Остановка была пуста. Впрочем, это не удивило. Наверное, автобус только что ушёл. Но часы показывали обратное. По их мнению, до прихода автобуса оставалось ещё несколько минут. И точно, автобус пришёл вовремя, и был он совершенно пуст. Двери открылись, и единственным выходящим-входящим оказался я.

– У меня проездной, – зачем-то сказал я холодным сидениям, устроился у окна и прикрыл глаза. Подремлю. В это время место у окна – большая роскошь. Наверное, пустили дополнительный. Правильно. А то не протиснешься... это вам не говорящая собака...

Проснулся я оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Чувствовал я себя совершенно разбитым, как после бессонной ночи, ныл правый висок, и взгляд никак не фокусировался.

– Молодой человек, ваш билетик.

Протерев глаза, я увидел, что в салоне полно народа, а рядом со мной сидит полная женщина в сером плаще с потёртой сумкой и смотрит на меня так, как будто я что-то у неё украл. Контролёрша же, весьма неприятного вида, всё не унималась:

– Не надо тут мне притворяться спящим! Нет билета, так платите штраф! – наверное, неприятная эта работа, быть контролёром – проверять билеты, требовать штрафы, дёргать за плечо.

– У меня проездной, – недовольно пробурчал я, пытаюсь залезть во внутренний карман пиджака, не расстегнув пуговицу на куртке. Позвольте! А где это мы едем? Так, я спал минут пятнадцать-двадцать, не больше, значит, мы почти подъехали, сейчас мы уже у метро «Коньково», но улица была совершенно другой. Я даже не мог сообразить, где это мы вообще едем! Что-то знакомое, но точно не там, где нужно...

– Извините, а какой это маршрут?

– Ты мне тут зубы не заговаривай! Давай штраф плати! И вообще, вон пожилые люди стоят, – гремела контролёрша. – А этот тут расселся, понимаешь ли! – хотя вокруг пожилых людей как раз и не было.

– Извините, – я встал и протиснулся через соседку по сидению, пытаюсь понять, где же мы находимся. За стёклами накрапывал дождик, а кошелёк, в котором был мой проездной, никак не хотел появляться из недр моей одежды. Автобус притормозил, я качнулся, потеряв равновесие, но был тут же схвачен одержимым контролёром за руку, да так, что пуговица от моей куртки отлетела в неизвестном направлении, а кошелёк наконец был извлечён на свет белый.

Я попытался стряхнуть руку, но стальные пальцы ещё сильнее сдавили мой бицепс:

– Вот так бы сразу, нет билетика, так плати! – обрадовалась железная леди. В ответ я лишь смог промямлить что-то наподобие:

– Да что это вы, в самом деле. Да отпустите вы меня...

Под пристальным наблюдением я раскрыл свой бумажник и, к великой радости ненормальной женщины, проездного не обнаружил. Судорожно пошарив по карманам, ещё раз в кошельке и не обнаружив этого дурацкого проездного, я совершенно растерялся:

– Ну, как же так, товарищи.

Автобус остановился, двери открылись. Пассажиры пошли на выход. Мне ничего не оставалось, как заплатить. Сунув в ладонь торжествующей бабе купюру, при этом не глянув какую, я стал пробираться к выходу, даже не пробираться, а продираться сквозь строй вошедших, наступая на ноги и применяя локти:

– Разрешите! Извините! Пропустите! Простите!

– Осторожно, двери закрываются, – лениво промикрофонил водитель. В отчаянном прыжке и раздвигая двери руками, я смог наполовину выдавиться на воздух. Автобус тронулся. Одна моя половина мокла под дождевиком, другая же виновато улыбалась пассажирам. Пассажиры улыбались в ответ. Проехав несколько метров, автобус остановился, выплюнул меня на улицу и поехал дальше, обдав выхлопными газами. На заднем стекле была табличка с номером 36.

Вот это номер! Как я мог оказаться в этом чёртовом автобусе, когда я садился на свой 11-й, именно один-над-ца-тый! Не ходит у меня этот 36-й. Ну не ходит, как тут ни крути, и точка. Так, всё по порядку.

Я сел в автобус, задремал и проснулся уже в другом автобусе, значит, я изначально сел не на тот автобус, но 36-й у нас не ходит! Опять двадцать пять. Значит так, я сел в свой 11-й, задремал, передвигаясь, как лунатик, пересел на 36-й, где и был разбужен. Так, но эти маршруты, по-моему, не пересекаются. Да, точно не пересекаются! А даже если бы и пересекались, то я не лунатик! Значит, я изначально сел в автобус 36. Но он у нас не ходит. По крайней мере, вчера не ходил. А сегодня вот ходит. Ну и денёк сегодня. Кстати, когда я садился у себя на остановке, на номер-то я и не посмотрел. А чего на него смотреть, когда у нас ходит только один автобус. А может, теперь два? А где это я?

Оглядевшись, я увидел себя всё на той же остановке 36-го автобуса с кошельком в одной руке и пуговицей от своей куртки в другой. Пуговица была в крови, но меня не удивило ни это, ни то, как она оказалась у меня в руке, хотя она должна была лежать на полу автобуса, прижатая чьим-то каблуком. Меня лишь волновало, где я. Да, несомненно, я находился в районе Очакова, совершенно в другой стороне Москвы. Мимо сновал и толпился народ. Из гастронома рядом выскакивали довольные покупатели. Дождик почти прекратился, из-за облаков выглядывало солнышко, висок перестал нить. Зато появилось чувство, что чего-то не хватает – да, конечно, проездного. Он всегда у меня в кошельке. Перерыв ещё раз кошелёк, я понял, что проездного там нет и штраф я оплатил во много раз больше, чем следует. А ещё представитель закона! Нет чтобы сдачу отдать. Через окно, что ли? Мне стало смешно: как я выскакивал из этого автобуса. Оно, конечно, смех смехом, но на

работу я уже опоздал. Не помню, когда опаздывал в последний раз, даже неудобно как-то. И тут-то меня и осенило, а точнее накрыло – сделалось темно в глазах и засосало под ложечкой. Мой портфель! Портфель с документами!! Где он? О, ужас!!! Он уехал в этом автобусе...

– О, нет, нет! – закричал я от бессилия. Порыв бежать за автобусом пропал через несколько метров – автобус быстрее. Тут же в голову пришла гениальная идея, как в кино: догнать 36-й на такси и, ворвавшись на ближайшей остановке в душное чрево, потребовать свой портфель обратно. Я ринулся на проезжую часть, отчаянно махая рукой с зажатым в ней кошельком, как сумасшедший:

– Такси! Такси-и-и!! Такси!

Пробежав метров десять, я и мой отчаянный рывок были охлаждены в прямом смысле этого слова. Какая-то иномарка с тёмными стёклами окатила меня водой из лужи с ног до головы, чуть не выскочив на тротуар. И как-то это меня успокоило. Вытерев рукавом лицо, я присел на корточки и прислонился спиной к дереву. По тротуару вдоль дороги стояли клёны. Надо глубоко вдохнуть и выдохнуть, вдохнуть и выдохнуть. И ещё раз, с самого начала вспомнить сегодняшний небывалый день – в подъезде, когда я встретил странного типа, я был без портфеля, и говорящую собаку хотел погладить тоже без портфеля, в автобусе я засыпал без портфеля, а значит. Значит, я забыл его дома. То есть пошёл на работу налегке. Это, конечно, удивительно, но факт. Портфеля у себя в руках я не помню. Значит, надо ехать домой.

– Домой, – повторил я вслух.

– Прошу садиться, – донеслось из открытой дверцы. Напротив меня стояло жёлтое такси, из которого выглядывал дружелюбный водитель. Вот наконец-то приятная неожиданность.

– Меня тут слегка обрызгали: носятся, как сумасшедшие.

– Да ничего, ничего.

– Спасибо, – поблагодарил я, захлопывая дверь.

– Значит, домой?

– Да, домой.

– Всё суета, суета, – добродушничал шеф, плавно трогаясь.

Шум мотора меня немного успокоил, даже расслабил.

– Михаил Гаврилович, – представился таксист, я тоже назвал своё имя.

– Вы не расстраивайтесь, это со всеми случается, – после небольшой паузы вдруг заявляет этот Михаил Гаврилович.

– Да со мной, в общем-то, всё в порядке, – не подал вида я.

– Тут один вообще заявляет, – вроде как не слыша меня, продолжил таксист, – поехали, говорит, к чёрту. Подальше из этого города, что б ни людей, ни домов. Ну, уж сразу прямо так и к чёрту, переспрашиваю я, дом же у тебя есть. Нет у меня дома, – зло в ответ он. А я, дом, говорю, у всякого есть. Только не всякий знает об этом. Или не хочет знать. Вот как думают? Дом – это очаг, семья, телевизор, соседи непьющие, свет, горячая вода. Верно я говорю?

– Верно, – почему-то согласился я.

– Жизнь-то, она что? Из дому на работу, с работы домой. Света белого не видишь. Сон, стресс, страх – судьба такая. Судный день когда? Кто знает. А жизнь, она вот, сегодня. О душе задуматься некогда. На земле все гости. Об этом многие забывают.

– Я вообще-то портфель с документами забыл.

– Главное, что в душе, а не в портфеле. Портфель – это дело наживное. А там за всё отвечать придётся.

– За что? – недоумевал я. Какой-то он чудной вообще. Вроде бы не старый, но и не молодой уже. Лицо вроде бы холодное, такое нейтральное, а глаза тёплые. Голос низкий и добрый, фуражка старинная, кожаная. Станный. Да и разговоры странные ведёт.

– Как приедем, ты не бойся. Оно само тебя позовёт. Да, в общем, сам почувствуешь.

Кстати, он не спросил, где я живу! Да и по цене мы не условились. Я посмотрел на счётчик. Вместо цифр электронный счётчик показывал моё имя и дату рождения! У меня от удивления глаза полезли на лоб. От страха я не мог повернуть голову в сторону водителя и лишь поднял глаза на дорогу. Увиденное там как молния поразило меня.

7

...Во-первых, не было никакой дороги. Была просто земля, коричневая, немного влажная от дождей. Земля была до самого горизонта, сколько хватало взгляда, и упиралась она прямо в небо. В небо такого странного цвета – серо-голубого и как бы подсвеченного изнутри красным светом. Лёгкие облака довольно быстро бежали по этому небу, да ещё был слышен через открытую дверь птичий гомон. Казалось, что смеркается, воздух вокруг был каким-то вечерним. По-моему, мы ехали совсем не долго, а получается, что весь день! Я посмотрел на свои часы – они стояли.

– Стоп! Стоп!!

– Так я и говорю: приехали.

Вдруг с моей стороны открылась дверь. Я к ней даже не прикоснулся. Что же делать? Я обернулся, пытаюсь найти кого-нибудь на заднем сидении. Найти помощь. На заднем сидении, естественно, никого не было. Но там, на заднем сиденье такси, одно на одном лежали два больших крыла! И даже не совсем белых,

а серовато-коричневых, как будто ими довольно долго пользовались.

– А, это мои крылья, – так спокойно бросил Михаил Гаврилович.

Я просто вывалился из машины и стал ползти на четвереньках. Мне хотелось убраться куда-нибудь подальше, но через несколько секунд я лбом уткнулся в колесо машины. От резины исходил странный запах, какой-то приторно сладкий. Собрав всю волю в кулак, я встал. Коленки дрожали. Мой возница помахал мне ручкой, дверцы захлопнулись, и жёлтый авто покатил по земле по направлению к небу, а через мгновение исчез вообще. Как растворился, добавив желтизны в горизонт. Я остался один.

– Э-ге-ге-гей! – закричал я, но мой крик потонул в шуме ветра.

И с каждой секундой ветер продолжал усиливаться. Я был совершенно один. Казалось, один на всём земном шаре. Страх постепенно улетучивался, как будто ветер выносил его из меня. Дышалось свободно; лёгкие, словно воздушный шар, набирались воздуха для полёта. Я понял – началось. Небо двинулось на меня. Оно стало опускаться всё ниже и ниже, приближаясь с небывалой скоростью. Я поднял голову вверх и протянул руки навстречу небесам. Казалось, ещё чуть-чуть, и я взлечу, всё тело от кончиков пальцев до ступней мелко завибрировало. Небо надвигалось, хотело упасть и отобрать меня у земли. Но земля не торопилась отпустить. Ноги мои вытянулись, как будто под брюками у меня были ходули. Весь я натянулся, как струна и... выскочив из ботинок, как пробка из бутылки... оторвался от земли! Немой восторг и упоение. Блаженство и покой. Тот, кто летал во сне, догадывается, что такое полёт на яву. Земля становилась всё меньше и меньше, я осмелел и уже шевелил пальцами ног. Я был лёгким, свободным и поднимался всё выше и выше.

– Лети к нам, лети к нам, к нам, к нам, – то не птицы, а человеческие души звали из облаков. Как простынёю, обернули меня перистые облака, – стало тепло и бело в глазах. Сейчас, неверно, я увижу ангелов. Хотелось остановиться, но неведомая сила с ещё большей скоростью влекла к себе. Свет, яркий слепящий свет пробивался через облака. Вдруг мне стало страшно. – К нам, к нам, к нам! – всё громче и громче доносилось до меня. Хотелось остановиться, вернуться назад! Я зажмурился, но свет всё равно слепил, пронзая насквозь. Нет! Назад!! Нет...

Он поджидал меня на лестничной клетке, выследив, во сколько я выхожу на работу. Но явно он не был профессионалом, тогда бы я точно не выжил, да и почтальоншу он в расчёт не взял. Она услышала мой крик, хотя он и успел скрыться, не замеченный никем. Милиция никого не нашла: преступника никто не видел. Врачи говорят, что повезло. Я не знаю, кому я помешал. Ничего плохого в жизни я не делал. Может быть, это ошибка..?

случай

на патриарших прудах

Патриаршие пруды для каждого свои – от главного, космического, до мелочи, детали. И вместе с тем – одни на всех. Для кого-то это просто место, где можно в тенёчке попить пива, поболтать с друзьями, да и просто посидеть на лавочке, глядя на зелёную воду. Для других это место, пропитанное историей, духом личностей, бывавших и живших здесь. И, скажем, не только людей, но и иных субъектов, существование которых многие ставят под сомнение. Хотя чем Воланд не шутит.

Славка Даров бывал на Патриарших. Бывал, и не раз бывал, но всё время как-то мельком, впопыхах, одной ногой. То из окна автомобиля глаз выхватит кусок ледяной глади с маленькими фигурками – начинающими фигуристами, то, пробегая мимо по делам, с завистью дёрнется губа, глядя на чинно сидящих старушек и неторопливо гуляющих мам с детскими колясками. Но в этот раз, казалось, сама судьба привела Славика к прямоугольнику пруда. Вернее, к дому номер семь по Малому Патриаршему переулку. Слава работал расклейщиком и установщиком наружной рекламы на щитах, перетяжках, домах, крышах – в общем, везде, где только возможно. Хорошо, что пока нет рекламы на небе, на облаках

или, скажем, во снах. Спишь себе, видишь сладкий сон, и вдруг, стоп – мы прерываемся на короткую рекламу, оставайтесь в нашем сне. Хотя всё ещё впереди. Так вот, у нашего героя сегодня был выходной, но у начальства на этот счёт были другие планы. У Славы был ненормированный рабочий день, помогал он нам разбираться в достижениях рекламной человеческой мысли в основном по ночам. С напарником-водителем на машине с подъёмной вышкой, а вернее, люлькой, как называл её напарник Костян. Иногда так хочется забыть о начальстве, как будто бы его и вовсе нет, но оно само напомнит о себе. Славик был разбужен звонком – отсыпался после ночной смены – и был направлен к заказчику, ценному заказчику, за важными документами. «Курьера, что ли, у них нет», – возмущался Славик, пытаюсь спросонья попасть ногой в брючину. Он быстро добрался до нужного адреса. Был солнечный июньский день. «В такой день и грех-то спать», – думал Слава, набирая мобильный номер заказчика у нужного дома. И как всегда бывает, заказчик сказал, что у него появилось окно в расписании и он сам передаст необходимые ценные бумаги. Славик, не попрощавшись, сбросил звонок и уже собирался уходить, как интересная картина, разыгравшаяся у этого дома, смотрящего своими балконами на пруд, заставила его остановиться. К дому подъехал чёрный «Мерседес», а за ним белый лимузин. Из «Мерседеса» выпала охрана, осмотрела периметр, расставилась по местам, и лишь тогда из машины появился высокий, средних лет мужчина в белом льняном костюме. Он поднял голову, осматривая дом, и, увидев девушку на балконе третьего этажа, присев на одно колено, начал громко декламировать:

– О, прекрасная Елена! Пятнадцать ноль-ноль на часах. Я припал на колено, чтоб признаться в сердцах!

Мужчина явно волновался, он запнулся и достал из кармана пиджака листок бумаги, глянув в него, покачал головой и продолжил:

– О, спустись же ко мне, дорогая! Увезу я тебя далеко. Мне известна дорога до рая, доберёмся туда мы легко. Спустись же, любимая, ко мне!

Закончив читать, он хлопнул три раза в ладоши, и из лимузина с поразительной быстротой выпрыгнуло четверо полных загорелых мексиканцев в ярких пончо, в сомбреро, с гитарами и маракасами в руках. Девушка Елена, увидев их, громко рассмеялась, прикрывая ладошкой личико. Мужчина, явно ободрённый успехом, вскочил с колен и хлопнул ещё три раза в ладоши. Мексиканцы, обступив его полукругом, затянули «Бесаме мучо», а мужчина пустился в странный танец, напоминающий нечто среднее между лезгинкой, фламенко и цыганочкой с выходом. Где-то на середине этого странного по нынешним временам представления на Патриарших девушка заскучала. Опёршись локтями на перила балкона, она смотрела уже куда-то вдаль, через липы на Малую Бронную. Мужчина же, напротив, всё больше входил в раж, сбросив пиджак на асфальт. У чугунной ограды, разделяющей улицу и Патриаршие, собрались зеваки, с интересом наблюдая за происходящим. Машины, следующие по переулку, слегка притормаживали у седьмого дома, а прохожие, удивлённо качая головами, быстро проходили мимо под пристальные взгляды охраны. Только девушке Елене всё это было явно уже не интересно. Она повернулась спиной к улице и, изящно поправив волосы на затылке, вошла в квартиру, закрыв за собой балконную дверь. Заметив исчезновение девушки, мужчина прекратил пляску. Немного отдышавшись, он со злостью сорвал сомбреро с головы рядом стоящего гитариста и в ярости стал пинать и топтать эту ни в чём не повинную соломенную

шляпу с широкими полями. Выдохнувшись, он принял пиджак из рук охранника и, бросив на асфальт несколько зелёных бумажек, сел в автомобиль. Охрана проследовала за ним, и, с визгом сорвавшись с места, два шикарных авто укатили в сторону Спиридоновки. Мексиканцы, пбдобрав деньги, ещё долго бранились по-испански, чем ещё больше развеселили собравшуюся публику. Общими усилиями квартета марьячос изодранное сомбреро было прикреплено к голове пострадавшего, и ещё долго слышалось над Патриаршими: «Гринго! Гринго!» Славика, наблюдавшего в толпе зрителей за происходящим, очень заинтересовала эта история. Надо сказать, что Слава в свои двадцать пять лет был не женат, да и девушки у него сейчас не было. Он не считал себя застенчивым, но знакомился с трудом, преодолевая внутреннюю робость усилием воли. Ему казалось, что люди должны сближаться без слов и долгих ухаживаний – по велению сердца и родству душ. Однако девушки так не считали. Он ещё долго сидел на скамейке спиной к зданию, часто оборачиваясь в сторону жёлтого дома, нацелившись глазом на балкон третьего этажа. Но девушка Елена так и не появилась. На следующий день Слава, а у него опять был выходной, без десяти три появился на Патриарших прудах. Заняв позицию у ограды напротив дома, он стал ждать, предчувствуя, что продолжение вчерашнего концерта обязательно последует. На балконе было пусто, но дверь была открыта, и лёгкий ветерок то и дело вырывал наружу белую тюль занавески. Без трёх минут три к дому плавно, шелестя шинами, подкатили те же авто. Правда, охрана высыпала и из лимузина – явно прибыл ещё кто-то дорогой и важный. Мужчина в чёрном смокинге, с мегафоном в руке сегодня был настроен по-боевому. Он вскочил на капот «Мерседеса» – ох и не жалко же ему краску – и заговорил в мегафон, растягивая слова, как муэдзин:

– О, прекрасная Елена, свет моих очей! Ведь любовь нетленна, свет сильнее ночей! Будь моей невестой, выгляни в окно. Быть нам вместе, вместе суждено.

Естественно, что после такого обращения не только Елена вышла на балкон, но и другие жители дома заинтересовались происходящим. Как и накануне, стали стекаться зеваки и празднующийся люд. Елене явно не понравилось столь яркое выступление. Она, чуть перегнувшись за перила, крикнула:

– Будьте добры потише паясничать, Евгений Олегович, вы беспокоите граждан!

– Евгений Васильевич. Сердцу не прикажешь! Девочки, на выход!

Опять же в громкоговорящее устройство усердствовал Евгений Васильевич. Из лимузина выскочила вертлявая женщина в красном костюме, с рулоном ковровой красной же дорожки и, пятясь с дурацкой улыбкой, раскатала её от дверцы лимузина вдоль машин. Далее четыре топ-модели в шикарных свадебных платьях – розового, голубого, кремового и белого цветов – продефилировали по дорожке и застыли, как манекены, с приклеенными улыбками. Евгений Васильевич одобрительно покачал головой и опять принялся за своё:

– Елена, милая, на ваш неповторимый взгляд, какое платье лучшее из этого великолепия?

– Евгений Васильевич, я же просила вас не шуметь, у меня мама болеет!

– Узнав о том, что вы выходите замуж, маме сразу же станет лучше. Так какую же из четырёх жемужин от дизайнерского ожерелья вы выбираете? На мой взгляд, вы будете неотразимы, просто сногшибательны в розовом. Да, именно в розовом свадебном платье.

– Я прошу вас не кричать в эту мерзкую штуку!

– Дайте мне ответ, и я сразу же закончу.

– Хорошо, хорошо! Мне нравится больше всего белое. Да, именно белое. Только прошу вас, не пугайте больше никого.

На самом деле Евгений Васильевич, за исключением Елены, никого и не пугал. А наоборот, веселил и вызывал восхищение. Тут и там слышались голоса:

– Во даёт мужик!

– Мне бы такого, а то мой только футбол смотрит!

– Чего думаешь, дура, соглашайся! – Евгений Васильевич бросил мегафон охраннику и, хлопнув в ладоши, приказал:

– Так, ты, в белом, давай раздевайся быстро. И давайте, живо, платье наверх моей невесте. Я хочу, чтобы она вышла ко мне уже в наряде.

Евгений Васильевич, наверное, не знал, что видеть невесту в свадебном платье до свадьбы – плохая примета. Хотя такие, как он, наверняка не верят в приметы. А во что они верят, решайте сами. И сию же секунду к модели в белом платье подлетела вертялая женщина в красном костюме, и через двадцать секунд платье было снято, сложено в откуда-то взявшийся чёрный пакет с надписью «Gucci». Модель-блондинка осталась совершенно голой, в белых туфлях на высокой шпильке. Она, спокойно виляя узкими бёдрами, под свист и причмокивание собравшихся дошла до лимузина и, послав Евгению Васильевичу воздушный поцелуй, села в авто. Остальные модели проследовали за ней. Вертялая женщина в три приёма собрала дорожку и последней захлопнула за собой дверь белого красавца. В это время охранник, поразительно быстро открыв дверь подъезда с кодовым замком, скрылся внутри и уже через минуту был на своём посту. Публика, затаив дыхание, следила за происходящим. Славику почему-то всё это не нравилось и заставляло краснеть в душе. Елена под аплодисменты ушла с бал-

кона, явно открывать дверь. Но так же быстро, как и вернулся охранник, она появилась на балконе, держа чёрный пакет. Вытряхнув содержимое пакета вниз, она негромко сказала:

– Я не люблю вас.

За содержимым пакета отправился и сам пакет, дверь балкона захлопнулась с такой силой, что зазвенели стёкла. По толпе зрителей прошёлся вздох разочарования. Евгений Васильевич невозмутимо, с улыбочкой сел в «Мерседес», охранники бросились за ним по своим местам. Кортёж тронулся. Сразу же почти вся толпа бросилась к платью, но, проехав двадцать метров, машины резко остановились. Из лимузина выскочило два широкоплечих парня, и в три скачка они оказались у платья, которое всю перетягивали между собой две бойкие девчушки. Когда над ними нависла угрожающая тень, их руки сами протянули уже лопнувшее по швам эксклюзивное платье хмурым парням в чёрных очках. На этот раз Славик быстро зашагал в сторону метро «Маяковская». Его охватило странное чувство. Как будто бы засосало внизу живота. Какое-то смещение и вместе с тем непонятная радость заставляли быстро, сталкиваясь с прохожими, шагать, нет, даже лететь к метро. И хоть Слава видел только издалека лицо Елены, он был готов поклясться, что узнает её из тысячи других. Этим же вечером Слава уже был на работе. Поступил новый заказ. Какой-то сумасшедший, по словам шефа, или просто тот, у кого денег куры не клюют, по словам зама, заказал расклеить по всей Москве на огромных стендах плакаты с фотографией девушки. Красивой девушки с надписью «Я люблю тебя, Елена». Слава, взглянув на плакат, остолбенел – это была она. Девушка с третьего этажа. Славка с напарником Костей работали почти двое суток, спали днём в конторе. Заказ был срочный и щедро оплачен. Костя не узнавал напарника: Славка за работой обычно

балагурил, что-то напевал, давал указания, но сейчас был замкнут, тих и хмур. Он было пытался приставать с вопросами, но наткнулся лишь на раздражение и сердитые взгляды. Слава торопился, ему было не до шуток. Он хотел поскорее попасть на Патриаршие пруды и объясниться с Еленой. Сказать, что влюбился, что это по-настоящему. Не так, как тот «артист» на «Мерседесе». И что, если он влюбился, то это уже на всю жизнь. Да, пусть он не умеет сочинять стихи и у него нет таких машин, зато он надёжный мужик и зарабатывает тоже ничего. Вообще мысли его были путаны и перескакивали с одной на другую, но решение объясниться было принято окончательно. После окончания ненавистой работы, подремав в конторе, Слава отправился на Патриаршие. Шёл дождь, было полтретьего. Людей вокруг почти не было. Слава без зонта ходил под балконом, ожидая появления Елены. Крикнуть ей он не решался. Это было бы уже слишком. Но неожиданно Елена сама вышла на балкон и с иронией бросила Славику:

- Что, представления ждёте? Что же вы за люди?
- Нет, я вас жду. Вы же Елена, девушка с плакатов, которые по всей Москве развешаны?
- А вы откуда знаете?
- А я их и развешивал...
- И что, вам нравится надо мной потешаться?
- Вы мне нравитесь, Елена.
- Все вы так говорите.
- А вот этот, крутой мужик на «Мерседесе», ведь он не только говорит. Он и платье вам подарил, и певцов приводил.
- Знаем мы таких крутых мужиков. Сегодня он перед тобой стелется, а завтра бить начнёт. Не люблю я таких. Мне их денег не надо.
- А каких вы любите? Что нужно сделать, чтобы вы влюбились?

– Нужно быть рыцарем. Совершать настоящие поступки. Сейчас таких мужчин не осталось.

– Это почему не осталось?

– Вас как зовут?

– Слава.

– На себя намекаете, Слава? Ну, хорошо. А могли бы вы совершить настоящий поступок и сорвать эти плакаты?

– На месяц оплачено.

– Ну, вот видите, вы опять про деньги!

– Да при чём здесь деньги! Это просто моя работа.

– А работаете вы даром, что ли? Из-за любви к начальству?

– Да не в этом дело. Вот вы кем работаете?

– Я библиотекарь, но это не важно. Знаете, а если я вас поцелую, то сорвёте все эти мерзкие плакаты?

– А почему они мерзкие?

– Потому что любовь должна быть настоящей и взаимной. Тогда о ней можно всем рассказать. Когда я увидела этот плакат, то у меня появилось такое ощущение, что я там голая. Хотя там только моё лицо... Ну да ладно! Сорвёте, Слава?

– А дальше что?

– Опять вы про то, что будет дальше. Дальше я приглашу вас домой на чашку чая и с мамой познакомлю.

– Хорошо, завтра в шесть утра я буду у вашего дома...

В эту секунду к дому резко подлетел уже знакомый «Мерседес». Не успел Евгений Васильевич выйти из машины, как один из охранников раскрыл над ним купол зонта. А второй тем временем достал из багажника треногу, большой котёл и ящик с книгами. Евгений Васильевич, казалось, был погружен в думы, но, заметив Славика, раздражённо гавкнул:

– А ты чего здесь трёшься?

- А ты что, этот пруд купил?
- Надо будет, куплю. Вали, давай, отсюда!

Охранники повернулись в сторону Славы. Тот глянул лишь на Елену, зябко потирающую плечи, резко развернулся и быстро пошёл, сутулясь от проливного дождя. Он жалел, что разговор пошёл не так, как он планировал, что он нёс какой-то бред о работе, что не признался в любви и что, кстати, у него первый взрослый разряд по боксу. А тем временем второй охранник установил котёл на треноге, бросил туда несколько книг и, облив их бензином, стоял наготове с зажигалкой в руке. Елена не понимала, что происходит. Она сверху почти не видела Евгения Васильевича, закрытого чёрным куполом зонта. Он заговорил с ней первым, громко и отрывисто, чеканя каждую фразу:

– Я знаю, что ты любишь книги. И сейчас ты спустишься ко мне. Я, конечно, могу сам подняться к тебе, но это будет не по моим правилам. Поэтому ты сию же секунду спустишься ко мне!

– Я не сделаю этого.

– Начинай!

Евгений Васильевич махнул рукой, обтянутой в чёрную перчатку. Охранник щёлкнул зажигалкой, и пламя, сначала нехотя, а потом всё увереннее и увереннее стало пожирать книги. Николай Васильевич подошёл к ящику и, отрывая страницы от обложек, бросал их в огонь. Они горели ярко и быстро – несмотря на дождь, бензин делал своё дело. Первая не выдержала Елена:

– Перестаньте! Ведь книги вам не сделали ничего плохого!

– Сделали! Даже очень много плохого сделали, и не только мне. Пушкин, Блок, Есенин, Толстой, Достоевский, Чехов, Гоголь – все они писали о любви. Но её нет, этой самой любви, в жизни, в реальной жиз-

ни! Эти книги несут огромный вред. Они сеют разочарование и боль. Я люблю тебя, но ты меня отвергаешь. Я могу дать тебе в миллион раз больше, чем все эти книжки!

– Я всё равно не спущусь, не выйду к вам, Евгений Васильевич.

– Тогда я сделаю так, что ты не сможешь купить необходимое лекарство для твоей матери, и она умрёт. Причём, заметь, из-за тебя.

– Вы не сделаете этого!

– Вот увидишь, сделаю. Кто любит, тот на всё способен. От любви до ненависти – один шаг! Жгите всё.

Последних слов Елена уже не слышала.

Славик с огромным трудом уговорил Костика помочь ему сорвать все плакаты с изображением красивой девушки и надписью «Я люблю тебя, Елена», развешанные по всей Москве. И только после того, как Славик отдал ему ползарплаты, а также убедил, что никто ничего не узнает, а ЗИЛок с вышкой он уже взял в аренду на одну ночь, и самое главное, что он подделал документы для вполне законного снятия данных плакатов – Костя согласился. Да, уговорить напарника было всегда нелегко, но если он на что-то соглашался, то делал по-честному, до конца. Всю ночь они мотались по пустынным улицам, срывая и сдирая ещё непросохшие плакаты. Несколько раз их останавливала милиция, пару раз они чуть не столкнулись со своими же машинами, но это их только заводило. К шести утра они, усталые, но довольные, подъехали к дому на Патриарших прудах. Костя поднял на вышке Славика к балкону Елены. Тот перелез через перила и тихонько постучал в окно, занавешенное шторами. Елена открыла балконную дверь сразу, как будто бы и не спала. Лицо её было немного опухшим от слёз и бессонницы. Она очень удивилась Славе, не понимая, как он оказался у неё на балконе на третьем этаже:

– Вы, Слава... Как же это вы попали сюда?

– Да вот, Елена, на люльке. А на самом деле на крыльях.

– А он хотел, чтобы я опустилась до него, а вы смогли подняться до меня.

– Елена, у вас заплаканные глаза, что-то случилось?

– Он сделал это, он страшный человек. У меня заболела мама, я поэтому и сижу дома, не могу надолго отлучиться. А сиделка не по карману. А он книги помог мне донести. Я не знала, что он бандит. Или бизнесмен. Честное слово, не знала. А вчера в аптеку пошла, а лекарства нет. Пол-Москвы объездила. Нигде нет. А маме плохо. Она всю ночь не спала. И сейчас стонет. А он тогда без охраны был. Без машины. О поэзии говорил. Говорил, что сам пишет...

Елена вдруг разрыдалась во весь голос, закрывая лицо руками. Слава обнял её, глядя русые волосы:

– Не плачьте, Елена, всё будет хорошо. Я на машине, мы сейчас поедem и найдём лекарство. Мама поправится, обязательно поправится. А плакаты я все содрал, все до единого, даже на Тверской. Вон в люльке мешок – там остатки нескольких, остальные выкинули. Я люблю вас, Елена, люблю...

Елена начала плакать ещё сильнее. В это время к дому подъехал «Мерседес» Евгения Васильевича и за ним большой джип. Из него выскочили ребята с бейсбольными битами. Они стали кричать, показывая на ЗИЛ, что эта та машина, которую они видели в городе. И что это тот, наверху, на вышке, в синем комбинезоне, и срывал плакаты. Славик буквально втащил Елену в люльку и крикнул Костику, чтобы тот давил на газ. Пакет выпал из вышки прямо на голову Евгению Васильевичу. Благо, что там была бумага. Конечно, старенькому ЗИЛу не уйти от погони двух новых немецких машин, тем более с поднятой вышкой, на

которой находились Слава и Елена. Явно это понимал и водитель Костя. Через десять метров его зажали с двух сторон, вынуждая остановиться. Но Костя был парень не промах. Он выжал полный газ, резко вывернул руль влево и, протаранив ограду, съехал по ступенькам ресторана, расположенного на берегу со стороны Большого Патриаршего переуллка, прямо в пруд. Правда, предварительно успев выпрыгнуть из кабины. Костик не умел плавать. Машина, погружаясь в воду, медленно продолжала движение по глади пруда, как будто это была подводная лодка, увлекая на своей вышке двух молодых людей. Два, уже родных, сердца. Дойдя до центра пруда, машина окончательно остановилась, затонув. Слава и Елена не замечали ничего вокруг. Костя, не умея плавать, бросился от бандитов в воду. Евгений Васильевич, размахивая руками, требовал вызвать катер и вертолёт. Солнце начинало новый день. Они же чувствовали и видели только друг друга. Стоя в люльке на высоте трёх метров над водой, они просто целовались. Они были одни во всём мире в центре Патриарших прудов.

пересвет и чепухей

Он появился с первым снегом. Ещё с утра с неба полетели белые мухи, а к вечеру плотной стеной повалил пушистый хлопьями снег на чёрную, уже промёрзшую почву. Было давно за полночь, а я всё сидел у окна и смотрел, как он падает, укрывая пласт за пластом притихшую землю. Окно моей комнаты выходит в небольшой палисадник – вишня, яблоня, две берёзы, семейство кустов, кирпичная стена в метрах десяти. Свет в комнате был выключен – так лучше видно – и я как замороженный всё смотрел и смотрел на белый десант. Вдруг я почувствовал, что за мной кто-то наблюдает. За окном, с улицы. Мороз побежал по спине, я резко задёрнул занавеску, но через мгновение, как намагниченный, опять прилип к стеклу, всматриваясь в снежную пелену. И там, сквозь снег, стали проступать контуры человека, человека огромного, как башня. Он как будто вышел из стены напротив, то есть, можно сказать, появился ниоткуда... Шёл он медленно, делая паузу после каждого шага; казалось, что я слышу, как скрипит снег под его сапогами, высокими, с узкими и загнутыми вверх носами. Широкие цветастые штаны, кольчуга, перехваченная кожаным поясом, на котором болталась сабля, не то кривой меч в ножнах, украшенных раз-

ноцветными камнями. В правой руке он держал копьё с красной кисточкой у наконечника; в левой, на локте, – круглый небольшой кованый щит. На груди цепь с медальоном, лицо круглое, сплюснутое, глаза – узкие щёлочки, чёрные усы свисали, как у сома. Губы тонкие, нос плоский, на голове остроконечная шапка, отороченная мехом. Приблизившись почти вплотную, гигантского роста, он оскалил кривые зубы и два раза древком копья ударил об щит. Через несколько секунд, повторив этот жест, незнакомец вскинул руки вверх и с гортанным криком запрокинул голову назад. Я, оцепенев, смотрел на этого исполина в средневековом наряде, а тот в свою очередь уставился на меня немигающим взглядом. В его зрачках плясал дикий огонь. Вдруг он залихвацки свистнул, резко мотнув головой в сторону. Из-за его спины вылетела чёрная коса и улеглась поперёк груди. Как бы напоследок, он беззвучно рассмеялся, выпустив белые клубы пара, повернулся боком и ловко левой рукой схватил повод белой в яблоках лошади, соткавшейся точно из вьюги. Лук и колчан со стрелами были приторочены к роскошному седлу; сверкающая сбруя, длинная ухоженная грива – всё это придавало, явно кобыле, ещё более внушительный вид, как и её наезднику, легко вскочившему в стремяна. Воин поднял коня на дыбы и исчез так же непостижимо, как и появился. Улетел в небо. Снег прекратился. Я не мог заснуть почти всю ночь, сидел и тупо смотрел в окно.

На утро первым делом я попытался попасть на улицу, но по случаю очень холодной погоды этого сделать не удалось. Меня интересовали следы. Огромные человеческие и лошадиные. Окно прилично замёрзло, но я встал на стул – сверху лучше видно. И точно рассмотрел отпечатки на снегу – огромные человеческие и лошадиные. Весь день я был сам не свой, всё размышлял об увиденном. Главное, пока никому ни слова. Да

кому? Живу замкнуто, гостей не приглашаю, в гости не хожу, одна тётя Глаша, и та полоумная. На улицу пускает не всегда и только с ней. Теперь, правда, старая стала, а я во как вымахал, но тётку слушаю – она добрая и пироги печёт вкусные, но теперь не до пирогов. Главное теперь – следы, огромные человеческие и лошадиные. Скорее бы ночь. Стул я оставил у окна, чтобы не шуметь в темноте, а валенки под кроватью, чтобы стоять не холодно было. Снега сегодня не было, как и никого за окном. Наблюдать оказалось не очень-то легко. Стул был старый и неустойчивый. Я упёрся руками в раму и терпеливо ждал. Через какое-то время всё-таки мне пришлось присесть и отдохнуть. Это меня и спасло. Только я опустилсЯ вниз, чтобы устроиться на этой развалюхе поудобнее для отдыха, как, разбив стекло, в комнату влетела стрела. Она просвистела у меня над головой, прошив мою тень, которая ещё не успела слезть со стула, и воткнулась в дверь напротив окна. От страха я рухнул на пол, лихорадочно думая, что делать. На шум точно придёт тётя Глаша, а ходит она уже с трудом, поэтому я всё успею. Первым делом надо постараться выглянуть в окно; во-вторых – достать стрелу и спрятать; в-третьих – лечь под одеяло и сделать вид, что сплю. Я заскочил на подоконник и машинально высунул руку в стекло – острые края моментально порезали кожу, но я не обратил на это внимания, зато заметил тёмный силуэт, промелькнувший по саду и скрывшийся за домом, – это точно был он. Стрела прочно засела, я еле-еле вытащил её из двери. Не сбросив валенок, к комнате приближалась тётка, я нырнул под одеяло, прижимая к груди стрелу, и попытался замереть. Что-то тёплое текло по моему телу и по кровати – тёплое и липкое. Сначала лёгкая дрожь, а после судороги пронзили моё существо. Последнее, что я помню, это большие испуганные глаза моей няни.

Когда я очнулся, на улице был день. Солнце заглядывало сквозь занавеску в комнату. Было прохладно и тихо. Всё тело ныло, как будто я накануне вскапывал огород, рука была забинтована. Кровь проступила на повязке, как давленная роза. С трудом приподнявшись, я дотянулся до занавески и отдернул её в сторону. Солнечный свет заставил меня сощуриться, но, переместив голову чуть левее, я спасся от его лучей. В окне, разделённом рамой на четыре части, в левом верхнем углу вместо стекла был вставлен кусок фанеры. Почему она там? И почему у стула три ножки, а четвёртая беспомощно лежит на полу? И что у меня с рукой? Сбрав силы, я выбрался из кровати и зашлёпал босыми ногами по холодному полу. От окна, огибая кровать к двери, от двери, обходя кровать к окну. Запыхавшись, я остановился у окна, оперевшись руками на подоконник. За окном было всё на месте: снег, вишня, яблоня, две берёзы, семейство кустов, кирпичная стена ... Кирпичная стена, и от неё к окну ведут огромные человеческие следы, а ещё рядом следы подков! Следы человеческие и лошадиные! Я всё сразу вспомнил. Сердце учащённо забилося, и, чтобы не закричать, я закусил свою забинтованную руку, не чувствуя боли; лишь когда кровь нехотя закапала на пальцы ног, я ослабил челюсти. Бинт почернел. Долго не двигаясь, я сдавленно выдохнул: «Стрела». Я перевернул кровать и обыскал всю комнату, но стрелы нигде не было. Тётка забрала! Я так и знал! Глупая! – разозлившись на неё, я было уже почти открыл дверь, как остановился: из соседней комнаты раздавались голоса. Между полом и дверью у нас большой зазор; присев на корточки, я прислонил ухо к щели – это голос соседки Павловны, а это голос моей тётки:

– Был опять припадок, насилу откачала. А потом и сама чуть Богу душу не отдала. Вот, лежу вторые сутки, встать не могу. Спасибо, ты заглянула, благо

дверь я не запираю – брать всё равно нечего, – едва слышно простонала тётя Глаша.

– Да у кого сейчас что брать, – бойко заливалась соседка. – А я думаю, чего это тебя не видать, думаю, дай загляну, да и мой старый опять с утра набрался, чтоб ему пусто было, житья не даёт!

– Да я уж и померла бы давно, да с кем хлопца оставить... Сирота – пропадёт...

– Я который раз тебе талдычу: сдай в больницу, и делов! Вон есть нечего, а в комнату квантирантов пустила бы – и тебе помощь, и за хлопцом досмотр.

– Да какой там досмотр, калечат только в этих больницах, а ему ласка, доброта нужна...

– Доброта, ласка, – хмыкала соседка. – Я вот тоже со своим всю жизнь мучаюсь, уж его и так и сяк, а он глазища зальёт и рычит, мол, жизнь загубила я его, окрутила, да кровь; мол, всю выпила. Алкаш он и есть алкаш.

– А сын что твой?

– Сын, сын, – передразнила соседка. – Что, сама не знаешь, что сын, как прошлым летом просить денег приезжал, так после ни ответа, ни привета! Обиделся, что не дала, гордые они все теперь, а как чуть что, так к мамке под юбку! Да и откуда-то деньги-то эти.

– Да уж не прибедняйся-то, Павловна, – оживилась тётка. – Сыну грех не помочь.

– Я-то... я-то, я-то, – вдруг ни с того ни с сего заплакалась старуха. – Да я всю жизнь на этих оглоедов положила, и не слова благодарности взамен, да у меня больше сорока лет стажа – да в трубе только сажал! Ы-ы-ы, доля моя горькая, доля моя несчастная! – распричиталась соседка. – Совсем замучили меня, в гроб загоняют, оглоеды непутёвые!

– Да уймись ты! – не выдержала вторая старуха. – Все вон у тебя здоровые, не гневи Бога.

– У тебя зато больной, как есть дурачок, – резко прекратив скулить, огрызнулась Павловна. – Да и ты

сама дура! Который год талдычу ей про больницу, а ей всё как горох об стену! А у меня и квантиранты на примете есть, порядочные, не пьют, не курят...

– Спасибо, что зашла, – оборвала разговор моя тётка. – Мне полегчало, сейчас встану.

– Да уж пойду, пойду, – заторопилась соседка. – Некогда мне тут с тобой рассиживаться.

– Не сердись, Павловна, да заходи завтрачка.

– Таблетки под рукой-то держи, – уходя, бросила соседка.

– Да, да, таблетки, будь они неладны, – шаркая, прокряхтела тётка. – Пойду, проведу богатыря своего, да поставлю чаю.

Она идёт сюда. Я вскочил на ноги. Ей надо всё объяснить. Я слышал, что раньше при осаде города нападающие пускали стрелу в ворота, преграждающие им путь. Если жители в течение суток приносили эту стрелу в стан осаждавших, то город не подвергался сожжению и разграблению, а лишь выплачивал назначенную дань. А если стрелу не возвращали, то начинался жестокий и кровопролитный бой за город. Хотя случалось, что нападавшие действовали хитростью и обманом. Получив свою стрелу назад и беспрепятственно войдя в город, они нарушали своё же обещание. И зверствовали с удвоенной силой. Но я думаю, что сейчас стрелу нужно отдать. Брать у нас особенно нечего, да и кто обидит старуху да меня. Хотя... Мысли мои стали путаться. Дверь открылась.

– Ох, тифу ты! – вскрикнула тётка, – ну и напугал же!

– Где стрела? – как можно спокойнее спросил я, загораживая ей дорогу.

– Какая ещё такая стрела? – как будто речь шла о простой чашке, спокойно спросила она.

– Та, что разбила окно, – я начинал закипать.

– Окно разбил ты, соколик, – елеиным голосом пропела тётка, вытягивая высохшую узловатую руку, чтобы погладить меня по голове.

– Нет, его разбил он, – уже со злостью объяснял я.

– Кто он? О ком ты?

– Отдай стрелу, по-добру по-здорову прошу! – прошипел я, отталкивая её руку.

– Да Господь с тобой, – не на шутку испугавшись, часто стала креститься она.

По моей спине побежал холодок. Я почувствовал, что он стоит у окна и своим взглядом сверлит мне затылок. Поводив глазами из стороны в сторону, как бы пытаюсь увидеть что-то за спиной, я остановил свой взгляд на няньке. Она с удивлением, но без испуга выглядывала из-за моего плеча в сторону окна.

– Гляди-ка, какой огромный, – как бы боясь кого-то спугнуть, тихо проговорила она через несколько секунд.

– Кто? – растерявшись, вглядывался я в глаза няньки, пытаюсь увидеть в них то, что видела она.

– Кто, кто! – передразнила она меня. – Дед Пых-то! Да повернись ты, непутёвый!

Я не задумываясь резко повернулся. На подоконнике сидел необычно большой ворон. Как положено, угольно-чёрный, голова чуть набок – жёлтый глаз уставился на меня. На лапке блеснуло кольцо. Ишь, в птицу обратился, дошло до меня. Следит за нами. Я бросился к окну, мне хотелось поймать эту птицу и открутить ей голову. Только я, перемахнув через кровать, подскочил к раме, как ворон взмахнул крыльями и перелетел на берёзу. Деловито покачиваясь на ветке, он всё смотрел в сторону моего окна, стряхивая вниз снежные блёстки.

– Кар! Кар!! Кар!!! – заверещала зловещая птица, захлопав огромными крыльями. Казалось, они закрыли всё небо, и я явно увидел, как над нашим посёлком

стелется чёрный дым. Пылают подожжённые хаты, бабы, кто с детьми на руках, кто с иконами, бегут в разные стороны, всюду наталкиваясь на всадников с кривыми мечами. Мужики, кто с вилами, кто с топором, падают, сражённые стрелами, зарубленные мечами или затоптанные горячими лошадьми. Стоит страшный вой и плач, заглушаемый улюлюканием и гортанными криками. Кровь и страдания, насилие, первобытный азарт и страх наполнили нашу землю.

– Если не принесём стрелу, мы все умрём! Наши дома сожгут! – закричал не своим голосом я, бросаясь к няньке.

– Ты устал, приляг, отдохни, – испугавшись, отступала она.

– Отдай, или я сам тебя...

Заскрежетав зубами, я сжал кулаки. Казалось, ещё секунду, и я, высокий здоровый детина, схвачу за старческое горло няньку свою и буду сжимать его до тех пор, пока эта чертовка не отдаст стрелу. Я медленно поднимал руки вверх, разжимая пальцы. За всю жизнь такая ярость и злоба охватывала меня лишь однажды. Мне было четырнадцать лет, когда я заболел и ушёл из школы. Все мои бывшие одноклассники, да и не только, стали меня дразнить и задевать при каждом удобном случае: «Вон дурачок идёт, головой трясёт; дебил по улице ходил; стал дураком, получи кулаком», – давали подзатыльники, толкали, щипали и плевались. Два раза в неделю я ходил в магазин за хлебом в центр нашего посёлка. В обед машина привозила тёплый душистый хлеб, и, чтобы быть первым, я шёл заранее и долго топтался у одноэтажного кирпичного домика с синими буквами «ПРОДУКТЫ» на крыше. Ребята вычислили мои походы и подкарауливали меня, когда я шёл домой с полной авоськой хлеба – тогда у нас ещё был поросёнок, да и хлеб стоил дёшево. Я молча терпел все издевательства и упрямо

шёл домой, глядя себе под ноги. Когда переходил на бег, то все старались зацепить за ногу, и я под всеобщий смех распластывался, разбивая колени и локти, по земле. Так, проводив меня почти до самого дома, ватага весельчаков пряталась вблизи лежащих кустов и, сдерживая смех, наблюдала, как моя тётка во дворе отряхивала меня от пыли, разводя руками и причитая в небо: «За что же такое горюшко, за что же такое наказание!» Однажды, уже осенью, как обычно купив хлеба у вечно хмельной продавщицы Тоськи, я вышел на улицу, меня сразу же обступили мои мучители:

– Этот, что ли, дурачок? – ткнул меня в плечо какой-то незнакомый хлопец, гораздо старше остальных.

– Этот, этот, тот самый, – со всех сторон закаркала детвора.

– Ну давай, пляши! – хмыкнул нездешний бугай, наградив меня оплеухой.

Я молча попытался пройти сквозь кольцо, но меня стали толкать из стороны в сторону, корча рожи и выкрикивая:

– Пляши, пляши, дурачок! Давай танцуй, дебил! Танцуй, придурок! – я потерял равновесие и упал на землю. Тогда этот заезжий взял меня за ухо, очень больно, и стал поднимать, приговаривая: – Вставай, вставай! За ушко и на солнышко.

В глазах от боли стало темнеть; упираясь, я выронил сумку и вдруг с криком вцепился зубами в ногу этому хлопцу. От неожиданности он отпустил ухо и прохрипел: – Ой, блин... – а я, не помня себя, в дикой ярости, скопившейся за целое лето, отпустив ногу, стал бить наотмашь. Куда попало – в пах, в живот, по лицу. Ребята растерялись и в испуге стали пятиться назад. Когда заезжий упал, я стал бить его ногами, потом, задышавшись, в истерике, насев сверху, стал душить, вонзая ногти в горло. Что было дальше, помню плохо – оттащили, наверное, взрослые из магазина. Позвали

тётку. Помню её заплаканное лицо, как целовала она меня в щёки, в нос, в волосы и кричала, что никому не отдаст. Нездешнему досталось крепко; оказалось, что он двоюродный брат сына директора нашего продуктового магазина, приехал в гости из райцентра. Тётке пришлось продать поросёнка, мамины серьги и папино ружьё, чтобы этот случай замяли и меня не забрали в психушку. С тех пор одного меня никуда тётка не отпускает. Ребята стали меня сторониться, только в след строили рожи, да крутили пальцем у виска.

Я не мог себя сдержать, няня стала пятиться от моих вытягивающихся рук и вдруг заохала:

– Да что же, соколик ясный, с рукой-то у тебя?

Оторвав глаза от испуганного лица тётки, я перевёл взгляд на руку. Из-под бинта по руке на пол стекала кровь. Я зажал рану второй рукой и, опустившись на колени, уткнулся няньке в ноги и неистово, сбиваясь, зашептал:

– Прости меня, нянька, прости, прости за всё, прости, умоляю! – уткнувшись в застиранный халат, всё шептал я, постепенно уходя в забытьё...

Кто-то стучит в окно. Стучит не рукой, а чем-то железным. Такой неприятный звук. Кто-то стучит в окно. Я сижу на полу, прислонившись к прутьям спинки кровати. Свет в комнате выключен, но луна и снег позволяют различать контуры предметов. Закутавшись в занавеску, я сижу на полу, прислонившись к прутьям спинки кровати. Кровать у меня старая, дедовская, с провисшей сеткой. Синяя краска почти облупилась на металлических шишках, венчающих прутья спинки. Опять этот стук. Очень страшно повернуть голову в сторону окна. Там стоит он. Произошло что-то ужасное. Я должен повернуть голову. Я его не боюсь. Я вообще никого не боюсь! Он постукивал в стекло рукояткой гнutoго, как полумесяц, кинжала. Кинжал был в чём-то тёмном, на его острие

повисла большая капля; немного подумав, капля упала на снег. Стук был вкрадчивый такой, с хитринкой. Как будто старый друг стучался в гости. Повернувшись, я встретился с ним взглядом. Он подмигнул в ответ и стал медленно из-за спины доставать вторую руку. Казалось, при этом он становился ещё больше. Не человек, а великан. Вдруг на мгновение он замер, косо усмехнулся и резко выбросил руку в сторону. Замок седых редких волос чужестранец держал голову... Лицо жертвы исказила гримаса боли, но глаза были открыты и смотрели прямо на меня. Губы с запёкшейся кровью вдруг разжались и прошептали, я явственно услышал:

– Соколик мой ясный... – этот голос наполнил всю комнату, такой нежный и знакомый голос. – Соколик мой ясный...

Так звала меня мама, давно в детстве. От её голоса веяло теплом и лаской. Помню, перед тем, как она садилась в тот грузовик, поцеловала меня в макушку и, улыбнувшись, сказала: «Соколик мой ясный». Грузовик упал с моста в реку, водитель остался жив, а родители не выжили. Несчастный случай, а шофёр потом запил и повесился в сарае. Тётя Глаша, нянька моя, тоже так меня звала, вот и сейчас, с трудом размыкая губы, она не просто звала, а просила о помощи. Её голос наполнил всю комнату. Я вскочил на ноги и, повернувшись, увидел свою тётку. Она лежала на кровати. Казалось, её голова не держалась на шее, а была просто приставлена к туловищу. Вся шея превратилась в одну сплошную рану, в сплошной синяк и кровоподтёк. Глаза были вытаращены... Одна нога подогнута, руки скрючены, халат разорван и в крови. Я бросился к окну, а он повернулся спиной, как будто собирался уходить, но хотел попрощаться. И точно! Чужеземец обернулся, провёл острием кинжала на уровне своей шеи и указал им на меня, показывая,

что я следующий. Пройдя несколько шагов, он опять обернулся. Схватившись за свою косу, он обмотал её вокруг своей шеи и вздёрнул руку вверх – точно повесился. Высунул язык, закатил глаза и так, припадая на одну ногу, проковыляв вокруг берёзы, слился с темнотой.

Я точно знал, где он меня ждёт. На пустыре за школой. Когда он исчез, меня охватило отчаянье, и я действительно бросился за верёвкой, долго её искал – срезал для сушки белья в сенах. Кое-как смастерил петлю, даже намылил хозяйственным мылом верёвку, чтобы лучше скользило. Все эти приготовления как-то меня успокоили, даже придали силы. Тётку свою я поцеловал в лоб и накрыл занавеской, чтобы она не смотрела на меня. Кровать пришлось чуть отодвинуть к окну, крюк в моей комнате прочнее, а кровать будет мешать. Долго не мог приладить ножку к стулу, кое-как удалось. Даже лучше, что еле держится – легче сорвусь. Я совершенно не суетился, делал всё спокойно и чётко: надел петлю и проверил, как ходит верёвка, поставил стул точно под крюком... Но тут я задумался. Как мне закрепить верёвку? Да и выдержит ли меня крюк? Мне вдруг вспомнилась картина из детства. Сарай, дверь приоткрыта, под крышей, на верёвке, перекинутой через балку, висит человек и слегка раскачивается от осеннего сквозняка. Мой приятель Славик тянет меня за рукав: «Тикаем, тикаем, пока никто не увидел!»

Если бы была жива моя мама... Она бы успокоила меня, поцеловала бы в макушку и крепко прижала меня к груди. А я, зажмурив глаза, обнял её, ощущая тепло и запах родной плоти. А потом мы бы пошли кататься на велосипеде. На новеньком велосипеде, который мне на день рождения подарил отец. Я езжу ещё плоховато, то и дело смешно падая с велосипедом на бок. Тогда мама идёт рядом со мной и поддерживает

меня. С мамой у меня получается хорошо. Она осторожно убирает руки, и я уже сам с удовольствием, подставляя ветру лицо, пугая криком гусей, качу по залитой солнцем улочке. Я набираю скорость, оставив маму далеко позади, и, выехав за околицу, мчусь к реке. Приподнявшись на педалях, я вижу серебристую чешую воды. И тут, потеряв равновесие, я слетаю с велосипеда и кубарем, обдирая локти и колени, качусь по утоптанной дороге. Мама, догнав меня, дует на пораненные места и гладит по голове, успокаивая: «Не плачь, соколик мой ясный, не плачь».

Я не буду плакать, мама, не буду, и так просто я не сдамся. Я буду бороться! Я выйду на бой!! Сняв петлю с шеи, я отшвырнул её в угол. Он меня проверял. Он будет меня ждать. Оружие. Мне необходимо оружие. Из швабры я сделал нечто, наподобие копья – от спинки кровати оторвав металлическую шишку и насадив её на обструганный заострённый конец древка. Щитом послужит крышка от бака для кипячения белья, хотя держать его неудобно. Ещё я нашёл топор для колки дров и прихватил пару ножей, на всякий случай. На улице потеплело. Снег кое-где растаял, обнажив сырую землю. Воздух был сладковатым, с привкусом свободы и крови. Полная луна висела подгнившим яблоком над уснувшим селом. Светились редкие огоньки. В соседнем доме раздавались пьяные крики, заглушаемые звуком телевизора. Лошадей на селе, поди, и не осталось, но пешему никак не победить. Я вытащил из чулана велосипед, запylённый и ржавый. Смазал цепь подсолнечным маслом, проверил руль и седло. Как бы он не сломался под моим весом, последний раз, под смех тётки я врезался в крыльцо нашего дома, катаясь по крохотному дворику. С тех пор велосипед постарел, а я подрос. Но ничего, выноси, родимый! По нашей улице катилось легко – снег на ней сошёл. Доехав до поворота на шко-

лу, я остановился. Языки пламени уже выбивались из окон нашего дома, освещая улицу. А, это он стрелями с зажигательной смесью, догадался я. Гад, ты у меня за всё ответишь, за всё! Измочаленный и задыхающийся от езды и гнева, я обогнул школу, выезжая на пустырь. По дороге я чуть было не потерял копьё, привязанное к раме, упав на лёду. Щит, привязанный к спине, слетел. Подбирать не стал. Держать руль, копьё и щит одновременно не получится. Даст Бог, и так справлюсь. Он возвышался над пустырём, и казалось, концом копья проткнул луну – огромный всадник на кобылице в яблоках. Велосипед я бросил, всё равно дальше по снегу он не ехал. Собравшись с силами, я закричал и что есть силы побежал на надвигающуюся громадину. Через метров десять я резко остановился и бросил копьё навстречу всаднику. Он дёрнулся в седле, но продолжал неумолимо приближаться. Тогда с криком: «За тётю Глашу! За Русь святую!» – я выхватил топор из-за пояса и наотмашь рубанул накрывшую меня тьму!

ПОНИ

ПАШКИНОГО ДЕТСТВА

I

Казалось, ещё несколько минут, и щека загорится. Левой рукой вцепившись в гриву, а правой обхватив могучую шею лошади, он мчался по бескрайнему полю навстречу тёмному лесу. Его шея затекла, а щека, прижатая к чёрной коже лошади, нестерпимо горела от постоянного трения. В голове промелькнуло, что он в детстве однажды гладил пони в зоопарке на Красной Пресне. Мама, держа его за руку, подвела к этому игрушечному коньку с длинной светлой гривой и пушистой чёлкой, сказав: «Можешь его погладить, не бойся». «Я не боюсь!» – смело ответил он и провёл ладошкой вдоль гривы. Сверху вниз. Грива была мягкой и тёплой. Тогда он обнял его за шею и прижался к тёплому ворсу. «Он настоящий», – сказал ребёнок и провёл ладошкой ещё раз – сверху вниз. Животное подняло на маму большие карие глаза, полные слёз. Но сейчас, в бешеной скачке, щека нестерпимо болела, как будто терлась о наждачную бумагу. Он несколько раз пытался оторвать голову, но тогда казалось, что голова в мгновение улетит, и он, задыхаясь, ловя ртом сырой утренний воздух, ещё сильнее прижимался к шее лошади. Ещё сильнее кле-

щами ног сдавливал её круп, ещё сильнее напрягал почти онемевшие руки. Единственное, чем он мог ещё управлять, это глазами. Стараясь не смотреть вниз – там травы в росе, ромашки и васильки смешались в кружащую голову цветную ленту, он всматривался в непроходимую стену леса, вырастающую впереди. Над его зубцами уже вставал рассвет. Превращаясь из розовой дымки в золотое марево, небо своим светом уже отвоевало верхушки высоких елей у отступившей ночи. И чем больше день вступал в права наследства ночной тьмы, освещая землю, тем яснее виделось, что это вовсе не дремучий лес, а нагромождение домов из стекла и бетона. Высокие и тонкие, как пальцы башни, прорезанные поперёк морщинами-балконами. Непреступные китайские стены девятиэтажек с тысячами бойниц-окон. Типовые здания школ, угрюмые магазины и щебечущие детские сады. Всё это обёрнуто асфальтовой серой лентой с хитрыми переплетениями эстакад, тоннелей и перекрёстков. И вот уже он несётся с бешеной скоростью на огромном автомобиле по лабиринту этих дорог. Он чувствует по посадке и обзору, что это джип, причём очень мощный. Чуть вдавливая педаль газа, его авто с легкостью обгоняет идущие впереди машины. «Да это не одна лошадиная сила, – улыбаясь, думает он, – это три племенных табуна». И главное, что боль, обжигавшая его, исчезла, стало прохладно от включённого климат-контроля, а кожаное водительское кресло с боковой и поясничной поддержкой мягко и уютно приняло его в свои объятия. «Совсем другое дело, – промелькнуло у него в голове, – когда управляешь ты и когда управляют тобой». Одно дело, когда ты лишь пешка на шахматной доске жизни, – уже пульсировало в его голове, – другое дело, когда ты и есть рука, передвигающая или отдающая сопернику эту пешку. И он ещё сильнее нажал ногой на гашетку. Машина на секунду задумалась

и с утроенной силой рванула вперёд, влетая в трубу тоннеля. Необузданная сила, вызванная скоростью и властью над дорогой, стала постепенно сменяться тревогой и беспокойством. И это беспокойство постепенно впаивало его в кресло. Он попытался сбавить скорость, но, к своему ужасу, он не мог нащупать ногой педаль тормоза. Он отпустил газ, но машина продолжала набирать ход. Вместо прохладного фреонного воздуха из сопла климата вдруг подул огненный жар, обжигая лицо. Кожа кресла, казалось, начала плавиться, жала и припекая. Шея бешеной скоростью была вдавлена в подголовник, и казалось, сейчас оторвётся от тела. В глазах мелькали лампы освещения тоннеля, сливаясь в одну светящуюся полосу. Потом натянутая струна лопнула в его голове, и всё исчезло на несколько мгновений. И вдруг он резко открыл глаза, как будто бы кто-то дернул за ресницы. Он с ясностью увидел над собой белый потолок с узкими длинными лампами дневного света, которые двигались ему навстречу, сменяя одну за другой. Он попытался пошевелиться, однако не чувствовал ни ног, ни шеи. Только правая рука нехотя отзывалась на его приказ.

– Он очнулся, очнулся, – как из колодца, слышалось ему, – скорее в операционную. – Он почувствовал слабый толчок и ускорение. – Мужчина, пострадавший в аварии, двадцать два года, состояние критическое.

– Пашенька, Павлик! Мой милый, родной, только не умирай, держись, держись, мой любимый, – уже рядом, чётко и явственно слышал он и попытался улыбнуться в ответ родному голосу. Но в губы вонзились раскалённые иглы, и его лицо исказила гримаса боли.

– Находиться посторонним здесь запрещено, ждите в приёмной, – опять, как из колодца, донеслось до него. Последнее, что он увидел через призму страданий, как перед ним распахнулись двери, обнаруживая

в комнате огромную лампу и людей в зелёных халатах с масками на лицах.

– Сыночек, сыночек! Пустите меня к нему! Пустите, это мой сын! – последнее, что звучало в мозгу, пока он не провалился в темноту, обезболенный уколом снотворного.

Ох же и влетело тогда Пашке за историю в зоопарке. В то время жили они с матерью недалеко, на Пресненском валу, и дойти до зоопарка он мог самостоятельно. Без чуткого сопровождения мамы. Жили они вдвоём, отца Пашка не помнил. Отец, по словам мамы, уехал в длительную командировку на север. И вообще на эту тему они говорили редко – у мамы сразу начинали дрожать губы и наворачиваться на глаза слёзы. А Паша уже в свои десять лет был чутким и самостоятельным мальчиком и поэтому особо не досаждал матери этими расспросами. А брался он за тяжёлую книжку с цветными картинками о животных, подаренную тётей Надей на прошлый день рождения. Каких животных там только не было – и длинношеее жирафы, и полосатые тигры, и дурашливые обезьяны! И вот, когда наступило лето, мама повела Пашу первый раз в жизни посмотреть на настоящих животных, как в книжке. Потратившись на билеты, а жили они довольно бедно, мама познакомила Павлика с удивительным миром. Как он веселился, глядя на белого медведя, демонстративно купавшегося в своём бассейне! Белый гигант, лёжа на спине, отталкивался от края и, сложив лапы на груди, с невозмутимым видом доплывал до другого края, и, сделав разворот под водой, плыл в обратном направлении. И так раз за разом. Паше запомнился его чёрный нос, которым медведь смешно водил из стороны в сторону, как бы обнюхивая собравшихся

зрителей. У вольеров с обезьянами всегда царит настоящее веселье, а в этот раз семья орангутангов особенно смешила собравшихся. У Пашки даже заболел живот от смеха. Отец семейства рыже-бурого цвета с бородой на массивном лице пытался уговорить разгулявавшихся детей, мешающих ему дремать после обеда. И когда уговоры ему надоели, то он схватил одного из своих детёнышей и отшлёпал его по одному месту. Чем вызвал неудовольствие матери, покрутившей пальцем у своего виска. Прямо как у людей. Но больше всего Павлику понравился пони по кличке Малыш. Он и вправду был крохотным, ненастоящим, по сравнению, например, с жирафом. Мама сказала, что он пока ещё маленький и не вырос, точно как Павлик. Она, держа его за руку, подвела к этому игрушечному коньку с длинной светлой гривой и пушистой чёлкой, сказав: «Можешь его погладить, не бойся». «Я не боюсь!» – смело ответил Павлик и провёл ладошкой вдоль гривы. Сверху вниз. Грива была мягкой и тёплой. Тогда он обнял его за шею и прижался к тёплому ворсу. «Он настоящий», – сказал ребёнок и провёл ладошкой ещё раз – сверху вниз. Животное подняло на маму большие карие глаза, полные слёз, и эти глаза, и ощущение тепла от гривы тронули сердце мальчика. Он не хотел уходить от вольера и просил маму взять домой эту лошадку. Но мама сказала, что он не может жить у них дома, так как для него у них совсем нет места, и что начинается дождик и пора уходить. И сколько было видно, Павлик, оборачиваясь, всё смотрел на сказочного конька, кивавшего ему в след головой. И с того дня у Павлика появилась мечта – забрать Малыша из зоопарка и привести к себе домой. Он бы жил у них на кухне, а Пашка покупал бы ему морковку, экономя на школьных обедах. И вот в один из дней он, обойдя несколько раз зоопарк кругом, нашёл лазейку между прутьями ограды. Кто-то, явно большой и сильный, немного разогнул их в разные сто-

роны, и Пашка без труда попал в заветное место. Малыш тоже пройдёт, думал он, главное дожидаться, когда все люди уйдут, забрать его и привести домой. А мама уже разрешит оставить лошадку хотя бы на несколько дней. Морковки он купил целый килограмм и сейчас прихватил пару, предварительно помыв и почистив. Сидеть в кустах, стараясь не шуметь, было тяжело, Пашку тянуло во все стороны детское любопытство. И чтобы хоть чем-нибудь себя занять, он незаметно для самого себя стал грызть морковку. Спихватился, лишь когда, прикончив первую, принялся за вторую. Но вот уже стало вечереть, звуки голосов смолкли, и Паша, озираясь, выбрался из своего укрытия – густых кустов орешника. Без людей зоопарк показался ему таинственным и страшным. Огромные орлы и беркуты, обитавшие за сеткой, рвали острыми клювами какую-то кровавую пищу, а после, насытившись, с шумом, расправив метровые крылья, взлетали к своим гнёздам. Павлику, остановившемуся у сетки, подумалось: а если эти хищные птицы вдруг нападут на Малыша, то от него ничего не останется через несколько минут. Он решил торопиться и, уже стараясь не глядеть по сторонам, на клетки, клыки, зрачки, копыта, лапы, не слушать рыканье, мяуканье, свист, хохот, щебетание, забыв об осторожности, бросился со всех ног спасать забавного конька. И у пруда с грациозными лебедями и экзотическими фламинго, от вида которых дух захватывало, Пашка чуть не попался в лапы зрителя, но тот, что-то насвистывая, не заметил притаившегося за плакучей ивой мальчика. От пруда до вольера с Малышом – рукой подать. Крадучись чуть ли не ползком, Пашка наконец добрался до желанного места. Грустноглазый пони стоял у низенького вольера, свесив голову на другую сторону, на сторону свободы, и как будто бы ждал своего нового друга. Сорванец без труда открыл щеколду на калитке и, осторожно ступая, боясь

вспугнуть тишину, с остатками морковки на вытянутой руке приблизился к пони. Малыш, шевеля ушами, повернулся к нему. Пашка, нервно потирая нос, манил лошадку к себе, отступая спиной к калитке. Дойдя таким образом до границы вольера, Малыш остановился, не желая выходить в большой мир. Тогда Пашке пришлось сделать шаг навстречу, и тут же морковка была буквально слизана с руки мальчугана. Что же было делать дальше? И в этот момент из-за поворота на тропинке появился смотритель с пакетом в руках, насвистывая нехитрый мотив. Пашку охватило отчаянье. Он обхватил шею конька и уткнулся лицом в его гриву, пытаясь спрятаться... Ох же и влетело ему за историю в зоопарке.

9

Пашка, хотя уже в свои двадцать два года давно Павел Сергеевич, был человеком опытным и обстоятельным. Не бросал слова на ветер, не принимал поспешных решений и не делал необдуманных поступков. Хотя всё это и не присуще молодым людям его возраста. Он давно встал на ноги, был хозяином фирмы, торговавшей кормами для животных. Причём весьма успешно: Павел Сергеевич искренне любил зверей. Да, многое, почти всё, закладывается у нас в детстве. Он до сих пор бережно хранил ту большую книгу с картинками, подаренную на день рождения тётей Надей. А Московский зоопарк он знал наизусть, мог закрытыми глазами отыскать любое животное. Даже со своей девушкой он познакомился в зоопарке, в дельфинарии, на представлении дельфина Шурика, одного из старожилов зоопарка. Большая трёхкомнатная квартира на Зоологическом переулке была куплена, естественно, с видом на зоопарк, хотя и мать сначала была против такого соседства. Одна-

ко сына она очень любила и, немного поупрямившись для вида, согласилась переехать в новое жилище. Мама с удовольствием занималась хозяйством и домом, а сын практически всё время проводил на работе. А в короткие часы отдыха предпочитал сидеть на балконе, приклеившись к окуляру подзорной трубы. План уже давно сложился у него в голове. Та давняя история с Малышом о многом заставила задуматься и многое понять. Сначала ему было очень обидно за то, что пони не пошёл к нему домой, ведь Малыш не мог знать, что у них маленькая квартирка, или, может, это мама строго-настрого наказала не появляться у них дома? От этих мыслей тогда у Пашки прямо разрывалась голова, да и наказание в виде запрета смотреть любимую книгу и прихода домой милиции огорчало его. Потом, взрослея, он почти не вспоминал случившегося, и эта история несколько стёрлась из памяти Павла. Но в последнее время грустный конёк не давал ему покоя. Он не раз бывал в зоопарке – Малыш подрос, хотя Павлу казалось, что он, наоборот, уменьшился, так как вырос сам Павел. Но пони как раз был в самом расцвете сил, ведь они живут до тридцати лет, а бывают и долгожители. Павел больше не кормил его морковкой, а лишь вглядывался в его коричневые бездонные глаза, мучаясь одним вопросом. Да, пони – это не волк, это не тигр или орёл, которым жить в неволе, в клетке – смерти подобно. Пони – это даже не лошадь, а так, конёк-горбунок из сказки. Но разве он в своих копытных мечтах не видит простора и свободы полей? Разве не хочет обгонять вольный ветер? Ему достаточно быть лишь живой игрушкой и катать детей по кругу? Тогда, в детстве, он хотел привести его домой, думая, что там Малышу будет лучше. Но тогда он и сам был малышом. Теперь у него была другая идея, постепенно превратившаяся в мечту. Подготовку он начал не спеша, обдумывая каждую деталь.

И вот в обычный будний день у зоопарка со стороны Волкова переулка, въехав на тротуар, вплотную к ограде припарковался небольшой зелёный фургон, на боку которого была надпись «Московский зоопарк». Из машины вышел молодой человек в зелёном же комбинезоне с такой же надписью, как на борту автомобиля. Он спокойно, по-деловому расставил вокруг машины оранжевые конусы, разложил на асфальте инструменты, термос, включил маленький радиоприёмник. Паша всё делал не спеша, с перекурами – отрезав три прута у решётки, он налил себе чаю из термоса и сделал радиопогромче. Потом он приоткрыл заднюю дверь фургона, выдвинул две доски и, взяв какой-то предмет, деловито прошёл, как бы измеряя проход, на территорию зоопарка. Он чётко знал, что от этого места до вольера с пони ровно семьдесят шагов. Он не раз проделывал этот путь. В это время работников зоопарка в этих местах не бывает, он не раз проверял это и при помощи подзорной трубы – работники обедают. У вольера было не очень много людей – несколько детишек со скучающими мамами. Паша, не обращая ни на кого внимания, открыл калитку и, угостив Малыша морковкой, ловко накинул на него уздечку. Он научился это делать в Битце, в конноспортивном клубе. Он знал, что до калитки всё будет гладко, но дальше Малыш заупрямится. На этот случай Павел приготовил большую швейную иглу, чтобы тихонько кольнуть пони при необходимости.

– А куда уведят Малыша? – спросил один из детей недовольным голосом.

– В другое место, – равнодушно, в сторону, ответил Павел.

– Я же сразу говорила, что пойдём к обезьянам, – выдыхая дым, процедила мамочка.

Закрыв за собой вольер, Павел прошёл знакомым маршрутом до лаза в решётке. Малыш спокойно следовал за ним, чуя сильную руку. Выглянув в переулок

и убедившись, что у фургона никого нет, похититель вывел пони из-за решётки и подвёл к доскам, образующим мостик между фургоном и асфальтом. Но тут Малыш встал как вкопанный. Пришлось пускать в дело иглу. Мотнув головой, пони вскочил внутрь фургона. Там Павел привязал его к специально сделанной коновязи. Быстро положив инструменты, конусы, термос и приёмник так же внутрь, он захлопнул дверцу.

– Им бы только ломать да мусорить! – возмутилась проходящая мимо старушка.

– Не волнуйся, бабуля, скоро будет лучше прежнего, – весело сказал Павел, сядя за руль, – после обеда всё закончим.

Павел ехал медленно, соблюдая все правила. Чтобы не привлекать лишнего внимания. Он договорился с одним приятелем, у которого в Подмоскowie небольшое хозяйство и есть лошади, что тот пока возьмёт Малыша к себе, а он будет приезжать и учить пони вольной жизни. Павлу казалось, что этому можно научить, а не только впитать с молоком матери. Он представлял, как он скачет на лошади, подставляя лицо ветру, а рядом, почти не отставая, несётся Малыш, и в его глазах больше нет слёз, а они искрятся радостью, он дышит полной грудью, он хозяин полей и лугов, он – настоящий. Павел, окрылённый этими мыслями, сам не заметил, как стал ехать очень быстро. Лефортовский тоннель в это время был свободен, и фургон нёсся уже с дикой необузданной скоростью. Павел на секунду отпустил руль и закрыл глаза – он был счастлив. Но в следующее мгновение, востепенувшись, он не справился с управлением и на полном ходу врезался в парапет ограждения. Когда подъехала скорая помощь, то первые слова, когда Пашку достали из машины, были: «Отпустите Малыша, он настоящий».

Федька

Магеллан

Федька болел. Болел давно и противно. У него была скарлатина. В первое время температура была под сорок и очень болело горло. Болело настолько, что глотать слюну было невозможно. Федька терпел, стараясь никому не показывать это нелепое неудобство. Но на третий день вечером мать, доставая градусник из-под раскалённой подмышки, заметила неестественные движения головой у сына и принялась его расспрашивать. Федька молчал, на его глазах проступали слёзы.

Мать всё поняла и дала ему стеклянную поллитровую банку из-под томатной пасты, чтобы он сплевывал слюну в эту посуду. Отец покупал грецкие орехи, колот твёрдую скорлупу молотком и смешивал ореховую массу с мёдом. Федька, не чувствуя вкуса, послушно съедал на ночь несколько ложек этой целебной смеси и, запив её тёплым молоком, беспокойно засыпал. Однажды, уже ближе к выздоровлению, Федьке привиделся ужасный сон. Будто он оказался посреди бушующего океана, на каком-то судёнышке. Вода вокруг солёная и очень тёплая. Волны раскачивают Федькину скорлупку до головокружения. И совсем это и не корабль, а кровать, с шатающейся спинкой и ещё почти новым полосатым матрасом. А

простынь служит Федьке парусом, только мачты у кровати нет, а парус, чуть пожелтевший от частых стирок, полощется на ветру, существуя как бы отдельно от всего в сумеречном пространстве. Сам он, зарывшись головой во влажную от брызг подушку, боится взглянуть на разыгравшуюся стихию. И только отрывисто выкрикивает непонятные ему самому команды:

– Бом брамсель убрать, грот марсель убрать! Трави шкоты! Два румба вправо, так держать! Живо жир за борт плескать!!

Порывы ветра становятся всё яростнее. Парус, издав мощный хлопок, срывается с невидимой реи и, подобно птице, устремляется к едва различимому в темноте потолку. Кровать черпает липкую воду бортами и начинает тонуть. Федька отбрасывает подушку и, едва не ломая ногти, цепляется в шатающуюся спинку фрегата. Он скрежещет зубами от напряжения, его худенькое тело трясёт, как в диком туземском танце. Судёнышко буквально подпрыгивает на гигантских волнах. Кажется, ещё миг, и всё разорвется на молекулы и смешается с солёной пылью. И вдруг всё останавливается, кровать замирает на гребне огромной волны. А рядом образовывается страшная чёрная водяная воронка. Федька кричит, не слыша своего голоса, кричит страшно и вдруг просыпается. На крик прибежали отец и мать, мать обняла его и, глядя по русой голове, долго баюкала, тихонько раскачивая из стороны в сторону. Федька, сначала крупно дрожавший всем телом, постепенно успокоился и крепко заснул. И видел теперь во сне, что лежит он в лодке, нагретой солнцем, а вокруг чистая голубая вода еле-еле качает лодку, а тёплый свежий воздух приятно обволакивает и греет тело. Когда Федька уснул, отец взял его на руки, пока мать перестилала кровать, и, осторожно ступая, ходил по комнате, стараясь не разбудить сына. После этой ночи Федька пошёл на поправ-

ку. Температура постепенно спала, да и с горлом дела улучшились. Но три недели мальчишке был приписан постельный режим. Чтобы он не скучал, отец купил ему большую, во всю стену, карту мира. Фёдке нравилось подолгу рассматривать эту цветную уменьшенную копию мира, заучивать названия стран, а особенно прокладывать ручкой маршруты путешествий на карте. Самым захватывающим и увлекательным было плавать по воде. Чертить небывалые кругосветные путешествия. Фёдка выплывал из Москвы, далее следовал примерно по Волге до Каспийского моря. Затем попадал в Чёрное, а через него в Средиземное. А там уж рукой было подать до огромной синей полосы с надписью «Атлантический океан». Там можно было разгуляться – и вести свой корабль у берегов Африки или, прорезав Атлантику стремительным переходом, выписывать восьмёрки в Карибском море между многочисленных островов, а затем, заходя в порты Бразилии, обогнув Южную Америку, оставив Антарктиду на потом, очутиться в Тихом океане. Правда, дальше карта заканчивалась, и Фёдка на коленках передвигался вправо на другую сторону кровати и выплывал где-то возле Гавайских островов. С трудом пробираясь через острова Индонезии и делая остановку на Филиппинах, Фёдка оказывался в самом любимом из океанов – Индийском. Там он кружил вокруг Мадагаскара и Австралии, высаживался на ледяное побережье Антарктиды, распугивая пингинов и, обогнув мыс Доброй надежды, возвращался домой через Балтику. А из Санкт-Петербурга до Москвы он уже ехал на поезде, чтобы сильно не укачало. Фёдка, поправившись, опять пошёл в школу, с усердием навёрстывая пропущенное за время болезни. Он мечтал скорее перейти в пятый класс, где у них будет предмет география. И он, стоя у доски, будет указкой показывать на известные ему моря и океаны, матери-

ки и острова, а одноклассники будут завистливо шептаться, проверяя его знания по учебнику. Вообще Федька учился хорошо, вот только по физкультуре заметно отставал от сверстников. А после болезни стало и того хуже. У него появилась одышка, на занятиях стала кружиться голова. Он часто пропускал этот урок из-за недомогания и слабости. Зато после этой болезни он стал видеть необычайные, часто пугающие сны. И всё в этих снах было связано с водой. То он, подобно дельфину, резвился в прозрачном море, сопровождая яхты с весёлыми людьми, то плавал в бассейне, очень быстро и легко, но чаще всего тонул в тёмной, липкой и холодной воде. И всё это притом, что Федька ни разу не был на море, да и плавать не умел. Правда недалеко от дома протекала речка Сетунь, впадавшая в Москву-реку. Но родители не считали эту речку за полноправную реку, а называли так, ручьём. Федька слышал от приятелей по двору, что в Сетуне водятся плотва, окушки и даже щуки. А кто-то, наверное, врал, рассказывая, что видел рядом в перелеске зайца с огромными ушами. Федька с нетерпением ждал наступления лета. Ведь он теперь уже большой и тоже сможет пойти к реке, а не только гулять в своём и соседних дворах. Однако к концу четвёртого класса, весной, Федька опять заболел и уже очень серьёзно. На одном из уроков физкультуры он упал в обморок. Школьный врач предписал родителям сделать кардиограмму. После обследования выяснилось, что у Феди порок сердца. Скорее всего, порок врождённый, а перенесённая зимой скарлатина дала ещё осложнения, и не только на сердце, но и на почки. Федьку освободили от физкультуры, однако и к остальным урокам, казалось, он потерял интерес. Четвёртый класс он закончил средне, но отец всё-таки купил ему красивую подробную карту Москвы, обещанную в случае хорошей учёбы. В начале лета Федь-

ка в основном всё время проводил дома за картой Москвы, внимательно изучая её и делая какие-то пометки красным фломастером, подаренным мамой. Лишь однажды он уговорил приятеля показать ему дорогу к реке. Дорога заняла у них около получаса, через дорогу, запруженную машинами, и чужие дворы, где их чуть не побила местная детвора, шатающаяся в каникулы без дела. И вот, оставив дома за спиной и пройдя небольшой перелесок, они оказались на берегу реки Сетунь. Действительно, она оказалась не очень широкой, но Фёдке здесь понравилось. Они долго сидели с приятелем на берегу и бросали камушки в воду, глядя, как по водной глади разбегаются круги. Фёдке понравилось на речке, и он уже один несколько раз в неделю, когда чувствовал себя хорошо, ходил к зелёным берегам правого притока Москвы-реки. Он старался увидеть зайца в перелесках или рассмотреть плещущуюся рыбу с невысоких берегов. И каждый раз он заходил всё дальше и дальше вниз по течению. И вот однажды он наткнулся на подобие небольшого песчаного пляжа с лодочной станцией. Но это явно было заброшенное место. Покосившиеся зонтики от солнца, будка лодочника с выбитыми стёклами и сорванной с петель дверью. Небольшой полусгнивший причал, ржавая лодка, привязанная цепью к опоре мостика. Фёдка забрался в лодку, слегка покачивающуюся на воде. Скамейка была сломана, вёсел не было, но лодка не протекала, лишь синяя краска местами облупилась на бортах. Фёдка попытался отвязать лодку, но замок, большой и ржавый, надёжно удерживал её у причала. Фёдке подумалось, что он может найти ключ от замка в заброшенной будке. И он долго искал на шатком столе под ворохом жёлтых пыльных газет, в углах, заваленных битыми бутылками и мусором, в железном шкафчике с грязной и дурно пахнущей одеждой, и, уже собираясь уходить, он

решил посмотреть на высокой полке над дверью. С трудом подтащив стол и удерживая на нём равновесие, Федька пошарил по пыльной полке, и за какими-то банками он обнаружил небольшой липкий ключ. Обрадовавшись, он сломя голову бросился к причалу. Осмотревшись вокруг, он вставил ключ в замок. Повернул в одну сторону – ключ не шёл. Тогда – в другую сторону. И ключ, с трудом провернувшись два раза, освободил лодку от крепкой цепи. Федька закрыл замок обратно и, спрятав ключ в карман шорт, радостно побежал домой. Дома он спрятал ключ в надёжное место, чтобы даже мама не нашла его, делая генеральную уборку. В банку с карандашами, фломастерами, скрепками и прочими необходимыми вещами. Когда отец вернулся с работы, Федька попросил его показать на карте, где находится их дом. Отец охотно показал, радуясь за сына, что тот пытлив и любознателен. Федька отметил это место фломастером, затем нашёл рядом реку Сетунь и примерно отметил местонахождение лодки. Затем он повел по реке фломастер, точно по изгибам и излучинам, от Рябиновой улицы, через Аминьевское шоссе и Минскую улицу, вплоть до места впадения в Москву-реку. Здесь он немного задержался, думая, куда ему повернуть, то ли к Воробьёвым горам, то ли к Серебряному бору. Выбрав всё-таки Серебряный бор, Федька легко дошёл до МКАДа и, видя, что карта заканчивается, повернул на кольцевую дорогу в западном направлении. Ну, а дальше ему ничего не стоило замкнуть это красное кольцо. Засыпал Федька счастливым, с улыбкой на лице. Ночью ему опять приснилась тёмная, грязная вода. Он стоит в ней по колено и пытается найти в иле и песке ключ от лодки. На следующий день Федьке стало плохо, мать вызывала скорую; отец, отпросившись с работы, рано вернулся домой. Врачи рекомендовали положить мальчика в больницу. Родители че-

рез знакомых договорились о помещении Феди в хорошую клинику. Они должны были привезти его через три дня. Федька чувствовал себя плохо, у него кружилась голова, была ломота во всём теле. Он почти ничего не ел, только пил сок и воду. Он очень не хотел в больницу, чувствуя, что оттуда уже не вернётся домой. Но родители сказали, что всё будет хорошо и там ему помогут хорошие и добрые врачи. За день до отправки он почувствовал себя лучше и попросился на улицу, немного погулять. Мама неохотно отпустила его на часик, погулять у дома. И сказала, что будет смотреть за ним из окна. Федька взял ключ от лодки, незаметно от мамы стащил большое яблоко со стола и бутылку воды. Выйдя на улицу, он со всех ног побежал к лодке. День был душный, жаркий. И по дороге Федька очень устал. В будке он нашёл кусок брезента и взял его для маскировки. Трясущимися руками, задыхаясь, он с трудом открыл замок и размотал цепь. Сделав несколько глотков воды и откусив яблоко, отложил всё про запас на корму. Затем, промочив ноги, он оттолкнул лодку от берега, и, забравшись под брезент, улёгся на дно. Лодка, слабо раскачиваясь, поплыла по течению, точно как на карте, по направлению к Москве-реке. Шелест волн о лодку и лёгкое покачивание успокоило Федьку. Озноб прекратился, ему стало спокойно и тепло, как на руках у отца. Он плыл в свое первое и последнее кругосветное путешествие – первооткрыватель Федька Магеллан.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Сон затягивал меня, подобно мощному пылесосу, в свой чёрный мешок. Не то чтобы я сопротивлялся, щипая себя за ляжки, или, слегка пошатываясь, у окна жадно курил, как перед расстрелом. Наоборот, глаза мои были закрыты, а мысли и думы, сложенные пятью приёмами в детский бумажный самолётик, были отправлены к сияющим далям. Похоже, я, высокий и несколько неловко собранный Создателем, просто не мог вот так сразу, сходу поместиться в тёмную зовущую трубу. Раскинувшись на постели в позе убитой птицы, разбросав все имеющиеся конечности и тщательно перемешав их с бельём и подушками, я балансировал на грани яви и сна. Причём ноги явно уже окунулись в тёплую и расслабляющую жижу покоя, а вот голова-отросток и руки-крылья растянулись между комнатой и эластичным, как пищевод, шлангом. Но сон всегда берёт своё, даже у закоренелых трудоголиков и ярых сторонников бессонницы. Сон – двоюродный брат смерти, сон – тренер по забегу с барьерами в небытие.

Как только я уснул и сон всосал не только меня, но и кровать с постельным бельём в глупые розочки, плотные терракотовые шторы, две картины и десять трубок старых обоев, в дверь позвонили. Два длинных уверенных звонка. Как будто звонил здесь живущий человек, нечаянно забывший свои ключи и желающий безотлагательно попасть домой. Какой уж тут

сон! Он выдавливал меня обратно, как из тюбика зубную пасту, обратно на тринадцать квадратных метров моей спальни. Всё вроде бы на месте – я в позе медведя, потревоженного в разгар зимней спячки, кровать с постельным бельём, шторы, две картины, а вот обои где-то потерялись. Я нащупал кнопку лампы и, предвзительно зажмурив глаза, включил свет. Обои до сих пор не вернулись, да и Бог с ними, всё равно они мне никогда не нравились. Вот так живёшь всю жизнь с удручающими обоями, а переклеить их или покрасить стены всё руки не доходят. Всё не хватает чего-то, так и умираешь в комнате с ободранными, местами отошедшими от кривых стен цветными полосами бумаги.

Шлёпая по холодному полу босыми ногами, я, как лунатик, побрёл к двери. Глаза постепенно привыкали к свету, показывая мне, что обои уже вернулись, только слегка поблёкли, как после стирки. Оставив в коридоре свет нетронутым, я прильнул к дверному глазку. Хорошая вещь, этот дверной глазок. Это вещь из сказки, вещь из научной фантастики. Ты видишь через закрытую дверь, а тебя не видят, а лишь только догадываются, как ты стоишь там, с другой стороны, и, затаив дыхание, всматриваешься в пустоту лестничной клетки. Никого. Может, мне приснился этот звонок, или, пока я добрался до двери, у звонившего лопнуло терпение, и он, плюнув на номер квартиры, убрался восвояси? Что-то здесь не сходилось, решительно не сходилось, но я решил подумать об этом завтра или лучше вовсе забыть.

Вернувшись под одеяло, я попытался воскресить сон. Но он, поражённый двумя автоматными очередями входного звонка, медленно умирал, испаряясь под потолок. Погрузив комнату во тьму, я попытался сложить этот дурацкий ночной звонок бумажным самолётиком и опять-таки отправить его в сияющую даль.

Но этот Конкорд в линейчку лишь вспыхнул у меня в руке, на несколько секунд осветив комнату беспокойством. И страх, на первый взгляд беспричинный, кло-чьями пепла разлетелся по тихой комнате, кружась, как снег. И каждое прикосновение этих чёрных снежинок жгло и заставляло вздрагивать. Страх, подлый, суетный и беспощадный, червём вползал через уши и ноздри мне в душу. Такое случается, и случается, увы, довольно часто. И нет на то каких-либо серьёзных причин, нет. Так, мелочи, пустяки, невинные проступки, сопровождающие жизнь каждого-каждого человека. Они, как колючки, цепляются на одежду души, когда ты бредёшь сквозь густые заросли жизни. Ты, тонкокожий, как марроканский апельсин. Если посмотреть в тебя на солнце, то, сощурясь, прикрывая ладонью, как козырьком, лицо, можно увидеть сочную мякоть, прожилки, гладкие косточки. И если чуть-чуть надавить на тебя пальцем или полосонуть ногтём, то из-под тонкой кожицы брызнет сладкий липкий сок. А уж снятие кожуры всегда сопровождается попаданием сока на брюки, рубашку и постоянным пошикиванием: – Чёрт бы тебя побрал. Уже, очищенный, с надорванными боками, лежишь ты на белой тарелке, и твоя апельсиновая кровь растекается по гладкой поверхности фарфорового лобного места.

Повторный залп звонков буквально пригвоздил ломом ужаса к кровати, выпустив из меня весь воздух. Однако я, вместо того чтобы залезть с головой под одеяло, повинуясь какому-то инстинкту, как крыса, на звуки волшебной дудочки, двинулся открывать дверь.

– Не бойся, не милиция! – донеслось из-за двери. Голос показался мне как будто бы знакомым.

– Вам кого? – еле слышно пролепетал я.

– Тебя, – со смешком отвечал незнакомец. – Не узнаёшь, что ли?

Я приблизил свой расширенный от страха зрачок к глазку. Незнакомец стоял спиной к двери.

– Вам кого? – уже довольно громко повторил я и покашлял для уверенности.

– Да перестань ты паясничать, – выпалил незнакомец и резко повернулся лицом к двери. Бог, мой! Вот как сходят с ума, вот как седеют за одну секунду, вот как останавливается сердце. Я увидел своё лицо. У ночного гостя было моё лицо! Только гораздо старше, испещрённое вдоль и поперёк морщинами. Глубокими морщинами – бороздами, шрамами времени.

Я отшатнулся от двери и зажал глаза ладонью, как от яркой вспышки. Кто это? Как такое может быть? Может, я сплю?

– Открывай, я тебя сам ущипну, – опередил меня голос из-за двери.

Дрожащими, плохо слушающимися пальцами я стал возиться с дверными замками. Но они не слушались, постоянно меняя секреты своих хитрых запоров.

– Нервишки, нервишки никуда не годятся, – ехидничал ночной гость. – Плачет, ох, плачет по тебе больничка.

Наконец с замками было покончено, и дверь, жалобно скрипнув,пустила полосу света, бьющего с лестничной клетки, а затем и таинственного гостя. Не дав мне опомниться, он сначала крепко обнял меня за талию, при этом изящно, пяткой вернул дверь в закрытое положение. Затем, приподняв, небрежно вальсируя, внёс меня в спальню и по пути включил верхний свет, удерживая меня одной рукой.

– На кого ты похож! – восклицал незнакомец, смерив меня взглядом. – Что это за трико с алкоголическими коленями, а майка-то, а майка, как у французского безработного.

– Я спал уже, – пробурчал я, щурясь от света.

– Мог бы и пижаму одеть, нарядную, – продолжал ехидничать он.

– У меня всего одна. В стирке. – Недовольно отвечал я, всматриваясь в себя. Вернее в него. Он гипнотизировал меня, как факир змею. Я стоял не шелохнувшись и не мог понять, что со мною происходит! Хотя всё верно, вы же на моём месте не откроете ночью дверь незнакомцу. И я не открою. Но самому себе я не могу не открыть. Я не могу не впустить себя к себе. Если вам прищелят в хранилище бронированной двери руку, вы же не захотите оставить её часть с другой стороны, а сами продолжить путь к банковским ячейкам. Вы будете пытаться воссоединиться с частью руки своей, позабыв о золоте и бриллиантах. Потому что вы и есть самая большая драгоценность для себя. И никто, и ничто не заменит вам себя со своими тараканами и тайными желаниями, со своими мыслями и комплексами. Ничто не заменит себя, гениального и единственного, на свете.

– Ну, что ты застыл, как мумия? Как баба каменная? – с улыбкой сказал гость и хлопнул меня по плечу. Ладонь у него была тяжёлая, как свинцом налитая. – Может, мне надо было через зеркало, как у Есенина? Да, нынче не модно это, устарело. Через телевизор или компьютер – вот это последний писк. Да пугать сильно не хотел. Ты же у нас и так неврастеник!

Его слова проходили сквозь меня, как нож сквозь масло, не задевая моего существа. Я как зачарованный всматривался в ночного гостя, рассматривал его, как картину, стараясь не пропустить ни одной мелкой детали. Моего роста, может, капельку ниже. Я слышал, что люди со временем стаптываются и становятся чуть ниже, чем в молодости. А может, это груз жизненных проблем сплюсчивает наши кости. Волосы седые, коротко стриженные. Лицо загорелое, в паутине морщин. Глаза холодные – пугающие. Зубы бело-

снежные, ровные, явно вставные. Подбородок и скулы тщательно выбриты. Шея накачанная, как у борца, вены на ней неестественно вздуты. Одет он был в чёрный костюм с чёрной же сорочкой, вольно расстегнутой на две верхних пуговицы. Однако туфли же были белые или, скорее, кремовые, лаковые.

– Нравятся? – лукаво спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Мне тоже нравятся. Хочешь, и тебе не хуже достану? Со скидкой. Будут совсем как новые, один раз всего одевали, да и то не ходили.

– Не мой стиль. – Я попытался собраться с мыслями, глубоко вдохнул. – Да и непрактично это, – раздельно, по слогам выдохнул я.

– Здесь дело не в стиле, а в цвете, – и он многозначительно поднял указательный палец. – А примерь-ка мои. Действительно, что это я! Размер-то у тебя мой. – И он трескуче, как разгорающийся костёр, рассмеялся.

– Носки надо одеть, – вяло отказывался я. – Не на босу ногу же.

– А я вот на босу ногу-то и ношу. – Он, ловко подцепляя носками за пятки, снял туфли, показывая загорелые ступни, и, присев на одно колено, как продавец в магазине, с издёвкой пригласил: – Вашу ножку, сударыня.

Я присел на край кровати и неохотно протянул ему правую ногу.

– Левую, сначала обязательно левую, – певуче протянул он. – А то плохо носиться будут.

Туфли пришлось мне в пору, хотя на вид и казались маловатыми.

– Ну вот, пройдишь. Потопай, попрыгай, – командовал ночной гость. – Совсем мерить обувь не умеешь. Лишь бы отделаться, а потом мучаешься. Не любишь ты обувь, и она тебя не любит. Взаимно.

– Вот ещё время на глупости тратить, – буркнул в ответ я, попрыгивая.

– Нет, это совсем не глупости. Из таких мелочей складывается отношение к себе. Там жмёт, там трёт, там не сидит, там торчит, но лишь бы отвязаться поскорее от этих хищных продавцов, вырваться из застенков магазинов и бежать неизвестно куда и зачем. А потом ходишь как подстреленный! Ну что, не жмёт? Точно?

– Пока нормально, пройтись надо, – ещё как в полусне отвечал я.

– Правильно. Вот и пройдемся, на кухню. Обмыть обувь надобно, а то точно носиться не будет. – Гость смерил меня взглядом и направился на кухню.

– При чём тут приметы эти глупые? – стряхивая сон, крикнул вдогонку я.

– А кто у нас встаёт с правой ноги? Сплёвывает три раза через левое плечо? Ну и бардак у тебя! – доносился весёлый голос незнакомца из кухни. – Кто мусор на ночь не выбрасывает и боится пустых вёдер?

– Каких ещё вёдер?! – приходя в себя, недоумевал я. Сон уже как рукой сняло. Туфли действительно не жали, хотя носить их на босу ногу было непривычно. – Да и вообще, с какой-то радости ты, то есть вы, хозяйничаете на моей кухне. Завалились посреди ночи...

– А у тебя особенно не разгуляешься, – с сожалением захлопнув холодильник, констатировал незнакомец. – Хорошо хоть пиво и креветки есть. Джентльменский набор.

– Я в ресторане питаюсь, – уже зло реагировал я.

– Знаем мы твои рестораны и цыган с медведями, – хмыкнул он и добавил вполне серьёзно: – Не завалился я, а по твоему же приглашению заглянул.

– Не звал никого я, да ещё на ночь глядя! – Я окончательно пришёл в себя и был готов перейти в атаку. – От гостей только грязная посуда и головная боль на утро.

– Смотрите-ка, разошёлся, – иронизировал он, открывая пиво. – Всегда любил холодное пиво, особенно с креветками.

Незванный гость хозяйничал на кухне, как у себя дома, точно зная местонахождение желаемых предметов. Он развалился на стуле, вытянув ноги, и, щурясь, шевелил пальцами. Пиво налил в стакан, предварительно сполоснув его водой, и пил медленно, растягивая удовольствие. Креветки же, покрытые инеем от заморозки, он ел прямо так, с панцирем, только отрывая голову с торчащими усиками. Креветки хрустели под напором мощных челюстей и острых ровных вставных резцов. Я прислонился к дверному косяку и молча наблюдал за этой трапезой. Неужели я вижу себя в будущем? И я когда-нибудь так же буду есть мороженые креветки, хрустеть ими на всю кухню и, икая, запивать их ледяным пивом? Не самая плохая перспектива..? Однако эта картина меня несколько успокоила и даже развеселила. Беспокойство, охватившее меня, ослабило свои объятья. Ночной гость, как будто бы забыл про меня, полностью поглощённый поеданием джентльменского набора, вдруг обернулся и пригласил:

– Ну, что ты там стоишь, как бедный родственник. Давай налетай! Будь как дома.

Я сел за стол и, открыв пиво, стал пить прямо из горлышка. Бутылка была холодной и влажной.

– И кстати, нехорошо наше знакомство начинать с вранья, – вдруг он резко обратился ко мне, подливая себе пиво.

– Какого ещё вранья? – удивился я, чуть не поперхнувшись.

– Да насчёт гостей. Ведь ты их всегда ждёшь. Надеешься, что хоть кто-нибудь да заглянет к тебе, одинокому, из твоих многочисленных приятелей. Ведь друзей-то у тебя нет. Знакомых тьма, а настоящих друзей нет. Вот и не едет никто. Тому далеко, у того нет времени, а этот и вовсе не собирался к тебе ехать, а якшается с тобой, пока ты нужен ему. А потом и вовсе

здороваться не будет. За ненадобностью. – Всё это он произносил медленно, округло растягивая слова, как будто с мороза, как будто от холодного пива и креветок у него замёрзли челюсти. – Ты бесконечно наивен насчёт людей, окружающих тебя. Ты к ним с открытой душой, с распахнутым сердцем, а они и не замечают этого, им не до глупостей. Они холодные, циничные производственники. И им нет дела до порывов твоей души. Конечно, я не беру в расчёт собутыльников. Это тебе главное поговорить, а им главное – налить. – И он ловко пальцем открыл вторую бутылку и налил себе полный стакан. – Проще говоря, ты ждёшь признания, иногда помощи, иногда и сам готов поделиться советом. И не во вселенском масштабе, а в границах своего мирка, своего круга общения, но и этого не происходит. Люди к тебе не тянутся, а, наоборот, стараются тебя избегать. Ты им не нужен со своим мучениями, исканиями и поисками правды в отдельно взятой квартире.

– Я вообще-то на хорошем счету, – удивлялся я, не понимая, куда он клонит.

– Ладно, давай по порядку. – Чёрный человек поставил пустой стакан в раковину. – Утром помоешь. – С пивом он расправился быстро. Креветочный мусор же он сгрёб на ладонь и, открыв окно, выкинул на улицу. Из окна повеяло летней ночной прохладой. На улице темнели деревья, а невдалеке возвышалась громада Университета. – Котам на завтрак. А теперь давай всё с начала. Разберёмся как мужчина с женщиной.

Я резко встал, инстинктивно повернувшись к нему боком, и зажал в руке бутылку.

– Брось этот детский сад. – Тень легла на лицо незнакомца. – Вспомни, неделю назад ты сидел на этом открытом окне, глядя мутными глазами от водки на этот огромный жестокий город, на безжизненную луну, наколотую на шпиль Университета, и во-

прошал... – Чёрный человек распахнул окно пошире и ловко уселся на подоконник, свесив ноги вниз. – Почему ты такой одинокий, почему тебя никто не любит. – Он вытянул подбородок вперёд и картинно подвывал: – Ты жалел себя, крохотного человечка, пылинку на ладони времени. Ты ненавидел весь мир за его сущность. Ты не хотел, чтобы тебя с миллиардами таких же пылинок ссыпали в часы времени. Ты хотел быть самым временем. – Последнюю фразу он сказал резко и повернулся ко мне лицом. Я отшатнулся от незнакомца в порыве дикого животного страха. Его лицо было чёрным. Чёрным, как уголь, а белки глаз придавали ему ещё более ужасающий вид.

– Ты, маленький ничтожный человечек, пытался вызвать своё никчемное я. Докопаться до сути. Достать до дна. Понять, зачем ты живёшь и так ли ты живёшь, как должно. И вот я перед тобой. Давай посидим на свежем воздухе, поболтаем.

И он махнул мне рукой, огромной, как шлагбаум.

– Уж лучше за столом. – Я на ватных ногах мелкими шажками отступал от окна.

– А вот это мне в тебе никогда не нравилось. – Чёрный человек, махнув ногами, вернулся в кухню. – Ты несколько трусоват. От этого ты слаб. Ты не можешь пойти до конца и вследствие этого не можешь принять верного решения. Хотя вместе с этим ты честолюбив и не любишь проигрывать. Да, ты стремишься к идеалу, но пытаешься закрыть глаза на то, что мир не идеален. Нельзя, не испачкав руки, вычистить конюшни. – Ночной судья стал говорить страстно и медленно всё, приближаясь ко мне. Я же отступал, пока не упёрся спиной в стену. Кафель был холодным, холодным как лёд. – Ты бесконечно наивен! И поэтому ты глуп. Да, у тебя доброе сердце, но ты можешь засунуть себе его в одно место! – Вдруг демон схватил меня за волосы, да так сильно, что я вскрикнул, и стал медленно и размеренно бить меня

головой о стену. – Лучше тебе не высовываться, – зашипел он мне в лицо, брызгая слюной. – Спрячься в свою раковину и сиди там тише воды и ниже травы. Будь таким, как все. Плыви по течению, смотри сериалы, заучивай рекламу и чаще ходи по магазинам!

Я попытался свободной рукой, в другой руке я держал бутылку с пивом, оттолкнуть его. Но обжёгся, как о сухой лёд.

– У тебя же всё есть, что надо обычному человеку, – квартира, машина, работа, пусть не любимая, но на кровати хватает. – Он перестал меня бить и приблизил мою голову вплотную к своему чёрному лицу. От него веяло холодом, как из погреба. – Да, кстати, ты на хорошем счету, – с издёвкой прошептал он и снова ударил меня головой о стену. – А иначе кончишь свою жизнь под забором – гений доморощенный! Искатель правды! Защитник справедливости!

Казалось, что, ещё один удар, и я потеряю сознание. Во рту у меня появился привкус крови, голова сильно кружилась, и тошнота подступала к горлу.

– Запомни, запомни хорошенько, – он качнул меня к себе, как бы готовясь для решающего удара, – у тебя всё хорошо, всё отлично! Ты счастлив и молод!

В этот момент я, кротко замахнувшись со всех оставшихся сил, ударил чёрного человека бутылкой по голове. В глазах у меня потемнело.

Я проснулся от ноющей боли в затылке. В комнате горел верхний свет. Плотные терракотовые занавески были наглухо закрыты, но солнечный свет уже хозяйничал в спальне. Я приподнялся на постели, с трудом двигая шеей. Шея затекла, а в затылке переливался свинец. «Похоже, я проснулся до звонка будильника, – подумал я, – но всё равно пора на работу». Необходимо принять аспирин и сходить в душ. Я откинул одеяло. На ногах у меня были белые, скорее кремовые, лаковые туфли.

РУМЫНСКИЕ СНЫ

О МОСКВЕ

На железнодорожном вокзале городка Плоешти, обшарпанном, шелудивом, как пёс – а собак здесь, в Румынии, надо сказать, много, бездомных, голодных, приставучих, – так вот, в зале ожидания на деревянной скамейке сидит девушка Света. Вокзал, построенный после войны, продуваемый сквозняками, грустный и неудобный. Стены в розовой штукатурке, во многих местах облупившейся, как кожа у купальщика, сгоревшего на солнце. Потолок высокий, с намёком на величественность, серый от времени и дум пассажиров. Пол ледяной, скользкий. Светлана сидит не шелохнувшись, точно вырезанная из картона, разукрашенного дешёвой масляной краской. Она прижимает к себе грудного ребёнка, завернутого то ли в лоскутное одеяло, то ли в домотканый палас. Пальцы её скрючены от напряжения, мёртвой хваткой держит она дитя. Ребёнок молчит, тихонько посапывая во сне. Рядом с ней расположился пожилой румын в бежевом пальто времён Чаушеску. Он, как казалось, беззубым ртом, заостренными дёснами, старательно перемалывал остатки рождественской выпечки – плетёного калача «колак». Сначала он нюхал хлеб, потом отщипывал не большой кусочек и, сладко жмурясь, отправлял его в рот. Челюсти, как жернова, ходили по

кругу, превращая хлеб обратно в муку, ссыпая её в мешок желудка, и тогда его серое сморщенное лицо словно подсвечивалось изнутри, а в выцветших глазах плясали огоньки. Вдруг он повернулся к молодой девушке и, отломив кусочек калача, протянул ей сдобу, что-то протараторив по-румынски, кивая на ребёнка. Девушка, словно спящая с открытыми глазами, не замечала старикашку. Она застывшим взглядом смотрела сквозь пассажиров, сновавших в зале, сквозь стену, в сторону лесистых, укрытых снегом Карпат. Где-то там, за ними, далеко-далеко Москва. Однако старичок не унимался. Он страстно поцеловал кусочек хлеба, вытянул губы трубочкой, зацокал языком и, как плохой фокусник, стал прятать хлебный мякиш в рукав пальто и вытряхивать его обратно. Поаплодировав самому себе, старик подвинулся вплотную к девушке и, заглянув в отрешенное личико, помахал куском калача, ему пришлось оторвать новый кусок, так как прежний бесследно исчез в недрах пальто, как большим колокольчиком на длинной ручке. Но Света уже опустила занавес пушистых ресниц, отгородившись веками от назойливого старичка и окружающего мира. Слегка полная, в красной длинной куртке, с детским лицом, припухшим от слёз и бессонницы, с давно не мытыми, крашеными волосами под белой вязаной шапочкой, Света начала слегка раскачиваться, впадая то ли в сон, то ли в забытьё. Но всё так же бережно и крепко держала она дитя. Сильная усталость, голод и бессонница не могли до конца победить её, благодаря маленькому комочку плоти, спящему у неё на руках. Голос диктора гулким эхом разнёсся по вокзалу, делая важное объявление, приведшее в движение кучки людей, до этого переминавшихся с ноги на ногу и бесцельно слонявшихся по вокзалу.

А Светлане сквозь марево вязкой дремоты казалось, что она слышит столь знакомый голос диктора на Белорусском вокзале в Москве. Вот она стоит у

входа в здание вокзала под часами и ждёт свою подружку Любку из параллельного 10 «Б» класса. У неё в руках новенькие лыжи, подаренные родителями на день рождения. Подружка опаздывает, и Света, немного нервничая, хотя до отправления электрички ещё двадцать минут, часто оборачивается и смотрит на большой круглый циферблат часов. Но вот в толпе замелькал знакомый красный помпон, и наконец слегка запыхавшаяся Любонька, озорная и весёлая, цепляясь своими лыжами за снаряжение Светланки, целует её в красную от мороза щёку. Они, довольно долго постояв в очереди за билетами, еле успевают радостно втиснуться в вагон и расположиться у окна, как двери закрываются и электричка трогается, плавно набирая ход. Сперва в раме окна мелькает Москва, чудная, чистая, как невеста, укрытая снежной фатой. Затем, проскочив на полном ходу над автомобильным кольцом, рамы окон выхватывают простенькие, но вдохновенные подмосковные пейзажи – сосны, деревушки, поля. Платформы сменяют одна другую. И на любой можно выйти и очутиться во власти морозного и солнечного, пушкинского дня. Девочки едут до станции «Перхушково», благо сказочный, берендеевский лес начинается почти сразу же от платформы. Лыжня проложена, укатана, и подружки легко скользят друг за другом, петляя между елей под пристальными взглядами рыжих, точно как Любка, белок. Скоротечен зимний день. Так же он краток, как наша жизнь. И не надышаться нам чистым, морозным воздухом, не насмотреться нам на девственный, слепящий снег. Не пройти нам всех маршрутов и не покорить все пригорки. Быстротечна жизнь, но бесконечна смерть. Всласть накатавшись, девочки в сиреневых сумраках, довольные и голодные, притопывая в такт стучащим рельсам и шпалам, мчатся обратно в столицу. Да, как же хочется есть! Аж сосёт под ложечкой. У Светы во

сне текут слюни, точно как у старичка, задремавшего рядом с ней. Девчонки специально ничего не стали покупать на площади у платформы, решив дотерпеть до дома. Вернее до булочной в соседнем Фроловом переулке, а живут они рядом на Мясницкой. О, что там за булочная! Ещё не доходя до магазина, один аромат, витающий в переулке, возбуждает не сколько аппетит, сколько пробуждает вкус к жизни, желание существовать и быть. А чего только нет внутри! Сочники, кренделя, коржики, свердловские, берлинские – восторг. Сдобные, слоёные, с творогом, с повидлом, с изюмом – объедение. Как всё это богатство умещается в крохотном магазинчике? Не говоря уже о серьёзных кирпичах чёрного, караваях бородинского, легкомысленных багетах, таинственных халах и стандартных нарезных. Не булочная, а лавка хлебных чудес. Подружки покупают себе по сметаннику. Булочки ещё горячие, и на загляденье изысканные – творог разлит белым озером в сдобных берегах. Света, несмотря на голод, ест неторопливо, отщипывает небольшие кусочки, продлевая удовольствие. Любонька же, почти целиком запихнув сметанник себе в рот, пытается что-то сказать, радостно и увлечённо жуёт. Девочки стоят около булочной в обнимку с лыжами, счастливые и полные жизни, улыбаясь невинными улыбками всей окружающей жизни. И кажется юным созданиям, что мир улыбается им в ответ. Вот в сгустившихся сумерках, как в сказке, включилась цепочка уличных фонарей, откуда-то, наверное, из дома напротив, через открытую форточку выдувается фэготами «Вальс цветов» Чайковского. Посыпал, снежинка к снежинке, крупный мягкий снег. Но вдруг хрупкое равновесие нарушается. Вместо Чайковского, грубо скользя иглой по пластинке, в переулок врывается взрывное цыганское фламенко, а вместо растворившейся в хлопьях снега подружки возникает большой лохматый пес. Он сидит на задних лапах и, часто

облизываясь, пристально смотрит Свете в глаза своими черными бездонными глазищами.

Света резко, с глубоким вздохом, дёрнувшись, открывает глаза. Она там же, на вокзале. Ребёнок с ней, личико его безмятежно и светло, как у ангела. Рядом мирно дремлет старик в бежевом, побитом молью пальто. С другой стороны сидит мужчина в кожаном плаще, в ковбойской шляпе, надвинутой на лицо, и тоже, вроде бы, спит. А напротив, буквально в метре, действительно сидит крупный мохнатый пёс неопределённой породы, он развязано и настойчиво, во все собачьи глаза надзирает за девушкой и ребёнком. Она сразу узнала собаку. Это их пёс. Зовут его Цербер. Они нашли её. Только лишь девушка попыталась встать, еле подавшись телом вперёд, как пёс зарокотал собачьим басом, показывая жёлтые клыки. Девушка отпрянула назад и завертела головой, как бы выискивая помощь вокруг. Старичок справа продолжал мирно посапывать, улыбаясь во сне. А вот сосед слева, как выяснялось, притворявшийся спящим, большим пальцем приподнял шляпу, обнаружив под ней широкую золотозубую улыбку и озорные карие глаза. Подмигнув Свете, он приложил палец к губам и что-то сказал собаке. Та прекратила рычать и, зевнув, легла на передние лапы с чувством выполненного долга. Света лихорадочно соображала, что делать, ещё крепче прижимая ребёнка к себе. Сейчас появятся остальные, и точно, как будто из-под земли перед девушкой выросли двое цыганок – одна седая, старая, с бельмом на глазу, похожая на ведьму; вторая молодая, красивая, с взглядом, режущим как нож. А между ними совсем ещё юный цыганёнок с серьгой в ухе, лихой и отвязный. Казалось, сейчас пойдёт он в огневой, последний свой танец, с «хлопушками», коленцами и прищёлкиванием пальцев. Цыгане в четыре пары бедовых глаз сковали волю и силы девушки, что-то негромко шепча, как молитву; они обступили Светлану,

совершая над ней свой гипноз. Светлане хотелось кричать и махать руками, но она не могла пошевелиться, лишь только хватала воздух открытым ртом, как рыба на песке. Тот, золотозубый в шляпе, достал из кармана бутылку с красной жидкостью и, ловко схватив девушку за подбородок, влил ей в рот половину её содержимого. Светлана покорно глотала обжигающую горьковатую жидкость, от которой ещё больше закружилась голова и потекли слёзы. Зал ожидания закрутился у неё в глазах, как пёстрая юбка во время таборного танца. Цыгане же подхватили Свету, мужчины под локти, а молодая пошла спиной, поддерживая ребёнка, который, похоже, стал просыпаться; седая замыкала группу, растянув за плечами большой платок, как бы пряча под ним свои тёмные дела. Вокзал ничего не заметил, продолжая жить своей кочевой жизнью, лишь старик, сидевший рядом со Светой, проснулся, хлопая глазами, словно не понимая, где он находится.

Ночь. Светлана на заднем сидении с ребёнком на руках едет в машине, которую она остановила около дома подружки. Верочка заходится в плаче, и Света, как ни старается, не может её успокоить. Водитель, сначала спокойно, никак не реагируя на детскую истерику, ведёт машину по почти пустой Москве. Однако через некоторое время он громко включает музыку, стараясь заглушить плач ребёнка, едет резче, стараясь быстрее доставить беспокойных пассажиров. Светлана, как может, старается успокоить дочку, но вдруг не сдерживается и начинает реветь сама. Чтобы как-то успокоиться, она заговаривает с водителем, вспоминая, что группа, звучащая из динамиков в машине, называется «Джипси Кингс», и в ресторане, на первом свидании с отцом ребёнка, звучала та же музыка. Вспомнив это, Света с удвоенной силой начинает реветь. Их дуэт с дочкой, плюс цыганское фламенко, заставляют рассмеяться водителя автомобиля. Отпустив несколько солёных

шуток по поводу всего бабьего рода, он делает музыку ещё громче и, успокоившись, продолжает вести машину. Он повидал многое. «Побомбишь» по ночам и не такое увидишь. Хорошо ночью в Москве. Особенно летом. Нет ни толчеи, ни обморока, город обретает гармонию и воздух. Романтично светятся немногочисленные окна домов; фонарные столбы, как добрые гиганты, освещают тебе дорогу; деревья свежо шелестят листвой от налетевшего ветерка. Жизнь кажется загадочной и полной тайн, которые ты вот-вот раскроешь и познаешь что-то очень важное, и судьба твоя будет солнечной и ясной, как наступающий летний день. Но берегись тёмных подворотен, глухих переулков и заброшенных мест. Шофёр, переспросив адрес, стал притормаживать, всматриваясь в номера домов. Попросив остановиться у следующего дома от искомого, Светлана расплатилась и, нервно всхлипывая, выбралась из такси. Оказавшись на улице, Вероника разревелась ещё громче, разрезая плачем ночную тишину. Света, оглядываясь по сторонам, как вор, побежал к серому со ступеньками дому, стоящему чуть в глубине от дороги. Девушке казалось, что она бежит босиком по битому стеклу, а в тени деревьев и за тёмными пятнами окон притаились люди и укоризненно, горько смотрят ей в след. И даже листва деревьев шепчет что-то осуждающее и злое. Только она сделала первые шаги по ступенькам, как в здании и на крыльце включился свет, и в окнах приёмной замелькали тени. Женщина в два прыжка перемахнула ступеньки, быстро много раз, будто клюя, поцеловала грудничка и положила его под синей вывеской «Детский дом № 2» у самого входа. Она уже не слышала, как отпиралась дверь, как ей кричали вслед; только детский истошный крик, крик о помощи, заглушая бешеный стук сердца, наполнил сосуд её тела до краёв. И пока она бежала, не разбирая дороги, через кусты и ограды, падая, разбивая колени

и локти, детский крик всё выплёскивался из неё, оставляя за ней на земле кровавые, липкие следы.

Света на мгновение проснулась от резкого запаха табачного дыма. Это золотозубый цыган, развлекаясь в дороге, пускал в лицо девушке кольца едкого табачного дыма сигарет «Плугару». Света закашлялась, мутным, рассеянным взглядом окинув своих конвоиров. Золотозубый, довольный своей выходкой, продолжал, усмехаясь, пускать кольца дыма, но уже в приоткрытое окно машины; старуха, сидевшая с другой стороны от Светланы, дремала, положив седую голову ей на плечо. Молодой цыганёнок лихо вёл автомобиль по серпантину горной скользкой дороги, что-то оживлённо рассказывая молодой цыганке. Та не слушала его, неотрывно смотрела в личико ребёнка, спавшего у неё на руках, постоянно повторяя: «Злата, Злата, Злата». Светлана, совершенно опустошённая морально и немощная физически, но немного успокоенная тем, что ребёнок рядом, ещё несколько минут отрешённым взглядом пропускала через себя красоты владений Влада Цапеша. Убаюканная шумом мотора и величественной, суровой красотой Трансильванских гор, она закрыла глаза и вновь окунулась в мутное забытьё.

Моего ребёнка украли. Украли, отняли у меня. Отняли самое дорогое и сокровенное. Меня обманули, нагло и открыто, и отняли моё дитя. Грубо отобрали, как и отобрали квартиру, оставшуюся от родителей. Конечно, это она сама подписывала все документы в присутствии нотариуса, сама отвезла Верочку в детский дом, но ей было нужно только немного времени, чтобы встать на ноги. А без своего угла как растить дочь, ведь её обманули – ни квартиры, ни денег. Ох Москва, эх Москва, для кого ты красавица, а для кого и разбойница. Годы девяностые, годы страшные. Новая Россия – новая жизнь. Жизнь бездушная, колючая, волчья. Только оступишься, только пойдёшь по не-

верной дорожке, не заметишь, как летишь в пропасть. Летишь, как с Останкинской башни – стремительно и насмерть. И помочь тебе некому, миллионы людей вокруг, а ты одна-одинёшенька, как в пустыне. Не-нужная никому, и каждый так и норовит ещё подтолкнуть тебя, падающую. Повеселиться над твоим горем, да руки погреть над костром твоего несчастья. Была подруга Люба, приютила сначала. Но её сожителю детский плач спать по ночам мешал, а, как и те копейки, что были, закончились, то и вовсе мать-одиночку гнать стали. Она, конечно, подруга, но личное счастье дорожке. А мужики и вовсе – сволочи. Чужой-то понятно. А свой, как забеременела, так через месяц его как корова языком слизала, и что при квартире она не помогло. Наверное, нашёл партию ещё выгоднее. И взяли её, дурочку, сразу в оборот. Ещё с детства слышала она, что нельзя не то что заговаривать с цыганами, а даже в глаза им смотреть. Имеют они пользоваться гипнозом, и особенно удаётся проделывать это с людьми влюблёнными и несчастными. А Света как раз была тогда и ещё влюблённой и уже несчастной. Такая беременная дурочка посреди не знающей жалости Москвы, да ещё и с собственным жильём. Обступили её тогда цыгане, прямо на Тверской, всем табором окружили. Вернее, сама она, глупая, к ним подошла. Хотела про своего возлюбленного непутёвого прознать, да про судьбу свою несчастливую выпросить. И не помнит она уже, как все вместе очутились они в родительской квартире. Было всё как во сне. Обещали цыгане и любимого вернуть, и дело прибыльное помочь открыть, а сами уже детей своих купали в её ванной, телевизор в комнате смотрели и спали на полу, постелив матрасы и одежду. События они не торопили, ждали, пока Светлана родит, были ласковы и обходительны, мужчин никогда не водили, днём все, за исключением одной, пожилой и мудрой цыганки, уходили в город, как они говорили – на

волю. А с ней всегда оставалась Роза, ставшая второй матерью для девушки, подругой и духовным наставником. Вела она душевные разговоры, про любовь свою рассказывала, про мир, особенно про Румынию. Много где она побывала и много увидела за свою жизнь. Страстно любила и горячо ненавидела. И чем больше рассказывала Роза о своих странствиях приключениях, о свободе и воле, тем больше хотела Света увидеть мир, посмотреть разные страны, а главное – показать всё своему будущему ребёнку. Она-то дальше тридцати километров от Москвы и не выезжала ни разу. Другие были времена, другие возможности. И, действительно, зачем ей эта квартира, когда на эти деньги можно будет и мир посмотреть, да и купить что-нибудь на побережье в Европе, цены-то в Москве – о-го-го! А там всё дешевле, теплее, и любовь там новую найти просто, про отца своего ребёнка она уже и думать забыла. И так вскружила ей голову Роза, что сразу же после рождения дочки Верочки, прямо в палате родильного дома, но всё, как положено, подписала она дарственную Розе на свою квартиру. А та передала ей какие-то, оказавшиеся фальшивыми документы на дом в Румынии на берегу Чёрного моря и часть денег из причитающейся Светлане доплаты. Ой, дорога недвижимость в центре Москвы! А остальную часть обещала отдать сразу, как её выпишут с Верочкой из роддома. Но когда через неделю счастливая мама позвонила в дверь своей бывшей квартиры, то встретил её неприветливый мужчина, нагрубил ей, сказав, что теперь это его квартира, где Роза, и сам бы хотел узнать, она обещала ему телевизор оставить, но вывезла всё, вплоть до лампочек и унитаза. И пошла Света со своим горем в обнимку и с ребёночком на руках по Мясницкой, улице довольной и сытой. Приютила её Любаша, да ненадолго. И полетела жизнь Светкина, как плевков всё с той же Останкинской башни – вниз головой и об асфальт. Как

дитяtko своё у двери детдома оставила, так и плакала три дня, не останавливаясь. Спала на трёх вокзалах по очереди по два дня в каждом, чтобы не примелькаться, не втянуться в эту страшную жизнь без определённого места жительства. Сначала честно пыталась устроиться на работу, да кому была она нужна такая – не в себе, ещё и без специальности. Но не выдержала, сломалась, стала якшаться с такими же, как она, выпивать и жить, чем Бог подаст. История её была похожа на истории остальных, только про дочь утаивала она. Всем рассказывала, что цыгане её украли, отобрали обманом, как квартиру. И так, с надрывом, и так часто об этом она говорила, что и сама поверила в это. И продолжалась бы её такая подзаборная жизнь, пока бы не закончилась, если бы не сон, ставший преследовать Свету каждую ночь через несколько месяцев после потери дочки. Хотя, собственно, был это не сон, всё было темно во сне, и ужасный детский плач, переходящий в крик, лишь был в этом сне. И долго не могла проснуться и избавиться от этого вопля Светлана, пока кто-нибудь из товарищей по несчастью не будил её, кричащую, как в припадке.

Светлана очнулась от резкого толчка. Её мутило, у неё раскалывалась голова, и детский плач, от которого она, казалось, избавилась, вернулся и опять засел в висках. Золотозубый цыган что-то сказал молодой цыганке, сидящей на переднем сидении, и та, засмеявшись, расстегнула кофту, принялась кормить грудью ребёнка. Машина остановилась посреди цыганского посёлка, нищего, грязного, будто выросшего на мусорной куче. Убогие лачуги, склёпанные из подручных материалов – ворованных заборных досок, кусков жести, битых кирпичей, а то и просто пенопласта и картона, как кибитки табора, хаотично и нелепо заполняли пространство, образуя небольшое село, бурлящее свободной и буйной жизнью. И как бы ни был беден дом, но на крыше каждого была установлена спутниковая

антенна. Современные цыгане обожают телевидение. Выплюнув пассажиров и собаку из своего кожаного чрева, автомобиль оказался во власти кучки чумазных детишек, норовящих всё пощупать, отломать, попробовать на зуб. Отгоняемые молодым, с серьгой в ухе водителем, они отступали, но сразу же совершали набег снова, лишь тот с видом знатока, открыв капот, погружался в сладкое раздумье, глядя на кишки и сердце старенького, заезженного, как сивый мерин, автомобиля. Свету же, старший со старухой, взяв под руки, и повели в ближайший дом, самый богатый в посёлке, из серых блоков с черепичной крышей. Молодая цыганка, покормив ребёнка, так и осталась с обнажённой грудью на улице. Её окружили сородичи, и она, одной рукой держа дитя, а второй махая в сторону Светы, визгливо, чуть не выплёвывая зубы, расточала то ли проклятья, то ли похвалы. А пёс, уже сцепившись со своим собратом, катался по грязному снегу. Зайдя в дом, сначала миновав прихожую и небольшую комнатку, заставленную коробками, сопровождающие ввели Светлану в главные покои, разделённые на две части цветастой занавеской, из-за которой был слышен звук телевизора. Усадив её на табурет перед занавесом, как зрителя перед сценой, они шмыгнули за ситцевое полотно. Через несколько секунд занавес открылся. В кожаном офисном кресле на колёсиках, как на импровизированном троне, восседал местный цыганский барон. Это был поджарый с высоким лбом и седыми волосами мужчина средних лет. Выглядел он уставшим, а взгляд его был рассеянным. Казалось, что он вот уже несколько суток без перерыва выслушивает просителей, отдаёт приказы и вершит суд. Одет он был в махровый полосатый халат и шлёпанцы на босую ногу. В одной его руке была давно погасшая трубка, в другой – пульт от телевизора. Звали его Тагари, что означает король. После небольшого совещания со своими помощниками

Тагари долго молчал и пристально смотрел на Светлану, пытаясь понять, как эта никчёмная русская девушка могла осмелиться украсть ребёнка у них, у цыган. Они крадут детей – это было, есть и будет! Но чтобы украсть цыганского ребёнка, такого ещё не бывало. Наверное, эта особа не в себе, она во власти злых чар, заключил он. И точно, девушка подобрала колени к подбородку, обхватив их руками, и что-то шептала, трясая головой. Она была похожа на сумасшедшую растрёпанную птицу, потерявшую своих птенцов. Барону даже на какой-то момент стало её жалко, но ему некогда нянчиться с ней. Необходимо срочно заняться партией видеоманитофонов, которыми набита соседняя комната. Тагир что-то сказал золотозубому, брезгливо махнул в сторону девушки и, сделав звук погромче, повернулся к телевизору. Подручный моментально подскочил к Свете, сгрёб её в охапку и потащил к выходу. Девушка не сопротивлялась, а лишь всё громче и громче повторяла: «Верните мне мою дочь». Старая цыганка, сверля комнату бельмом, закрыла занавес и догнала их у выхода, где Светлана, вцепившись в раму двери, уже кричала не своим голосом: «Отдайте мне Верочку!» Цыгане вдвоём, с трудом оторвав безумную мать от двери, бросили её с крыльца на землю. Она попыталась заползти в дом, но женщины табора собрались вокруг и, подняв её на ноги, стали бить и ругать, попеременно толкая друг к другу. Через несколько минут старая цыганка, наблюдавшая за этим с крыльца, распахав возбуждённую толпу, схватила Свету за плечи и на ломаном русском прокричала ей в лицо: «Это не твой ребёнок! Это ребёнок Шукар! Уходи, уходи от сюда». Светлана, казалось, уже не слышала её, продолжая шептать разбитыми губами: «Это моя Верочка, моя дочь». Её отвели на край посёлка, разросшегося на небольшом пригорке, и, спустив Цербера, криками, улюлюканьем погнали прочь от своих жилищ. Света, обезумев от горя и боли,

подгоняемая собакой, хватающей её за обувь, бежала, не разбирая дороги, по заснеженному полю в сторону виднеющихся гор. Пёс уже давно отстал, а она, еле переставляя ноги, всё шла, падая и вставая, как будто бы там, близко, ждала её дочурка, её Верочка. Наконец, совсем обессилив, женщина рухнула на снег и долго лежала, уткнувшись лицом в ледяные, окаменевшие ладони. Отдышавшись, не сумев подняться, она поползла, цепляясь за наст. Ей увиделось, что рядом стоит тот самый старик, с вокзала, угощавший её хлебом, и держит на руках её дочурку. Только одет он теперь в белоснежное пальто и исходит от него бледное сияние. Он нежно убаюкивает ребёнка, и, часто склоняясь над ним, улыбается и целует его. Света, шатаясь, встала на ноги и попыталась приблизиться к нему, но с каждым её шагом он отдалялся ровно на шаг. Поддавшись всем телом вперёд, она снова упала на снег, перевернувшись на спину и, раскинув руки, стеклянными глазами уставилась в чужое ненастное румынское небо.

Светлана видит себя грудным ребёнком. Она с родителями и бабушкой в Сокольническом парке. Начало осени. Парк одной ногой ещё остался в лете, зелёный и свежий, другой уже ступил в осень, местами загорелся прощальным пожаром. День тёплый, но то и дело налетает стылый, как будто вырвавшийся из холодильника ветерок. В парке много людей, особенно с детьми – грудными в колясках, делающих свои первые шаги, и сорванцов, развивающихся в подвижных играх. Мать с отцом присели на скамейку, а бабушка, бережно достав Светланку из коляски, поднимает её над собой, сюсюкает с ней, любит, пока родители, забеспокоившись, что девочка простудится, не заставляют деда вернуть ребёнка обратно в лоно коляски. Светочке хорошо и тепло от ласки родных и солнца бабьего лета. Впереди вся жизнь. Жизнь удивительная и прекрасная. И Светочка крепко засыпает с улыбкой на губах.

Настя, хрупкая невысокая девушка, в лёгком бежевом плаще, закрыв лицо руками, сидела на лавке у подъезда. Плечи её крупно и часто вздрагивали. Рядом стоял маленький чемодан, из которого выглядывал яркий кусок ткани – то ли платья, то ли юбки. Была середина октября, накрапывал мелкий дождик. Деревья, догорев, уже сбрасывали потемневшие листья на мокрый асфальт. Казалось, что и огненно-рыжая голова девушки от рыданий сейчас сорвётся с тонкой шеи, как кленовый лист. Настя только что вдребезги разругалась со своим Жориком. Впрочем, они ругались и до этого, но чтобы так, с битьём посуды, за которое она получила пощёчину, и сбором вещей – впервые. Настя не сдерживала себя, рыдая, как плохая актриса. Внутренне она ждала, что Жора сейчас выбежит из подъезда, обнимет, поцелует, и всё будет, как раньше. Прошло уже минут сорок, но кроме мамы с ребёнком и пенсионера с собачкой никто не выходил. Начинало смеркаться. Сидеть на холодной скамейке под дождём становилось уже неважно. Да и, похоже, слёзы закончились. Девушка решительно встала, подхватила чемоданчик, но, пройдя несколько шагов, остановилась. Идти Насте было решительно некуда. Конечно, можно было сесть на поезд, благо какие-то деньги есть, и укатить назад, домой в Самару. Но разве ради этого год назад она с таким скандалом уезжала из дома. Нет, Настя во что бы то ни стало не собиралась по-

корять столицу. Не собиралась поставить Москву перед собой на колени. Но чтобы вот так, после первой же неудачи. Хотя и удач-то было не густо. На желаемую работу она пока не устроилась. Работала то секретарём, то администратором, но всегда уходила через несколько месяцев. Это было не её. Её мечта – быть модельером, так и осталась мечтой, пока воплощённой в переделывание собственных нарядов. С любовью дело обстояло гораздо сложнее. Настя любила Жору. Любила сильно. И в этом она не сомневалась ни на секунду. А вот в ответном чувстве, да ещё и в крепости этого чувства, она сомневалась. А Жора не очень любил разговоры на эту тему. Каждое «люблю» у него приходилось вытаскивать клещами. Выбивать признания в любви к ней, единственной, чуть ли не с кулаками. Всё это приводило к мелким ссорам и больно ранило Настю. Ей казалось, что у Жоры кто-то есть ещё, раз он так нехотя говорит о своих чувствах к ней. И, надо сказать, небезосновательно.

– Мог и такси вызвать, – в сердцах выпалила Настя, замерев в нерешительности, – мужик ещё называется! – В Жорином доме стали загораться окна, люди возвращались домой с работы. Но одно окно в доме напротив, на последнем этаже, наоборот, погасло. Настя всё-таки решила ехать на вокзал, а там видно будет. Она, подняв воротник, быстро пересекла двор и вошла в арку напротив стоящего дома. И вот в этой арке Настя совершенно неожиданно столкнулась с весьма странной женщиной. Можно даже сказать – старухой, как показалось ей в темноте арки. Вид у неё был несколько сказочный и жутковатый: в чёрном кружевном капоре, в бархатном, чёрном же, то ли платье, то ли камзоле до земли. С массивной тростью и огромным красным зонтом. Она перегородила дорогу Насте, восклицая:

– Какие волосы, костёр, костёр! А фигурка, а фигурка! Давно, давно я ждала тебя!

– Извините, какая фигурка? – оторопела Настя, пытаясь обойти странную старуху. Но та расставила руки с зонтом и тростью в стороны, пытаясь как бы обнять, схватить девушку:

– Какое личико, какие веснушки! Иди же ко мне поближе. – Старуха вплотную приблизилась к девушке. От неё повеяло запахом воска и нафталина. Её лицо, почти без морщин, было неестественно белым, глаза, прозрачные, водяные, горели, а маленький рот был приоткрыт от восторга. Настя, на секунду вдруг застывшая от неожиданности, ловко проскочила под тростью и, стуча каблучками, бросилась к свету уличного фонаря:

– Ненормальные все вокруг, больные!

– Я буду тебя ждать, Настенька! Квартира шестнадцатая! Я познакомлю тебя с моими куклами! Возвращайся, попьём чайку! Про Жорика поболтаем! – кричала вдогонку девушке странная женщина, размахивая красным зонтом. Настя на метро без приключений добралась до вокзала. Но оказалось, что ближайший поезд до Самары следует только завтра. Перспектива ночевать на вокзале казалась ей кошмарной. Идти в гостиницу не хотелось, да и дорого. Возвращаться к Жоре не давала женская гордость. Но перед ночёвкой на вокзале сдала и гордость. Она решила пока не покупать билет, старательно переписала расписание следования поездов и пошла к метро, прочь из кишашего людьми желудка Казанского вокзала. Всю дорогу она думала о Жоре и что была не права в своих подозрениях, и что любовь нужно оберегать, а не ставить под сомнения. И что они сейчас помирятся и, уютно устроившись на диване, будут пить кофе и смотреть телевизор. Размечтавшись, Настя, как на крыльях, долетела до Жоркиного дома. Но на звонок в домофон он не отвечал. Дождавшись, опять-таки под дождём, входящего в дом, Настя прошмыгнула за ним в подъезд. Подняв-

шись на четвёртый этаж, она долго звонила в дверь и даже стучала. Насте никто не открыл, хотя ей показалось по шуму, что в квартире кто-то есть. Тогда она со всей силы ударила ногой в дверь. – Можешь не открывать! Меня ты больше не увидишь! – сломав каблук и прихрамывая, она выбежала в ночь, даже не посмотрев, горит ли свет в окнах Жоры. Жора свет предусмотрительно выключил. Настя, добежав до знакомой уже арки, вдруг остановилась как вкопанная. До неё только дошли, прозвучали, как эхо, последние слова старухи. – Я буду тебя ждать, Настенька! Квартира шестнадцать! Про Жорика поболтаем! – Откуда она знает, как меня зовут? Откуда она знает про Жору? Может, действительно зайти. Но ведь она более чем странная. Однако женское любопытство победило все сомнения. Уж очень хотелось горячего чая, сбросить мокрый плащ, да и Жора рядом. Подъезд с распахнутой дверью, да и сам дом показались странными. С печными трубами на крыше, широкими лестницами и высоченными потолками. «Наверное, дореволюционный», – подумала Настя, поднимаясь по гулкой лестнице на пятый этаж. У двери с номером 16 поставив чемодан на пол, немного отдышавшись и поправив причёску, Настя позвонила в бронзовый колокольчик, который держала в объятьях весёлая кукла-домовой в цилиндре. По дому разлетелся приятный мягкий звук. А кукла настолько поразила Настю необыкновенно живым лицом, сшитым и продуманным до мельчайшей детали нарядом, что, когда открылась дверь, она всё ещё вглядывалась в задорные глаза домового.

– Настенька, заждалась я тебя. Проходи, проходи, – масляным голосом встречала старуха. – Нравится? – кивая на куклу, спрашивала она. – Это Кеша. Да ты совсем промокла, моя милая, проходи, проходи, скорее.

– Спасибо, – смущалась Настя, проходя в дверь. Ей показалось, что Кеша подмигнул старухе.

На удивление у старухи была весьма приятная квартира. Небольшая прихожая разделялась с гостиной распашными дверьми. Справа был коридор, ведущий в кухню. В квартире было тепло, мягкий приглушённый свет делал обстановку загадочной и театральной. Старуха, сама сняв плащ, бросила его на сундук у стены, обняла Настю за плечи и сразу же повела её в гостиную к камину. Усадив девушку в большое кресло у огня, она, сделав книксен, с улыбкой представилась:

– Агата, кукольника, – и, не дожидаясь ответа, шёпотом залопотала скороговоркой: – Чаёк я уже заварила, а может, бокал горячего вина? Да, да, да! А этот Жорка не стоит и волоска с твоей головы, – и она неожиданно поцеловала Настины волосы. – Чудо, просто чудо! А одежду сменить немедленно. Я сошью тебе другой наряд. Бархат и атлас. Атлас и бархат. И кружева. А волосы начесать. Огонь. Огонь!

Настя сидела как зачарованная, глядя на языки пламени, плясавшие в камине. Она как будто бы и не замечала кукольника, пританцовывающую вокруг неё. Потрескивание дров смешалось со скрипучим голосом Агаты.

– Мастерская что надо, что надо. Нас уже давно сносят. На картах нашего дома и в помине уже нет, а дом стоит. Все, все выехали. Я одна, одна осталась. Работать спокойнее, никто не мешает, не подглядывает. А я вот всё вижу, про всех знаю. Ах, да чай же стынет, и вино не разогрето! – И кукольника удивительно быстро засеменила из комнаты, продолжая что-то бормотать и звенеть посудой на кухне. Настя усилием воли отвела взгляд от огня, потянувшись, встала с кресла. Она согрелась, успокоилась, и ей захотелось спать, но любопытство пока побеждало сон. В центре комнаты стоял круглый стол, над ним царствовал шёлковый оранжевый абажур, обливая комнату мягким светом. Из мебели, кроме кресла и стульев, был ещё пузатый

буфет, лиловый диван и огромное старинное зеркало в массивной деревянной раме. На стене у камина висел старинный гобелен с изображением карнавала в Венеции, окно было занавешено красной портьерой с кистями. На столе стояла ваза с засохшими розами, на закопченном камине лежала трубка из красного дерева и смычок. Паркет чуть ходил под ногами, иногда жалуясь на свой преклонный возраст. Настя остановилась у зеркала, разглядывая себя. На неё смотрела худенькая огненно-рыжая, надо сказать, симпатичная девушка с уставшими заплаканными глазами. Вдруг у Насти перехватило дыхание, она хотела закричать, но голос не слушался. В зеркале за её спиной стояла огромного роста старуха. Её руки были над Настиной головой. Кукольная, беззвучно рассмеявшись, начала двигать своими корявыми пальцами, как будто дёргая за невидимые нити, и рыжая девушка в зеркале стала поворачивать влево и вправо голову, поднимать и опускать руки, сгибая их в локтях. Старуха ещё быстрее заработала пальцами, и девушка в зеркале начала пританцовывать, выделявая неестественные коленца ногами. Настя резко обернулась, на пороге комнаты стояла Агата с подносом в руках. На подносе были чашки, чайник, коричневый сахар в вазочке, щипчики и дымящееся вино в бокале из толстого зелёного стекла.

– Как вы меня напугали, – сдавленным голосом выдохнула Настя.

– К столу, к столу, моя милая. Несколько глотков вина, вот что тебе нужно сейчас, – расставляя посуду и усаживая Настю на стул, приговаривала Агата. – Большой глоток, сразу большой глоток, – поднося Настину руку с бокалом, уговаривала старуха. – А с веснушками придётся повозиться, ещё, ещё глоточек.

Вино было приятно обжигающим, терпким и сладким. Оно разливалось по всему телу, делая его лёгким, почти невесомым.

– До дна, до дна, до капельки, – всё руководила Агата, разливая чай по чашкам.

– Какое странное вино, никогда не пробовала ничего подобного. – У Насти стал заплетаться язык, комната начала расплываться, а абажур над столом раскачиваться из стороны в сторону.

– Ты очень устала, дитя моё, тебе нужно прилечь, выспаться. – Старуха уже приподнимала девушку со стула, поддерживая её за худенькие плечи. – Завтра всё изменится, завтра ты будешь совсем другой.

Агата подвела Настю к стене с гобеленом и, просунув за него морщинистую руку, толкнула дверь, спрятанную за ковром. Приподняв пыльный полог гобелена, старуха буквально втолкнула девушку в небольшую коморку и сама проследовала за ней. Это и была мастерская Агаты. По центру этой комнатки без окон стоял стол и стул на колёсиках. На столе была швейная машинка и тускло горевшая настольная лампа. Там же в беспорядке валялись ножницы разных размеров, куски различных тканей, разнообразные иголки, пуговицы, глаза, нитки, волосы, кукольные головы, маленькие ручки и ножки, тубики с клеем, большая лупа, множество инструментов и всякого мелкого хлама. У одной из стен стояла кушетка, покрытая пледом. Над ней висели на нитках десятки кукол: черти, короли, рыцари, принцессы, арлекины, пьеро, ведьмы, русалки и туземцы. Также имелся небольшой скелет и высушенная летучая мышь. На противоположной стене на стеллажах лежали многочисленные заготовки голов разных размеров, рук и ног разной длины, стояли банки с глазами, различные пачки, бинты, и прочие детали. У стены перед столом на специальной подставке, накрытой чёрной тканью под стеклянными колбами были две большие фигурки. Одна – пожилого мужчины в смокинге, сидящего в кресле с трубкой во рту. Вторая – юноши во фраке,

играющего на скрипке. Третья колба была пуста. У Насти ещё сильнее закружилась голова. Куклы, голы, банки, руки, ноги – всё проносилось вокруг неё с огромной скоростью. Показалось, что застрекотала швейная машина, залязгали ножницы, запахло клеем и горелой тряпкой.

– Я хочу уйти, я хочу к Жоре, – буквально валясь на кушетку, лепетала Настя. – Отпустите меня, я хочу к Жоре. Я люблю его, позовите его. Я хочу уйти, мне страшно. Жора, Жора, где ты?

– Так, милая, давай, будем раздеваться. – Не слушая девушку, старуха принялась её раздевать. – Так, давай свитер, снимаем, снимаем. Теперь джинсы, давай, хорошо. Умничка.

Старуха сняла всю одежду с Насти. Та, прикрывая грудь рукой, ещё бормотала, впадая в беспамятство:

– Жора, спаси меня, спаси. Я люблю тебя, Жора. Я хочу уйти, пустите меня...

Старуха сгребла весь гардероб в охапку, задержала взгляд на обнажённом теле Насти:

– Жора, твой Жора! Другая баба у него есть. Сама из окна видела, как он в такси её сажал. – И, накрыв девушку пледом, вышла в гостиную. Там старуха пошевелила поленья кочергой и стала бросать Настины вещи в огонь, приговаривая: – Гори всё синем пламенем, бывлая жизнь, гори. Гори всё синем пламенем, бывлая жизнь, гори! – Потом она сходила на кухню и вернулась в мастерскую с ведром воды. Достав трясущимися руками со стеллажа несколько пачек и банок, старуха стала бросать в воду щепотки каких-то порошков и подливать из банок дурно пахнущую жидкость. Вода в ведре стала бурлить и klokотать, пошла реакция. Белый ядовитый дымок расплывался по комнате. Старуха, морщась от неприятного запаха, мешала постепенно густеющую, липкую, как клей, жидкость длинной деревянной ложкой. Попробовав на язык

получившуюся массу, старуха довольно сплюнула в ведро. Затем она достала со стеллажа три мотка бинтов, серых, плотных. Откинув плед, Агата поцеловала Настю в побелевший лоб и, заглянув в стеклянные изумрудного цвета глаза, ласково сказала:

– Ну, вот и всё, моя куколка. Скоро ты будешь в другом мире. В мире кукол, где царит вечная любовь. Любовь и ласка. Где красота ценится превыше всего. Там ты будешь королевой. И тебе будут все поклоняться.

Кукольница взяла со стола большие портняжные ножницы и стала отстригать рыжие волосы, собирая их в специальный пакет. Закончив, она принялась за глаза, приготовив для них специальную стеклянную банку. После, ловко и быстро, предварительно смачивая бинты в ведре, она принялась обматывать ими тело девушки, превращая его в мумию. Фигурка девушки буквально на глазах сжималась и сморщивалась, будто бинты высасывали плоть и кровь. От тела шел дымок, и слышалось шипение. И действительно, через какое то время бинты покраснели, а после стали быстро сохнуть и твердеть, как штукатурка. Старуха тем временем достала из-под кушетки кусок красного бархата и, на глаз нарисовав на неё мелом выкройки, принялась строчить на машинке, напевая что-то весёлое себе под нос. В ход пошли и атлас, и кружева, и стеклянные пуговицы. К утру, подвесив заготовку новой куклы на верёвках к крюку, торчащему из потолка, она тщательно выстраивала позу, подтягивая и ослабляя нужные верёвки. Фиксировала необходимое положение крупными булавками, кое-где постукивала молоточком, пальцы на руках гнула щипцами, придавая наибольшую естественность движению. Нанеся телесный гляцевый лак, включила вентилятор для быстрой просушки и принялась за обувь. Как искусный сапожник, при помощи лапы и шила изготовила миниатюрные белые туфельки. Одевала свою новую куклу Агата с большой

любовью и осторожностью, как дочь, идущую под венец, в свадебное платье. В последнюю очередь она приклеила рыжие волосы и вставила изумрудные глаза, которые так гармонировали со стеклянными пуговицами на красном бархатном платье. Когда в дверь принялись звонить, Агата уже спала, сидя на стуле, напротив своего нового творения – огненно-рыжей девушки с изумрудными глазами, тянущей руки, как бы зовущей к себе, всем телом поддававшейся вперёд в страстном порыве. Она стояла под стеклянной колбой в окружении ещё двух кукол – старика с трубкой и юноши со скрипкой на постаменте, накрытом чёрной тканью.

Жора беспокоился о Насте на следующий день после размолвки. Отправив утром на такси Юлечку, которую он пригласил, чтобы снять стресс после ссоры, он ещё немного поспал, благо был выходной день. Всерьёз он беспокоился ближе к обеду, даже съездил на вокзал, и, узнав, что Анастасия Гаврилова не покупала билет ни до Самары, ни до другого города, принялся звонить подругам Насти. Благо подруга была всего одна. Но та очень искренне твердила, что она не общалась с Настей уже два месяца. И попросила передать, чтобы она ей больше не звонила. Жора стал впадать в панику, думая о самом плохом и, вернувшись домой, решил обследовать свой район. Умом он понимал, что это не даст никаких результатов, но идти в милицию не хотелось. Первым делом он побегал прочёсывать рядом стоящий старый дом. Там практически никто не жил, а дом подлежал сносу. И вот во втором подъезде у арки, на пятом этаже Жора с замиранием сердца наткнулся на знакомый чемодан.

– Ну, слава Богу, – сказал вслух, отдышавшись, Жорик. – Она где-то здесь. – Он попытался открыть дверь квартиры с номером шестнадцать, но та не поддавалась. Не найдя звонка, он стал звонить в колокольчик, который держала странная кукла в цилиндре. Долго никто не

открывал, лишь после того, как он стал стучать в дверь кулаком, послышался старческий голос: – Иду, иду.

Дверь открыла старая женщина с морщинистым лицом в чёрном капоре, чёрном платье, на которое был надет грязный замусоленный передник.

– Извините, я прошу прощения, – запинаясь, начал Жора. – Вы случайно не видели рыжую девушку? Красивую. Она пропала. А у вашей двери её чемодан...

– Какой ещё чемодан, – старуха бросила злой взгляд на чемодан. – Не знаю, не знаю. Никого я не видела, – с нескрываемым раздражением шипела она. Но, видя, что молодой человек ей не верит, она смягчилась. – У меня полно своих девушек. Я кукольница. Агата. Прошу зайдите, посмотрите на мою коллекцию. Всё своими руками.

Жора проследовал в квартиру за старухой. В помещении стоял какой-то странный запах.

– За мной, молодой человек, за мной, – буквально тащила за руку Жору в каморку за gobеленом неопрятная старуха. Жора успел заметить на круглом столе две чайные чашки и пустой бокал из зелёного стекла. Дрова в камине уже догорели, а лампочка под абажуром еле мерцала.

– Вы уж не обессудьте за небольшой беспорядок, – вводя в мастерскую, пела старуха. – Всегда в работе, в творческом поиске. Я думаю, вам понравятся мои куклы, особенно эти. – И кукольница указала на постамент с тремя колбами.

Жору сразу же поразила огненно-рыжая девушка в красном бархатном платье с кружевной оторочкой и вставками из атласа, призывно тянущая руки. Её зелёные глаза были как живые, а руки и тело как бы говорили: иди ко мне, обними меня. Жора долго стоял, открыв рот, поражённый сходством и немислимостью предположения. И вдруг он, покачнувшись, сказал:

– А можно мне купить эту, рыжую?

— Пора, да, пора перестать быть романтиком. Пора престать верить в чудеса. Довольно миндальничать, шаркать ножкой. Да! И хватит носить розовые очки, восхищаясь всей этой красотой вокруг. Довольно нытья и пошлого восторга. Довольно! Сыт по горло! Хлещет из ушей! Нужно, очень нужно, просто необходимо быть твёрже. Крепче. Я бы сказал пуленепробиваемее, — Костику понравилось это выражение, и он двинулся дальше в своих непростых рассуждениях, — надо быть как броня, как скала! Что бы всё тебе нипочём. Холодное сердце и горячая голова, — тут Костик запнулся, — нет горячее сердце и холодная голова... — опять что-то не то — горячее сердце — это опять романтика, вздохи, ахи, любовь всякая. Холодное сердце, холодная голова. Вот так правильно. Слюни убрать. Пульс, как у снайпера, нервы, как у хирурга. Твёрже нужно быть, да, пуленепробиваемее! — и Костя для доказательства, что он уже броня, так тихонечко, осторожно хлопнул себя по щеке, как бы проверяя свою броню. Ничего, нормально. Пощёчину он держит. И тогда он ударил себя сильнее по другой щеке. Тоже ничего! И, наконец, он, сделав страшное, по его мнению, лицо и сжав зубы, тыкнул кулачком себе в нос. Он же панцирь, кольчуга. Он мужик, в конце концов. Не развалится. От удара, пусть и слабого, у Костика заслезились глаза и на пижаму в серых

слонах закапала кровь. Кап, кап. Кап, кап. Маленькие красненькие капельки на больших серых слонах, «Вот по мне идут раненые слоны», – подумалось Костику. Костик был фантазёр, романтик, благо его рождение в очень богатой семье позволяло это, но нос был его слабым местом, хотя и не только нос. Слабых мест, он-то точно знал, было у него хоть отбавляй. Часто ему казалось, что он весь состоит из слабых мест. Это-кое слабое звено в пищевой цепи людей-людоедов. Весь он такой воздушный, прозрачный, питается бабочками и туманом, в туалет ходит росой да пылью. А остальные, земные, поедают не только себе подобных, но кирпичи и камни. Нос его часто подводил в неизбежных мелких стычках в детстве, при давлении и нагрузках в юности, то ли ещё будет. И вот сейчас в такой важный момент, когда он из мягкого хлебного человечка начал превращаться в стойкого оловянного, нет, стального солдатика, нос опять его подвёл. Костик зажал нос ладонью и, запрокинув голову, пошлёпал босыми ногами в ванную комнату, натываясь на косяки многочисленных дверей в огромной квартире. Из зеркала на него смотрел растрёпанный молодой человек с возбуждёнными глазами и размазанной по круглому лицу кровью. Костик себе понравился, – кровь придаёт мужественности. Точно, как шрамы. Вот бы занять на лице такой шрам. Не безобразный, не страшный, а мужественный такой шрам. И лучше, чтобы вечером лёг спать, а утром проснулся и – раз, а у тебя на лице мужественный шрам. И сам ты, как из кевлара, как бронежилет – прочный и гибкий, – рассуждал Костик, опять запрокинув голову, кровь он специально не смывал, как бы пропитывался ей, становясь закалённее, – я могу быть сильнее. Мне на всё чихать. Мне всё нипочём. – Я чувствую, да, я чувствую, – говорил он в ладонь, – это должно произойти сегодня. Надо, чтобы именно сегодня произошло моё

превращение из слабого утёнка в железную птицу. Для этого просто необходимо, сегодня и именно сегодня, совершить что-то неординарное, героическое. Совершить серьёзный поступок! – вдруг осенило Костю – Да, да, поступок, и не просто поступок, а совершить подвиг!

Костя наскоро умылся: подвиг лучше совершать с чистым лицом, а то снимки в газетах и журналах выдут непривлекательными. Он вернулся в спальню по пути, завернув к холодильнику. Полулёжа на небранной постели и с аппетитом жуя приготовленный мамой бутерброд с ветчиной, будущий герой начал обдумывать свой подвиг.

– Подвиг – дело серьёзное, – рассуждал вслух Костик, дома никого не было – отец и мать на работе, а домработница взяла выходной, о котором так давно просила, – здесь торопиться не стоит, хотя и времени в обрез. Нужно всё взвесить, продумать, проверить, – как говорил его отец, и Костя с кривой улыбкой представил себе отца в окружении таких же, как он, бизнесменов, где-нибудь на заседании совета директоров – семь раз отмерь и один нарежь. – У меня не будет второго шанса. Второй попытки. И главное, что-то быстрое, на скорую руку. Такой быстренький подвиг в духе времени. Как китайская лапша – залил кипятком и готово. Скоренько, до прихода домой родителей. Да, в космос я уже не полечу, – продолжал рассуждать Костя, стряхивая крошки с пижамы, – если только туристом, но это не в счёт. Кругосветное путешествие – уже как на пять веков опоздал. Вот на войне всегда есть место подвигу. Да вот только войны у нас нет, – сначала с сожалением, но а потом с радостью, – войны-то нет, – констатировал Константин, – нет, и слава Богу. Подвиг на войне всегда пахнет смертью, или останешься калекой, и подвиг не заменит руку или ногу...

Костик резко вскочил с постели и замотал головой, как лошадь, отгоняющая слепней – нет, нет, нет, никакой войны! Что-нибудь изящное, с шампанским и женщинами в ажурных чулках, – однако ничего путного в голову не лезло. Сделать научное открытие – нет усидчивости, сочинить симфонию – нет слуха, написать роман – нет таланта, да это всё, собственно говоря, и не подвиги вовсе. Хотя свою учёбу в лучшем вузе страны, куда был принят «по благу», Костя считал чем-то героическим. Учёба юриспруденции давалась ему с превеликим трудом, хотя нельзя сказать, что Константин Анатольевич Маслов был совсем не пригоден для того, чтобы в будущем стать законником, но было всё это без особого блеска, он всегда балансировал между слабой и твёрдой четвёркой. И вот, окончив первый курс, тускло и фактически по принуждению родителей, молодой человек с водяными глазами и белым пушком над верхней губой пытался что-то сделать со своей благополучной, но, как ему казалось, никчёмной, жалкой жизнью.

– Сейчас бы запрыгнуть в машину и махнуть куда глаза глядят из этой Москвы, да всё отец, – сокрушался Костя, – человек слова, – передразнивал Маслова старшего Маслов младший, – я человек слова!

Дело в том, что отец обещал подарить сыну машину, если тот окончит первый курс на отлично. Но Костик думал, что папочка и так раскошелится, однако папа действительно был человеком слова и не бросал этих самых слов на ветер. Он вообще старался не баловать парня, давая возможность ему самому понять, почувствовать жизнь, но у мамочки на этот счёт было своё видение процесса воспитания. А именно никакого воспитания, а одно баловство. Вот к восемнадцати годам и получился рыхлый, не приспособленный к жизни, но думающий и честный человек. Этакая пульсирующая, но сомневающаяся масса в шёлковой пижаме в слонах.

– Да какая к чёрту природа! Опять я за старое, – сокрушался Костик. Он бросился к сочку для ловли бабочек, стоящему в углу спальни, и одним махом переломил его деревянную ручку об колено. – Вот так-то лучше! Никаких мотыльков, никаких бабочек, – раздельно, по слогам прошипел он, – подвиг надо совершать здесь, в Москве. А то никто и не заметит. Глубинку подвигом не удивишь. Там вся жизнь – подвиг.

Но вот с выбором подвига никак не клеилось. Это не йогурт в магазине выбрать. Чтобы думалось лучше, Константин принял душ, побрился, надел смокинг с чёрной бабочкой и устроился в кожаном кресле в кабинете отца, полагая, что атмосфера серьёзности, царившая там, поможет ему. Сам собой открылся коньяк и ароматно мерцал в массивном стакане, сама собой задымилась сигара из деревянной коробки, и томик сонетов Шекспира в кожаном переплёте сам выбрался из книжного шкафа и открылся на странице с сонетом номер 147:

*Любовь – недуг. Моя душа больна
Томительной, неутолимой жаждой.
Того же яда требует она,*

Который отравил её однажды... – в духе Демосфена, как бы перекрикивая множество книг на полках, продекламировал Костя. Конечно, любовь, вот где всегда есть место подвигу. А какие возможности она открывает! Какое это минное поле для буйной деятельности, созидания и самоуничтожения! Костик, как любой молодой человек, жил богатой любовной жизнью, но только в мечтах, фантазиях и снах. А вот в реальной, земной плоскости с любовью и романтическими отношениями между ним и прекрасным полом не особенно клеилось. Нельзя сказать, что девушки избегали его, совсем нет. Но Костик никак не мог подобрать подходящий ключик к этим заветным дверям,

за которыми происходит тайное и желанное священнодействие под названием любовь. То он очень торопился и никак не мог попасть в скважину уже подходящим ключом, то перебирал множество, будто бы верных, но не подходящих ключей, то ломился в открытую дверь, то постукиванием указательного пальца пытался открыть бронированную. Девушка у него была, по крайней мере, он так считал. Но дальше, чем ужин в ресторане или поход в кино, дело не доходило. Её звали Саша, была она своенравна, глупа и красива. Да, так чаще всего и бывает – красоте не нужен ум, а уму красота лишь помеха. Но это ещё полбеды. Вот когда нет ни того, ни другого... Отношения их уже целых четыре месяца складывались сложно и хаотично. Костя знал, что Сашечка встречается и с другими парнями, но непременным условием для их дружбы была свобода Саши. Свобода во всех проявлениях, такая извращённая демократия, или попросту вседозволенность. А если не нравится – то никто никого не держит. Костя ещё раз глотнул из стакана, предварительно устроив там бурю, и набрал знакомый номер.

– Говорите, – раздался заспанный женский голос после долгих гудков.

– Александра, – со всей возможной серьёзностью начал Константин, – Александра, слушай меня внимательно и не перебивай...

– Кто это ещё там нафиг, – реагировала девушка, – какая Александра, ты чё обалдел, козёл!

– Да это я, Костик! Костя Маслов, – выпалил он, уже привычный к такой реакции. Дело в том, что Александра поздно, вернее рано ложилось, и если её, не дай Бог, разбудить, то можно было услышать и не такое.

– А, это ты, Маслов. Ну, ты же знаешь, что я сплю, – зевая, подобрела она, – ты прости, а то знаешь, звонят всякие. И не называй меня Александрой, я же не мальчик, – сумбурно продолжала она, глотая зевок за

зевком – ну давай, выкладывай, чего тебе, только быстро, а то у меня дела.

– Александра, Саша, – Костя представлял, как она голая, сбросив одеяло и облокачиваясь спиной на подушку, с доброй улыбкой слушает его, – Сашенька, я люблю тебя, ты это знаешь, мы оба любим друг друга, и поэтому я хочу тебя украсть, – тут он запнулся, – не в том смысле украсть для получения выкупа, а украсть, как раньше, в рыцарские времена это делали с принцессами и королевами. Я хочу сделать подвиг во имя любви. И о моём подвиге узнает вся Москва. Кстати, фотографии, – Костик всё-таки был не лишён коммерческой жилки, – можно будет продать в глянцевого журнал...

– Я не поняла, повтори, какие фотографии, – Саша не слышала этого вдохновенного предложения о краже, оставив телефон и закуривая сигарету, – так я не поняла, какие фотографии? Ты выложил наши фотографии в интернет? Да ты что! Обалдел, что ли...

– Нет, нет, я ничего не выкладывал, – опешил Костя, – ты что, ничего не поняла? Я говорю, я тебя украду. Совершу подвиг во имя любви. Мы уедем, сбежим от всех. Поженимся. А фотографии, ну, как в Америке, звёзды фото своих детей новорождённых продают, мы продадим наши и будем на это жить.

– Слушай, Женя, он совсем там офанарел, – сказала Саша кому-то и бросила трубку.

Костя долго в недоумении слушал короткие гудки. Почему она его не поняла, это же так просто и красиво, и главное, кто такой Женя? Может быть, это подруга? Нет, это друг. Его лучший друг Женя. Евгений Колокольцев. Как ни странно, Костик совсем не расстроился, чётко поняв, что делал Женечка у Сашеньки. Новый вариант подвига, вот что главное, созрел сам собой. Подвига сочного, с тонкой кожурой. Надо вызвать Колокольцева на дуэль. И чтобы всё, как раньше, – секунданты, шпаги, пистолеты, белые рубашки. Где-нибудь

в Нескучном саду, под обмороки дам и ободряющие крики мужчин сойдутся на шпагах, именно на шпагах, сойдутся герой Маслов и негодяй Колокольцев. Набрав номер Саши, он явно видел поверженного уколom в грудь Колокольцева, правда, почему-то на снегу, хотя сейчас было лето, и себя с лёгкой царапиной на руке, в окружении восхищённой толпы. Костик знал наверняка, что трубку возьмёт Женя.

– Аллё, масло, – Колокольцев в жизни особенно не церемонился со своим другом Масловым, называя его масло или маргарин, – ты чего весь кайф обламываешь! Трезвонишь в такую рань и пургу несёшь, – Евгений был из тех людей, что предпочитают сразу сбить человека с ног своим напором в любой правой и неправой ситуации, а потом уж разбираться, – ты пока, давай, завязывай звонить на этот номер! Девушку не травмируй. И если я узнаю, что ты выложил её фотки в интернет, ты попал, маргарин, по полной программе!

– Колокольцев, ты подлец, – Костик был настроен решительно, – да, ты подлец, и я вызываю тебя на дуэль! Мои секунданты сообщат тебе о месте дуэли и виде оружия дополнительно...

– Какая дуэль, – заорал в трубку Колокольцев, – я тебе устрою дуэль! Я вот сейчас позвоню своим братьям, они и тебе, и твоим секундантам оружие в одно место засунут! Ты понял?

– Только мы с тобой, – слегка заплетающимся языком пролепетал опешивший Костик: коньяк ударил ему в голову, – какие ещё братки, так нечестно...

– А, так ты пьяный, – смягчился Женечка, – а мы-то думаем, чего тебе крышу сорвало. Иди, проспись, дуэлянт недоделанный, я завтра сам перезвоню.

Костя со злостью бросил трубку телефона на кожаный диван. То ли от коньяка, то ли от волнения у него закружилась голова. Ему захотелось с прохладного кондиционированного воздуха на воздух настоя-

щий, свежий. И он буквально побежал на террасу, по пути срывая с шеи чёрную бабочку. Резко распахнул балконную дверь и, облокотившись на перила, выбросил бархатные крылышки за окно. Бабочка улетела.

Был мягкий, ослепительный июньский день. Таких прозрачных, нежарких, райских дней бывает всего несколько за короткое московское лето. Ну, вы знаете: то жара адская, то дождь без перерыва. Косте на балконе сразу же стало лучше. «В такой день и умереть не страшно», – почему-то промелькнуло у него в голове. Небо было безоблачным и синим, как детство. Солнце уже почти зашло за дом. Костя, чуть шурясь, смотрел в бесконечную синь. И вдруг он так отчётливо и так ясно понял всю никчёмность и бесполезность своего существования среди этого ясного и безмятежного дня. Он физически ощутил всю глупость и бессмысленность своих исканий, терзаний и размышлений. Он начисто забыл об утренних мыслях, о пуленепробиваемости и подвиге. Забыл о фальшивых друзьях и подругах. Ему захотелось раствориться в этой яркой синеве, стать её частью. Частью пусть невидимой, но неотделимой. Он сбросил пиджак, оставшись в белой рубашке, подставил стул к краю балкона и, одной ногой став на него, другой наступил на перила. Вниз он не смотрел, а пристально вглядывался в вышину, как бы стараясь узреть там ангела или какой-то знак. Внизу с улицы Костики сразу же заметили – человек стоит на перилах балкона, держась за раздвинутые рамы окон. Его сразу же стали снимать на камеры мобильных телефонов. Кто-то стал ему кричать, чтобы он шёл домой, что люди не летают, кто-то звонил, наверное, в милицию. Но Костю уже не интересовала вся эта суета. Постояв так с минуту, он глубоко вздохнул, словно собирался нырнуть в голубую воду неба, и сделал шаг вперёд. Его последней мыслью было, что завтра газеты с его фотографией будут хорошо продаваться.

I

— Москва — она как женщина. Женщина, с которой ты живёшь. Не обязательно женат, а именно живёшь. Делишь свою постель, спишь под одним одеялом. Но, однажды проснувшись среди ночи, понимаешь, что всегда хотел уйти к другой, к другой женщине. А в эту минуту, в три часа душной столичной ночи эта мысль... — Николай пробежал пальцами по невидимым клавишам рояля, подбирая нужные слова. — Эта мысль вдруг сжимает твоё сердце, как пресс гидравлический. Да, ты не можешь без неё, она нужна тебе. Но и с ней ты задыхаешься. Это тоже любовь, но любовь плотская, любовь с мясом. Кстати, Кирюха, а почему ты не ешь? Мраморное мясо здесь готовят лучше всего в Москве.

— Да, странно от тебя, коренного москвича, слышать такое...

— Коренного? Коренного, как зуб, это ты точно подметил. Врос я в Москву крепко, да и перемолоть многое способен. Без этого здесь нельзя. Это не у тебя в глубинке.

— А при чём здесь глубинка? Здесь дело совсем в другом. В отношении. В любви, как ты правильно говоришь. Для меня Москва — вот ты о женщине заговорил — как актриса, кинозвезда. Её во снах видишь,

в мечтах целуешь. И только. Это любовь к идеалу, любовь воздушная, неземная, – Кирилл выпил несколько глотков из фарфоровой чашки. – Не привык я к зелёному чаю. Люблю крепкий чёрный да сахара, чтобы ложка стояла.

– Ты всегда был сладкоежкой. Сколько же мы с тобой не виделись, дружище?

– Пять лет. Да, пять лет, а вокруг всё так изменилось.

– Прогресс, ритм, скорость. Шарик быстрее стал крутиться. Сейчас расслабляться некогда. Стопроцентная концентрация, как на минном поле, литр цинизма и тридцать семь капель равнодушия. Вот рецепт выживания в Москве. Да, ещё крепкие, коренные, острые резцы и белоснежная улыбка. – Николай широко улыбнулся идущей к столику официантке. – Девушка, будьте любезны, моему другу чёрный чай, покрепче.

– Какой сорт желаете? – улыбнулась в ответ девушка.

– На ваш вкус, – покраснев, выдавил Кирилл. – Она что, действительно из Китая?

– Нет, конечно, дитя олимпиады. – Николай, прижмурившись, как кот, посмотрел на фигуру удалявшейся официантки. – А повара действительно, но только из Японии. Восток неумолимо движется к господству на планете.

– У нас же многонациональная страна.

– А Москва у нас самый многонациональный мегаполис. Знаешь, если опять провести параллель с женщиной, то жить в Москве – это как жить с гулящей женщиной.

– Коля, да что это с тобой! – Кирилл обиженно отбросил нож и вилку на стол.

– Что-то ты размяк там у себя в глуши. Пропитался соловьиным пением. Дай мысль закончить. Так

вот, приходишь ты с работы. Уставший, злой, голодный. А жена уже дома. Ласковая, красивая. Ужин на столе. И в постели она что надо. – Николай щёлкнул пальцами, как заправский испанец. – Но проблемка в том, что сегодня она до тебя уже ублажила с десятков разношёрстных клиентов. И самое главное, что ты знаешь об этом. Знаешь, а поделать ничего не можешь. И до зуда в этих самых коренных тебе хочется собрать вещи и бежать, ехать, лететь куда подальше. К тебе, например, в леса и поля. К истокам. Лечь на землю, прижаться к ней щекой, обнять её и слушать, как растёт трава.

– Это не я размяк. Это вы здесь от красивой жизни с ума сходите. С жиру беситесь. Да, через месяц ты у нас с тоски волком выть будешь. А поля-леса через два месяца замечать перестанешь. Настоящая жизнь – она здесь. Только здесь дышишь полной грудью, миллионы возможностей и тысячи открытых дверей. Бизнес, культура, спорт! Жизнь бьёт ключом.

– И в основном по голове.

– Уж лучше ходить с шишками на голове, но в Москве, чем с шишками в карманах, но в такой дыре, как наша губерния. Миллионы людей просто бредят Москвой. Что раньше, возьми хоть трёх подружек этих, рвались всё в Москву, в Москву! Как их звали-то? В общем, не важно. А сейчас и подавно. У детей спрашиваешь, кем ты хочешь стать? А они поголовно отвечают: хочу жить в Москве. Не кем, а где. А кем стать, неважно, главное, чтобы платили много.

– Это были три сестры.

– Да хоть три брата-акробата. При чём здесь это? Столько лет не виделись! Я думал, ты мне сейчас парочку рецептов, как стать миллионером, – Кирилл лукаво подмигнул Николаю, – выдашь. Как старому другу, по секрету. Или что-то случилось, или ты меня видеть не рад?

– Устал я как-то резко. Здесь такое часто бывает. Раз – и полная апатия к жизни.

– Ваш чай, пожалуйста. – Официантка поставила перед Кириллом дымящуюся чашку. – Сахар на столе. – И, виляя бёдрами, как джонка между скалами, удалилась в море ресторана.

– А слабо тебе махнуть новенькую «Тойоту» на мои «Жигули»? Без доплаты. – Кирилл вытряс в чашку половину содержимого сахарницы.

– Не совсем понял, о чём ты? – Николай безразлично смотрел в окно.

– Вот ты параллели постоянно проводишь, и я решил провести. Твоя жизнь в Москве – это как комфортабельный седан с кондиционером, кожаными сидениями и спутниковой навигацией – полный фарш – так ведь сейчас у вас говорят? Мы тоже в своей глуши кое-что знаем. А вот моя жизнь в нашем городке – это точно «Жигули». Я думаю, прелести нашей народной марки перечислять не надо. И я тебе предлагаю сделку. Раз загибаешься здесь, бедненький, – Кирилл покачал головой из стороны в сторону. – То давай ты ко мне, на моё место, я на твоё место – в Москву. Что молчишь? Слабо?

2

Николай собирал свои вещи с остервенением и брезгливостью. Будто это не его пожитки, а вещи краденые. Вещи грязные, и он, боясь испачкать руки, расставался с ними по возможности максимально быстро, бросая их в открытую пасть чемодана. Там он купит что-нибудь новое. Простое, добротное. И главное, немного, только самое необходимое. Например, льняные брюки и льняной пиджак. Ему почему-то казалось, что именно льняные брюки будут гар-

монично вписываться в простой сельский пейзаж. А пиджак нет, он покупать не будет. Ему и так надоели эти пиджаки и бесконечные галстуки. У него до безобразия много галстуков. Если все эти галстуки связать вместе, то можно будет на них спуститься с балкона его квартиры на двадцатом этаже. Господи, сколько же ненужного хлама мы приобретаем за нашу жизнь! Тысячи приспособлений, которыми можем и никогда не воспользоваться, тонны одежды, которую, примерив однажды, мы навсегда забрасываем в тёмный шкаф. А шкаф всё стерпит, там, в его огромном чреве, мы храним своих скелетов, надежду и разочарование. Храним свою вторую кожу, костюмы притворства, платья лицемерия и пижамы равнодушия. Мы привыкли только потреблять, брать, рвать. Постоянно подпитывать своё воспалённое воображение. В нас не осталось былой жажды к жизни, к открытиям и новым вершинам. Уже всё давно открыто и изобретено. Всё давно написано и начерчено. Нам остаётся лишь потреблять. В нас поселился зверь, требующий всё новых и новых покупок. Новых фильмов и песен, новых шоу-программ. Нам постоянно нужен новый уют, хотя и прежний отменно гладил, нам нужен новый чайник, хотя и старый так же доводил воду до кипения, пусть и на пять секунд медленнее. Нам подавай скороварку, пароварку, овощерезку и кухонный комбайн. Выбор в нашей жизни заключается не в том – открывать нам Америку или не открывать, а какой из двадцати пяти видов кефира выбрать в супермаркете. Николай с трудом, помогая себе коленом, закрыл чемодан. Если что и взял лишнее, там выброшу. Или раздам соседям. И Николай с улыбкой представил чумаzych трактористов в полосатых галстуках. Так, дальше – машина, квартира, недостроенная дача. Как быть с этими гирями? С этим грузом, тянувшим Николая на дно обыватель-

ской жизни. Машину он продаст и купит там себе велосипед, а зимой он будет передвигаться пешком. Машины – это не средства передвижения, это зло. Пробки, аварии, машины – отравители всего живого. Скоро по Москве люди будут ходить в противогазах, а он будет вдыхать чистый и ароматный воздух леса. Он привык даже за хлебом пятьсот метров преодолевать на железном коне. А там будет ходить пешком или бегать трусцой. Наконец пропадёт его пивной животик, мышцы ног обретут былую силу и выносливость. Дальше квартира, её тоже можно продать. Хотя с этим было тяжелее. В ней кроме него прописана бывшая жена. Развелись они давно, у неё есть своя квартира, вернее квартира второго мужа. Николай вдруг вспомнил, что он старше его. Этого Эдика, то ли Дениса. Это вдруг его обозлило, но и быстро прошло. Расстались они с Еленой Андреевной мирно, поняв, что не созданы друг для друга. Хотя им и понадобилось для этого почти пять лет. Детьми они не обзавелись: были вечно заняты работой и погружены в себя. Может ли быть любовь без детей? Но он хотел сначала крепко стать на ноги. Мечтал, чтобы его дети жили лучше, чем он. Хотел им ни в чём не отказывать. Как же это так произошло? Но сейчас это и к лучшему. А дети будут – он мужик ещё – огого! Хотя жена героем и рыцарем его никогда не считала. Елена, конечно, порядочная и не будет ни на что претендовать... Но люди – это страшные создания. Злобные и непредсказуемые. Нет, квартира не сможет его остановить. Даже на половину суммы там он сможет купить себе хоромы. А ему-то всего и нужен небольшой деревянный домик. С русской печкой и геранью на подоконнике. Лишь бы дом был тёплым и за печкой жил добрый домовый. Потрескивают поленья в печном горле, ветер гудит в трубе, дождь тяжёлыми каплями постукивает в окно...

Кирилл не мог представить, что он скажет жене, как всё объяснит. Почему сначала он уезжает один, без семьи. Конечно, сперва разумно подготовить почву, укрепиться, осесть, пообтереться немножко. Присмотреться, привыкнуть. А уже потом, можно сказать, на всё готовенькое привезти жену и пацана. Но ведь вместе, оно всегда легче. Вместе делить поражения и победы. Поддерживать друг друга в трудную годину, а краткие мгновения радости разделить на всех. Так говорит сердце, а разум твердит иное. Правду сказать, не совсем понятно, что твердит он, но точно, что совершенно противоположное тому, что лепечет сердце. Вот, к примеру, супруга говорит, и Кирилл явственно увидел свою Тоню – хрупкую, болезненного вида женщину. Её как будто всё время заспанные глаза, тонкий нос, бледные губы, волосы, собранные в пучок. Привычная белая блузка, чёрная юбка и туфли-лодочки. Москва, говорит она ровным тихим голосом, это город греха. Соблазн на каждом шагу, встретишь ты там другую женщину. Красавицу белокурую, длинноногую, и забудешь про меня дурочку провинциальную. А что любовь? С глаз долой – из сердца вон. Кирилл эти мысли гнал. Что значит – встретит другую...? Он свою Тоньку любит. Всё у них хорошо, душа в душу. Хотя мечты, они, конечно, приключаются. С кем не бывает. Про актрис и звёзд мыслишка иногда да и проскочит. А в Москве-то они, звёзды да красавицы, на каждом шагу. И вдруг не устоит он – Кирилл Кириллович, и закрутит сногшибательный роман. Как в кино. Но куда ему, ведь он простой, как солёный огурец. Кому он нужен. И они ему не нужны. У нас Тонечкой любовь, и сынишка подрастает. Борьку в хорошую школу пристрою, себе машину крутую куплю, а жена пусть дома сидит, хозяйство ведёт и по

салонам красоты ходит. А то бывает, как посмотришь на неё, – лохудра лохудрой. Стоп. Закройте эту ледяную воду! А на какие это всё шишы? Это вопрос больше всего беспокоил Кирилла. Здесь он проявит всю выдержку и прочность своего характера. Пусть он несколько стеснительный, провинциальный, но он умеет добиваться своего, достигать поставленной цели. Он может начать с малого. Клевать по зёрнышку. С маленькой должности, и своим усердием и трудолюбием пробиться наверх. А если надо, то и по головам пойдёт. Все так начинают. Может и на вторую работу устроиться. Те же японцы работают круглыми сутками, и ничего. В люди выбиваются. А чем я хуже. Сначала простым работником, потом менеджером, и так далее, пока не стану директором. Кожаное кресло, разговоры по громкой связи, секретарша, деловые обеды, встречи на высшем уровне. Казино, деньги, девочки, дорогой алкоголь, а не эта сивуха по праздникам...

4

А на Москву опускался вечер. Было начало осени. Солнце ещё, скорее по привычке, нежели по необходимости, радовало москвичей и гостей столицы. Хотя особенно и не грело. За дело брались дожди, мелкие, холодные и затяжные. Вот и сейчас стал накрапывать типичный мерзкий московский дождик. Город жил своей жизнью. Новый Арбат был забит машинами, как узкий горный поток форелью, идущей на нерест. В ресторанах и кафе прибавлялось посетителей. Люди работали, ехали домой, читали в подземке, ходили по магазинам, разговаривали по мобильным телефонам, занимались любовью, рождались и умирали. Город жил своей обычной жизнью. И ему было совершенно наплевать, уедет ли Николай Васильевич или приедет

ли Кирилл Кириллович. Продаст ли машину один, и станет ли директором другой. Москва – это «Царь Колокол», ударив в который, можно оглохнуть; Москва – это купола «Ивана Великого», взглянув на которые, можно и ослепнуть. Не каждому дано пальнуть из «Царь Пушки». Москва – это глыба, которую никому не вкатить на свою гору. Москва – это и есть сама жизнь.

– Счёт, пожалуйста, – Крикнул Николай, выходя из оцепенения. – Это ты, Кирюха, загнул, махнуться. Да ещё не глядя. Развеселил, ей-богу.

– Хорошая шутка – лучше любого десерта. – Хихикнул Кирилл. – Так, помечтал, и всё.

Когда принесли счёт, Николай долго изучал его, что-то прикидывая в уме. Затем как бы нехотя достал большой бумажник, отсчитал три тысячи и положил их в кожаную книжечку.

– А с тебя, Кирилл, две пятьсот, – улыбнулся белоснежной улыбкой Николай, подводя итог встрече двух старых приятелей в одном из японских ресторанов в центре Москвы.

содержание

Три тысячи шагов по Арбату	5
Бутылка портвейна.....	16
Между небом и землёй.....	31
Случай на Патриарших прудах.....	45
Пересвет и Челубей.....	58
Пони Пашкиного детства.....	72
Федька Магеллан.....	82
Чёрный человек.....	89
Румынские сны о Москве.....	100
Кукольница.....	114
Подвиг.....	125
Москва	134

ОЛЕГ ГРИСЕВИЧ

Три тысячи шагов по Эрбату

Дизайн обложки и верстка макета – *И.С. Трипольская*
Корректор – *М.С. Должкова*

Подписано в печать 17.05.2010 г.

Формат 84x108 ¹/₃₂.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «PetersburgC»

Усл. печ. л. 4,5. Тираж 2000 экз. Заказ 2268.

Московская городская организация СП России
121069, Москва, ул. Б. Никитская, 50А/5, стр. 1

Оригинал-макет ИПО «У Никитских ворот»

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Сайт: www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-91366-170-8

9 785913 661708

